

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5
1997

СЕНТЯБРЬ •

ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Завалишина Н.Ю.</i> (Москва). Молодежные движения в югославских землях в начале XX века.....	34 ✓
<i>Шатилов А.Б.</i> (Москва). Эмигранты из России в Австралии в 20–30-е годы.....	9
<i>Фрейденберг М.М.</i> (Тель-Авив). Венеция, Дубровник, Сплит в конце XVI века: соперничество городов (К вопросу о роли евреев в балканской торговле).....	15 ✓
<i>Ефимова В.С.</i> (Москва). Лексика со значением речи в старославянском языке. II. Слова с корнями -рек-, -глас-, -глагол-.....	22

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Хлебникова В.Б.</i> (Москва). Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка "Черногория. 1860–1900 гг.".....	35 ✓
<i>Робинсон М.А., Досталь М.Ю.</i> (Москва). Лекция Е.Ф. Шмурло "Москва–Третий Рим"....	52 ✓
<i>Баран Х., Душечкина Е.В.</i> (Олбани–Санкт-Петербург). Письма П.Г. Богатырева Р.О. Якобсону.....	67
<i>Задорожнюк Э.Г.</i> (Москва). "Подлинная революция – это революция реформистская" (Из книги Т.Г. Масарика "Россия и Европа").....	100

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

<i>Кравецкий А.Г.</i> (Москва). Опыт словаря литургических символов (окончание).....	108
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Л.К. А.С. Пехтерев, Й. Клапка.</i> Русская литературная эмиграция в Чехословакии (1918–1938).....	113
<i>Будагова Л.Н.</i> "Путь романтичный совершил...": Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева.....	115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лабынцев Ю.А. Центр белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН..... 123
Нещименко Г. К 85-летию Милоша Докулила..... 124
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН..... 127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Васильев М.А.*, *Веслова И.Ю.*,
Кошкин Е.А., *Масленникова Е.Н.*, *Стемковская Ю.Е.*

© 1997 г. ЗАВАЛИШИНА Н.Ю.

МОЛОДЕЖНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С конца XIX в. на политической арене югославянских земель появляется "новая" молодежь, которая отличается политической нетерпимостью и уверенностью, что пришел ее "золотой век". Это молодежное движение приобретает особый размах в Сербии и в Хорватии. Для сербской национальной молодежи характерна в большей степени югославянская направленность, тогда как среди хорватской не было единства – более многочисленная ее часть поддерживала югославянскую идею, а менее значительная – клерикальную.

В начале сентября 1900 г. в Загребе был организован "Хорватский католический конгресс", на котором была принята "клерикальная программа нового XX века". Делегаты в ней открыто заявили: "...Мы хорваты и католики ... здесь собрались, чтобы перед всем миром заявить, что мы одно и то же... Народу нашему нет спасения, пока не сплотится он около католической церкви... Мы должны сделать все, чтобы в нашем отечестве было как можно больше праведников Христовых... поэтому мы должны уделить особое внимание хорошему воспитанию молодежи..." [1. S. 9].

Судя по документам предполагалось, что начальные и средние школы должны перейти полностью под церковное руководство и все силы направлены на укрепление религиозного влияния на университет [1. S. 10].

Такая программа не встретила одобрения у многих слоев молодежи, прежде всего университетских. В 1902 г. антиклерикально настроенные молодые люди опубликовали брошюру "Разгром и празднование", в которой выдвинули свою программу. В то время как клерикалы на первом конгрессе подчеркивали необходимость воспитания молодого поколения в духе "чистого самохорватства, всехорватства и великохорватства", то в молодежной программе был сделан особый акцент на взаимоотношения с народами других вероисповеданий. "Вместо отрицания сербской нации, которое пропагандируют правши, мы стремимся к более близкому взаимному знакомству между хорватами и сербами... Клерикализму мы противопоставляем свободу убеждений и свободу мысли...". Там же была дана и довольно едкая характеристика своих противников: "А что сказать о жалкой комедии политического клерикализма?.. Пытались недавно с помощью католического конгресса и еще некоторых

выступлений интересы хорватского народа отождествить с интересами одного сословия... Священники, как единственный мост между партиями и сельским населением должны были бы стать самым важным, даже единственным фактором нашего политического развития... факт, что в течение последних лет священники начали считать себя каким-то государством в государстве; какой-то организацией над народом и вне его – а это то, против чего должен выступать любой мыслящий патриот... вопрос процветания народа, вопрос общих интересов, должен быть всегда выше интересов любой группы, любой организации" [1. С. 11].

В Хорватии в 1906 г., под руководством Юрислава Янушича, появляется новая организация – "Прогрессивная хорватская молодежь", положившая начало всему югославянскому молодежному движению в хорватских землях. В 1907 г. этой организацией начал издаваться журнал "Hrvatski đak", ставший сразу же популярным в кругах учащейся молодежи. Появление этого издания вызвало недовольство и тревогу у клерикалов, озабоченных прежде всего тем, что журнал выступал за политическое сближение словенцев, хорватов, сербов и болгар [1. С. 13].

Эта молодежная организация в католической церкви видела своего неприятеля. "Hrvatski đak" писал, что надо действовать "всеми силами и средствами, чтобы в обозримом будущем у хорватского народа появилось решение о полном прекращении отношений с Римом" [2. С. 537].

В Сербии первые молодежные организации югославянского определения появляются несколько ранее, чем в Хорватии. В 1903 г. в Белграде создается общество, получившее по аналогии со своим печатным органом название "Словенски југ". Это общество проповедовало идею культурного объединения южнославянских народов, с уважением относилось ко всем различиям, которые существуют между ними. Идеалом для них было югославянское федеративное государство. Члены "Словенски југ" стремились на практике показать пример толерантности, используя в своей корреспонденции как кириллический алфавит, так и латинский, причем служебные письма писались обычно на том языковом варианте, которым пользовался получатель.

В 1904 г. в Белграде проходил югославянский молодежный конгресс, на котором подчеркивалась необходимость "политического здравомыслия и реализма", а также говорилось о славянской обособленности. На конгрессе делегаты высказывались за полную "победу демократии", понимая под этим славянскую солидарность и независимость [2. С. 536].

Примерно в это же время начинают объединяться сербские и хорватские движения в университетах Вены и Праги. Идея югославянского сближения проповедовалась на страницах журнала "Zoga", издававшегося в Праге и Вене сербскими студентами. Это был журнал литературно-художественного направления, в нем публиковались переводы из произведений русских писателей, а также помещались рассказы и повести сербских писателей югославянской ориентации.

Особенно большого размаха молодежное движение достигло в Далмации. Самое большое количество югославянски ориентированных активистов и идеологов, обучавшихся во всех университетах Австро-Венгрии, были выходцами именно из Далмации. В 1905 г. там начинается постепенное сближение студенческого сербского клуба "Шумадия" и хорватского "Хрват". В 1907 г. в сотрудничество с ними вступила и словенская молодежная организация "Иллирия" [2. С. 538].

Естественно, что и среди молодого поколения не было единства во взглядах. В Хорватии, как уже говорилось, существовала клерикально настроенная молодежь, которая играла особую роль во всем католическом движении. В 1906 г. было создано хорватское клерикальное студенческое общество "Домагой", а в Далмации примерно в это же время появляется "Бакула".

Представители клерикальных хорватских студентов бросили вызов своим прогрессивным друзьям, издав в начале 1907 г. в университетах Загреба, Вены, Иннсбрука и Граца брошюру, где призывали хорватский народ выбросить из своих домов такие газеты, как например, "Pokret", "Novi List", "Hrvatski narod", "Sloboda", "Savremenik".

Эти газеты, по их мнению, хотят и стремятся "уничтожить веру, а вместе с ней и родину и народную душу" [1. С. 13].

Ответ последовал незамедлительно: в том же 1907 г. была выпущена брошюра "Клерикалы и истина", проведен ряд манифестаций. Декрет Ватикана, направленный против богослужения на хорватском языке, только усилил антиклерикальный настрой в студенческой среде. 25 февраля 1907 г. в актовом зале университета Загреб был проведен митинг, на котором была принята резолюция, проникнутая антипапским и антиклерикальным духом. Загребские студенты в ней заявили, что за все то, что хорватский народ терпел со стороны Ватикана, нужно прекратить все взаимоотношения с ним. "Хорватское студенчество, помня все жертвы и страдания хорватского народа за Рим, церковь и веру... должно констатировать, что Рим – неприятель хорватского народа, что от Рима хорватский народ не должен ничего ожидать... Поэтому хорватское студенчество, защищая право, характер, культуру и интересы хорватского народа... считает, что всеми силами и средствами надо способствовать тому, чтобы полностью прекратить взаимоотношения с Римом" [1. С. 14].

Защитники Ватикана, в свою очередь, организовали "Первую хорвато-словенскую католическую студенческую встречу". Она проходила в августе 1907 г. в Загребе, организатором ее явилось студенческое общество "Домагой". На этом собрании, в целом, были повторены решения конгресса 1900 г. В резолюциях говорилось о необходимости для хорватов встать на борьбу с неприятелями католической веры и церкви в стране. Одновременно все собравшиеся выразили непоколебимую преданность Ватикану, подчеркнув тот авторитет св. Престола, которым он "по праву пользуется в католической церкви и во всем цивилизованном мире" [1. С. 14].

Столкновения двух противоположных направлений происходили постоянно. В августе 1909 г. состоялась встреча членов организации "Хорватская прогрессивная молодежь", была принята программа, получившая название "Основные принципы", где выдвигалось и требование свободной школы, независимой от давления государства и церкви. В программе подчеркивалось: "Вера – личное дело каждого. Поэтому необходимо, чтобы церковь, как религиозное учреждение, была полностью отделена от государства. Этот принцип надо последовательно провести во всех областях общественной жизни, всеми силами противодействуя клерикализму, в какой бы форме он не появился, а особенно в школе" [1. С. 15].

Примерно в это же время активизируется и югославянское движение в Сербии. В 1907 г. в Белграде появляется "Южнославянская революционная организация". Программа и задачи этого общества были разработаны приехавшим из Загреба Миланом Прибичевичем. Целью провозглашалось "полное освобождение южных славян в государственном, политическом, социальном и культурном отношениях, а также объединение в единый государственный организм, основанный на полностью свободных и демократических принципах" [2. С. 539]. Это должно было бы быть федеративное государство с автономными областями.

В феврале 1910 г. в Праге создан "Союз югославянских обществ", в который вошли болгарская организация "Седянка", сербская "Шумадия", хорватская "Хрват" и "Клуб хрватских техничара", а также словенские – "Адрия", "Иллирия" и "Клуб словенских техников". Целью такого союза провозглашалась деятельность, направленная на практике на "осуществление югославянской взаимности", что в свою очередь было предпосылкой всеславянского и общечеловеческого культурного сближения [2. С. 540].

Выработка совместной политической программы шла очень медленно. В 1909 г. в Сушаке и в 1911 г. в Сплите прошли два съезда сербской и хорватской югославянски ориентированной молодежи. Обсуждались вопросы, связанные с объединением в одну организацию, выражалась готовность вести непримиримую борьбу с клерикализмом.

Процесс объединения шел повсеместно. В декабре 1911 г. в Вене группой около журнала "Zora" был организован съезд, на котором представители сербских и хорватских студентов из Вены и Праги создали организацию "Сербско-хорватская

национальная молодежь". В том же 1911 г. был приостановлен выпуск в Загребе журнала "Hrvatski đak", вместо него стало выходить другое издание – "Val". Опубликованная в первом номере программная статья выдвигала ряд политических задач, в том числе задачу демократизации самоуправления и общественной жизни в Хорватии. Наша задача, писал журнал, "создать молодую, современную, свободную, революционную Югославию в хорватских и сербских землях. Наша народная мысль хорвато-сербская, наша национальность сербско-хорватская. Наш взгляд на мир не догматичен, основан на научных знаниях. Наша организация не религиозна" [2. С. 540].

Несмотря на то, что идея объединения в одно демократическое государство получает все большее распространение среди различных молодежных обществ и организаций, не все из них достаточно серьезно относились и вкладывали одинаковый смысл в эту идею. В журнале "Zora", например, появлялись статьи, в которых подвергалась критике вся система парламентаризма. Эта молодежь, охваченная волной революционного югославянского унитаризма, не разрабатывала концепцию демократического государства. Это было убеждение, но не идеология. Ими руководило желание действовать и изменить существующее положение. "Мы верим, что жизнь лучше смерти, но смерть почетнее, чем позор" – таков был лозунг югославянского молодежного движения [2. С. 542].

После неудачных попыток объединения молодежных движений в Сплите в 1911 г. и выпуска журнала "Val" в октябре того же года, были сделаны еще две. В Сплите, в том же 1911 г., организуются еще две встречи хорватской и сербской молодежи, на которых речь шла о создании организации "Хорватско-сербская радикально-прогрессивная молодежь". Слово "радикальная", по их замыслу, показывало решимость отстаивать новый "деятельный, наступательный и революционный" национализм [2. С. 542].

Между тем, клерикализм шел своим путем, в соответствии с программой, намеченной на первом "Хорватском католическом конгрессе". В частности особое внимание уделялось печатному слову. В самом начале XX в. на Крке начал выходить новый журнал "Hrvatska straža", но будучи изданием научного, прежде всего философского направления, он не получил широкого распространения. Обеспечить требуемую популярность своим идеям могла еженедельная газета. Именно к этой мысли пришли сторонники клерикализма. В 1904 г. церковь материально поддержала основание "Хорватского католического печатного общества", целью которого было распространение материалов для религиозного чтения. Во всяком случае так было представлено епископу Штроссмайеру, когда потребовалась его подпись и материальная помощь. Между тем, вскоре выяснилось, что речь шла о выпуске клерикальных газет, за которыми стояли Вена и Ватикан. Сам Штроссмайер, узнавший о действительной цели создаваемого общества от председателя Югославянской академии Т. Смичикласса, назвал прием клерикалов "настоящим воровством", упомянув, что его подпись результат того, что на латыни называется фуртим (обман, хитрость, казуистика).

Это заявление епископа Штроссмайера дало название клерикальному течению, его сторонники получили в хорватской политической терминологии название "фуртимашин".

В 1904 г. стала выходить газета "Hrvatstvo". Этот печатный орган объявил войну социализму, а также либеральному католицизму. Сторонники этих идей, объединенные в "Хорватскую социал-христианскую партию права", в 1910 г. пошли на союз с Истинной партией права, возглавляемой И. Франком.

Объединенные франковцы и клерикалы-"фуртимашин" получили название "франко-фуртимаштина". Ф. Супило так характеризовал задачу этой объединенной партии: "целью клерикализма или фуртимашства в Хорватии было ослабление и без того слабой хорватской политики, превращение ее в покорную церкви" [3].

Революционно настроенная молодежь восставала против идеи национальной исключительности и религиозной нетерпимости, которые проповедовали франкофуртимашин,

что они являются врагами как освобождения страны от австрийского господства, так и идеи объединения южнославянских народов.

Однако, несмотря на всю критику в адрес партии И. Франка и клерикалов, влияние их на молодое поколение было значительным, по крайней мере в первое десятилетие XX в. Достаточно сказать, что часть хорватской молодежи поддерживало их идеи. Существовали две молодежные группы так называемого "национального определения", около журналов "Mlada Hrvatska" и "Stekliš". Между ними не было принципиальных различий и поэтому многие историки избегают делить это молодежное направление на две организации, считая, что первая группа была более привержена идеям католицизма и выступала за триалистическое переустройство монархии Габсбургов, в то время как другая более лояльно относилась к сербам и была более революционной [2. С. 540]. Обычно это национальное движение обозначают выражением "Молодая Хорватия" по аналогии с названием журнала.

Идеалом "младохорватской" молодежи был писатель Август Матош. Он сходилась с клерикалами и франковцами по некоторым вопросам. Например, он не выступал за отделение церкви от государства и был уверен, что народу необходимо религиозное воспитание. Однако о франковцах и клерикалах писал довольно резко: "Казуистика пустила корни в наших краях, обедневших и безграмотных, воспитывая здесь тайными средствами новый мрак среди мрака, новое рабство среди рабелепия... Отождествляя наш религиозный национализм с католичеством, клерикалы отталкивают иностранцев и маскируют свои темные дела шовинистическими лозунгами... Либерализм – это терпимость, свобода мысли и уважение чужой свободы совести, а казуистика – это нетерпимость, рабство и преследование любой несоответствующей мысли." В том заключается разница между нами, либералами и фуртимашами (казуистами)... [1. С. 19].

А. Матош не признавал сербов особой нацией в Хорватии, однако говорил о возможности союза с ними в югославянском государстве.

Под влиянием Матоша "младохорваты" стали допускать мысль о культурном сотрудничестве южных славян, но югославянскую идею считали опасной, так как она угрожает "чистому хорватству" и низводит хорватский народ до положения одного из племен "хорватско-словенско-сербского" народа. Они восприняли антисербскую позицию Матоша в политической области, исходя из традиционного правашского убеждения, что в Хорватии, Боснии и Герцеговине живет только хорватская нация.

Следует отметить, что во взглядах "младохорватов" не было определенности и четкости, они как бы находились на распутье между "непризнанием" сербской нации в Хорватии и сознанием необходимости сотрудничать с ней.

В конце 1909 г. в "младохорватской" организации произошел раскол. Члены прежней редакции журнала "Mlada Hrvatska" порвали с партией Франка и решили издавать "Grabancijaš" ("Голос старчевичанских свободомыслящих учащихся"). Вышел лишь один номер. Новая газета провозгласила клерикализм "антиподом национализма", утверждая, что он заполнил собой все, препятствуя свободе развития. Подчеркивалось, что молодежь должна возродить хорватский национализм в либеральном, но не в атеистическом смысле. "Grabancijaš" выступал за моральное возрождение хорватского народа на основе культурных ценностей, интеллектуального развития и создания политической свободы. "Чистота, свобода, независимость и молодежный радикализм" – этими чертами отличается программное заявление новой молодежной организации. Говорилось о сближении только со словенцами, о сербах не было ни слова [4].

Другая, бóльшая часть "младохорватской" молодежи оставалась еще некоторое время во франковской партии. Однако через несколько месяцев "младохорваты" решительно выступили против официального объединения Истинной партии права с клерикалами и окончательно разошлись с партией И. Франка.

Активно проводилась в жизнь и югославянская идея. Окончательно объединение сербско-хорватского молодежного движения происходит 16 марта 1913 г. в Сплите. Создается центральный комитет и в мае начинает выходить газета "Ujedinjenje". В

Загребе вместо ряда закрытых молодежных изданий, в начале 1914 г. появляется газета "Vihor", а затем еженедельники "Narodno jedinstvo" и "Nova reč".

"Видовданский конгресс" в 1914 г., в Вене, на котором присутствовали представители всех молодежных направлений, подтвердил это объединение. Был сделан вывод, что терроризм – не самое лучшее средство для достижения цели, принято решение о создании революционных кружков, которые должны были подготовить к 1917 г. народную революцию. В 1917 г. исполнялось 50 лет со времени подписания Соглашения, провозгласившего дуализм в Австро-Венгрии (1867) и предусматривался ряд мер по его обновлению. В это время югославянская революция, по мнению участников конгресса, могла бы рассчитывать на успех. Однако замыслам этим не суждено было сбыться, так как вместо планировавшейся революции, всего через месяц, началась первая мировая война.

В 1918 г. было создано единое многонациональное государство. Однако клерикальные организации продолжали вести борьбу за создание самостоятельного хорватского государства, независимого от сербской гегемонии. И в 1941 г., когда усташами, среди которых большинство было в прошлом членами как Истинной партии права, так и "младохорватской" организации, было создано Независимое Государство Хорватия, клерикализм приобрел черты господствующей идеологии.

Проблема "хорватизма" не утратила своей актуальности и в наши дни. Еще в материалах конгресса хорватской эмиграции, проходившем в 1970-е годы, подчеркивалось, что "романтическая идея некоторых интеллектуалов о том, что различные южные славяне станут одной нацией... оказалась ошибочной... Во многих отношениях югославянские народы враги друг другу... Хорваты борются за свободное, независимое и демократическое государство... Они хотят национальную, экономическую, культурную и лингвистическую независимость..." [5].

Все эти идеи, появившиеся еще в XIX в., получили свое реальное воплощение в сегодняшней независимой Хорватии. И сейчас, как и в начале века, молодежь активно отстаивает ту же самую национальную идею, идею хорватского суверенитета, несмотря на то, что это приходится делать с оружием в руках, льется кровь, гибнут люди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Novak V. Magnum Crimen. Zagreb, 1948.*
2. *Екмечић М. Стварање Југославије. Београд, 1989. 2 д.*
3. *Supilo F. Politika u Hrvatskoj. Reijeka, 1911. S. 38–43.*
4. *Gross M. Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973. S. 273.*
5. *U.S. policy towards Yugoslavia. 1979. New York, 1979. P. 5–9.*

© 1997 г. ШАТИЛОВ А.Б.

ЭМИГРАНТЫ ИЗ РОССИИ В АВСТРАЛИИ В 20–30-е ГОДЫ

Первые русские иммигранты появились в Австралии задолго до событий 1917–1921 гг. Наиболее ранние русские поселения датируются еще серединой XIX в. [1. С. 11]. Однако эта иммиграция не носила организованного и массового характера и была вызвана в основном либо экономическими, либо религиозными причинами.

Грандиозный план расселения в Австралии нескольких десятков тысяч русских протестантов-меннонитов был представлен южно-австралийскому правительству в 1876 г. аббатом Франциском Баньоном, являвшимся представителем данной секты. Однако этот проект не нашел сочувствия у австралийских властей и был отвергнут. Впоследствии та же участь постигла план расселения в Австралии и Океании русских духоборов. Следующая попытка осуществить переселение русских на Австралийский материк связана с именем Н.Н. Миклухо-Маклая. В 1886 г. он отстаивал идею создания русской колонии на Новой Гвинее. По возвращении в Россию он был принят по этому вопросу императором Александром III, который в принципе поддержал проект и распорядился создать комиссию по рассмотрению данного вопроса. Однако значительная стоимость проекта и противодействие других держав, имевших свои геополитические интересы в этом регионе, помешали его осуществлению.

В дальнейшем можно проследить несколько иммиграционных потоков в Австралию из России.

Первый связан с эмиграцией евреев из России и пришелся на конец XIX – начало XX в. Представители данной волны – евреи из юго-западных и прибалтийских областей империи – достаточно быстро ассимилировались и растворились среди весьма пестрого в этническом отношении населения Австралии. Упоминания заслуживает разве что один иммигрант, Сидней Майер, впоследствии известный предприниматель, основавший в Мельбурне крупный торговый дом – "Майер Эмпориум".

События революции 1905–1907 гг. вызвали к жизни новый вариант эмиграции в Австралию – политический. Разгром революционного движения и преследования оппозиции заставили некоторых руководителей социалистических партий и группировок покинуть Россию. Часть из них осела на "зеленом континенте". Впоследствии их ряды пополнились русскими беженцами-дезертирами, уклонявшимися от службы в армии. Представители этой волны осели преимущественно в штате Квинсленд и тщательно избегали огласки своей численности, стремясь как можно меньше обращать на себя внимание. Это полуподпольное их существование не помешало им издавать первую в Австралии еженедельную газету на русском языке – "Рабочая жизнь". Руководил ее изданием один из "политических" – некий Петр Смирнов. Впоследствии, после октября 1917 г., он самозванно провозгласил себя "русским большевистским консулом в Австралии" [1. С. 13]. После укрепления в России советской власти многие из

эмигрантов-социалистов вернулись на Родину. Однако репрессии, развернутые большевиками против своих вчерашних союзников, заставили в 20-е годы некоторых из них вновь бежать в Австралию.

Но эмиграция из России в начале XX в. не ограничивалась лишь политическими причинами. По мере поступления в Россию сведений об Австралии нарастал поток так называемой рабочей эмиграции, т.е. тех, кто намеревался попытать счастья в деле освоения земель Австралийского континента или рассчитывал найти там хорошо оплачиваемую работу. Такого рода эмигранты селились главным образом в районе Брисбена (штат Квинсленд). Справедливости ради следует отметить, что отношение к вновь прибывшим со стороны австралийской администрации было самым радушным. Как вспоминал впоследствии один из колонистов, В. Старшинов, "Австралия принимала русских с искренними пожеланиями. Давался отдых 2–3 недели в Эмигрантском бюро, содержание было самое лучшее. За 2–3 недели всем подыскивали работу и выдавали бесплатный билет до места работы..." [2].

Следующий период иммиграции в Австралию связан с разгромом белых армий в Сибири и на Дальнем Востоке. Большинство русских беженцев осели в районе КВЖД, главным образом в Харбине, однако часть из них окольными путями добралась и до Австралии (так, например, известный деятель австралийской русской диаспоры о. Иннокентий (Серышев) проделал следующий путь: Сибирь – Япония – Австралия). Но приток русских эмигрантов не был велик. Австралийские власти в условиях экономического кризиса и безработицы не склонны были обострять ситуацию за счет иностранцев. К тому же сказывалось достаточно холодное отношение правительства Великобритании (Австралия входила тогда в состав Британской империи) к белым эмигрантам. В свое время английское руководство даже всерьез рассматривало вопрос об интернировании русских беженцев и их насильственной депортации в Советскую Россию.

Однако, несмотря на эти факторы, с 1932 г. иммиграционный поток несколько усиливается. Отчасти это было связано с окончанием "великой депрессии" и относительной стабилизацией экономического положения в мире. Но главной причиной отъезда русских эмигрантов из Китая явилась оккупация японскими войсками Маньчжурии и продажа советскими властями японцам КВЖД.

Наконец, новая волна иммиграции русских в Австралию имела место уже после окончания второй мировой войны. С одной стороны, ее составили старые белоэмигранты, покинувшие основные свои центры на Дальнем Востоке – Харбин и Шанхай, когда в них вошли советские войска: кто-то сотрудничал с японцами и не без основания опасался преследований со стороны НКВД, кто-то просто не захотел оставаться в зоне влияния идеологически чуждого Советского Союза. Другой же поток, также достаточно многочисленный, хлынул в Австралию из Европы. Его составляли перемещенные лица и советские военнопленные, не пожелавшие по тем или иным причинам возвращаться на Родину.

Перепись 1954 г. зафиксировала число родившихся в России в 13 тыс. человек, но при этом не учитывались русские, родившиеся вне пределов России, а также русские, родившиеся в других регионах бывшей Российской империи. Следовательно, реальное число россиян было существенно выше.

Основными центрами расселения русской эмиграции стали крупные города Австралии – Брисбен, Мельбурн и Сидней [3. С. 182]. Однако в городах концентрировалась в основном интеллигентская и полунинтеллигентская публика: инженеры, врачи, священнослужители и т.д. Но помимо этих трех центров русские были разбросаны практически по всем штатам и территориям Австралии (основная их масса расселилась в штате Квинсленд). Большинство из них было занято в сельском хозяйстве (фермерством) или работой в тяжелых и вредных отраслях производства: рубка тростника, добыча меди, сбор хлопка.

Удаленность Австралии от Европы – основной арены политической борьбы 20–30-х годов – и в связи с этим известная трудность поддержания контактов с единомыш-

ленниками привели к тому, что долгое время политизация местных русских эмигрантов была минимальной. Так, в 20-е годы в их среде не было ни политических организаций, ни даже серьезной поддержки основных русских политических течений, хотя, как писал впоследствии о. Иннокентий, "всякий считал своим священным долгом ругать большевиков" [4]. Кроме того, политическая апатия была вызвана вполне объективными причинами: основной состав русской диаспоры являлся рабоче-крестьянским по происхождению (особенно "рабочая" эмиграция). Эти люди были далеки от политики. Скорее даже симпатии многих из них были на стороне Советов. Недаром, при полном параллели белоземлианской политической жизни, в Сиднее процветал местный русский комклуб, который периодически устраивал лекции и диспуты и вел активную пропаганду.

Положение изменилось после того, как в 1932 г. в русскую диаспору Австралии влилась струя беженцев из Китая. Они привнесли в размеренную и тихую жизнь русских австралийцев весь пафос своих политических симпатий и антипатий. Уже в середине 30-х годов в Австралии образуются Союз служивших в русской армии и флоте, Русский военный союз и другие группировки, преимущественно монархического толка. Приблизительно в тот же период в русской австралийской печати прошла дискуссия о сущности и перспективах фашизма и национал-социализма как явлений мировой истории. Надо сказать, что отношение к данным течениям политико-философской мысли было в среде русских эмигрантов в 20–30-е годы весьма неоднозначным. Многие из них были склонны видеть в этих доктринах альтернативу коммунистической, способную в то же время преодолеть те традиционные минусы, которые свойственны классической демократии и капитализму. Однако, безусловно, были и противники фашизма. Так, в журнале "Путь эмигранта" Н. Алянчиков в отзыве на брошюру "Что делать" (издание Всероссийской фашистской партии К.В. Родзаевского, действовавшей в Харбине) осудил фашизм за "жестокость, попытку навязать новую кровавую разруху". В свою очередь, главный редактор этого сиднейского журнала о. Иннокентий, обвинив Алянчикова в "большевизанстве", выступил в защиту фашистской доктрины [5]. Однако вскоре его позиция меняется. В апреле 1940 г. в том же журнале появляется проповедь о. Иннокентия с протестом против "волны антисемитизма, которая бурным потоком разливается по миру и захлестнула русское беженство". Далее он осудил "хитлеризм" за мечты об "арианском (нееврейском) христианстве", отметив все же при этом "ведущую роль еврейства в уничтожении России" [6. С. 44].

Дальнейший всплеск в политической жизни русской эмиграции Австралии наблюдался уже в послевоенные годы, но этот период находится вне хронологических рамок данного материала.

Как известно, религиозная устремленность русских эмигрантов "первой волны" была необычайно сильна. Куда бы ни заносила судьба россиян, везде возникали православные храмы, велась духовно-просветительская работа, совершались регулярные богослужения. В меньшей степени вышеприведенная характеристика относится к русским австралийцам. Разобщенность, постоянная забота о хлебе насущном, более низкий интеллектуальный уровень эмигрантов по сравнению с Европой – все это нашло крайне негативное отражение в религиозно-духовной жизни русской колонии. Так, несмотря на отчаянные усилия отдельных подвижников (таких, например, как священники о. Иннокентий (Серышев) и Шабашев), ни в одном из трех крупных центров расселения российской диаспоры вплоть до начала 30-х годов не было возведено ни одного православного храма. Кроме того, православные священнослужители не получали за свой труд ни копейки (о. Иннокентий работал в пенском родильном госпитале, а Шабашев – на мельнице), прихожане же оказались весьма скупы и отказывались нести даже минимальные денежные затраты на церковные нужды. Дело доходило до абсурда. Например, приход церкви в Брисбене (возведенной там благодаря усилиям Шабашева) выписал для богослужений из Китая архимандрита Мефодия, пообещав платить ему жалование в размере низшей платы рабочего. По

приезде же духовного лица на место, ему было вообще отказано в оплате, и архимандрит долгое время вынужден был жить у приходского старосты из милости и писать иконы [4. С. 23]. Помимо всего этого, общину раздирали взаимная вражда и конфликты, что также не способствовало укреплению религиозных устоев.

Еще хуже было положение в Сиднее и Мельбурне. В Мельбурне религиозная жизнь практически замерла ввиду отсутствия причта и самого храма. В Сиднее же угасающий огонек православия поддерживался лишь благодаря усилиям о. Иннокентия, с честью выполнявшим свой пастырский долг. Он возглавил местный приход и, несмотря на серьезные материальные трудности, все же умудрялся регулярно совершать обряды и богослужения. В этот тяжелый период финансовую поддержку оказали братья по православной вере – греки и сирийцы, а также англиканская церковь. В сирийском и англиканском св. Лаврентия храмах и провели первые церковные службы русские эмигранты в Сиднее. С тех пор эти богослужения пользовались большим успехом в русской колонии. По свидетельству современников, ежегодная пасхальная заутреня собирала большое количество русских прихожан не только из Сиднея, но со всего штата Новый Южный Уэльс [1. С. 21].

Положение меняется в лучшую сторону лишь в середине 30-х годов. Так, в Сиднее, благодаря усилиям и средствам русского мецената И. Репина, был куплен коттедж на Робертсон роуд, который предназначался для временных богослужений. К сожалению, сорвался проект строительства постоянной большой церкви в Паддингтоне ввиду разногласий между приходским советом и И. Репиным.

Однако, несмотря на улучшение материальных условий существования, моральный климат в среде православных приходов остался по-прежнему весьма тяжелым. Взаимные распри постоянно раскалывали церковные общины. Результатом явился ряд скандальных случаев. Так, юбилейная свято-владимирская служба в Сиднее 11 декабря 1938 г. для православных греков, сирийцев и русских, а также для англикан в греческом Троицком храме, устроенная о. Иннокентием, была демонстративно проигнорирована практически всеми русскими прихожанами, осудившими ее строителя за экуменическую направленность [6. С. 51].

Помимо православных русских общин, в Австралии существовали также русские отделения других конфессий. В русском протестантском журнале "Солнце" (Лос-Анджелес) некий Г.Ф. Аникеев писал в декабре 1938 г.: "...Здесь (в Брисбене. – А.Ш.) имеется группа русских верующих, и она все увеличивается переселяющимися из Китая. Недавно рукоположен пресвитер общины..." [7].

Долгое время русские австралийцы не издавали ни одной газеты или журнала. Однако начало 30-х годов привнесло оживление и в издательскую деятельность. И здесь пальма первенства принадлежит о. Иннокентию. Заботясь о поддержании духовных сил русских эмигрантов, об их образовании, он развил активную просветительскую деятельность, выпустив на свои деньги ряд машинописных журналов. Значительная их часть имела научно-популярный характер. Прожив почти полвека в Азии, о. Иннокентий стал известным ученым-ориенталистом. Поэтом журналы "Азия" и "Австралазия" он посвящал почти исключительно изучению языков, обычаев, флоры, фауны стран Азии, Австралии и Океании. Статьи (в своем большинстве его собственные или перепечатки из иностранных журналов) иллюстрировались оригинальными рисунками или цветными фотографиями из австралийских туристических проспектов. Общественно-политические материалы практически отсутствовали. Единственным исключением являлись редкие статьи о жизни русских в Австралии. В отдельных номерах о. Иннокентий развивал мысль о создании русского эмигрантского государства на безлюдных островах Тихого океана.

Другой важной теме, а именно религиозному воспитанию и просвещению русских беженцев, о. Иннокентий посвятил два журнала – "Церковный колокол" и "Церковь и наука". Последний, выходящий по ноябрь 1939 г., издавался уже типографским способом и с соответствующим полиграфическим оформлением.

В середине 30-х годов увидел свет новый журнал – "Путь эмигранта", опять же

под редакцией о. Иннокентия, освещавший уже исключительно жизнь россиян в Австралии.

Другим крупным представителем русской прессы в Австралии следует считать Ю.А. Давиденкова. Первый его журнал, "Сиднейский колокол", выходил в 1932–1935 гг. (всего было издано 17 номеров). "Сиднейский колокол" имел подзаголовок, который свидетельствовал о его предназначении: "Вестник русской жизни Сиднея". Следующий журнал Давиденкова, "Русский в Австралии", издавался при содействии русского мецената И. Репина. Издание печаталось типографским способом и имело хорошо отредактированное содержание. К сожалению, его век был недолгим. После десятого номера журнал прекратил существование из-за разногласий между издателем и редакцией. Однако в августе 1950 г. журнал был реанимирован и продолжал издаваться уже под эгидой Русского центрального благотворительного комитета (имел также приложения "Вестник народнонационалистического движения" и "Страницы Общества любителей русской военной старины"). Впоследствии "Русский в Австралии" занял лидирующее положение среди периодической печати русской диаспоры.

Что касается книжной продукции, то ее издание велось крайне слабо и нерегулярно. До середины 30-х годов в Австралии практически не существовало русского издательского дела. Лишь затем появляются издательство и типография "Ориенто", издательская компания Г.С. Григорьева и др. Однако в основном они выполняли работу по заказам из Шанхая, Сиднея, Харбина, Финляндии. Из чисто же австралийских русских книг следует прежде всего отметить две. Первая, выпущенная в Сиднее в 1937 г. усилиями пушкинского общества, носила название "А.С. Пушкин" и была посвящена столетию со дня смерти великого поэта (содержала его портрет и краткие статьи о нем). Другим юбилейным изданием стал сборник Свято-Владимирского общества, приуроченный к 950-летию православия на Руси.

Культурная жизнь русских эмигрантов в 20-е годы испытывала определенный застой. Единственным их развлечением того времени были немногочисленные собрания и клубы, да и то атмосфера там была нездоровая – "карты, вино, табак". Монотонная жизнь диаспоры изредка нарушалась гастролями русских артистов. Так, в 1923 г. приехала в Сидней и дала несколько концертов известная певица-сопрано Лидия Липковская. В том же году здесь дебютировал ученик знаменитого скрипача Леопольда Ауэра – Михаил Добринский. В 1926 г. в Австралии побывали с гастрольными поездками Анна Павлова и Федор Шаляпин, а также всемирно известный хор донских казаков под руководством Сергея Жарова. Кстати говоря, несколько человек из хора предпочли остаться на "зеленом континенте", решив заняться земледелием. Таким образом было положено и начало первому церковному хору в Сиднее (регент хора – П.И. Гольев) [б. С. 53]. Также русско-австралийский "мир искусства" пополнился за счет нескольких человек из другого знаменитого казачьего хора – имени атамана Платова (гастролировал в Австралии в 1937г.).

Библиотечное дело также не получило должного развития. Некоторое время в Брисбене и Сиднее существовало несколько русских библиотек, однако, ввиду недостатка материальных средств и слабой активности читателей, они были либо ликвидированы, либо владели жалкое существование. Более или менее долговечной оказалась Интеллектуальная библиотека "Ориенто" о. Иннокентия в Сиднее, сконцентрировавшая в своих фондах беллетристику, книги по философии, богословию, различным отраслям знания, теософии и оккультизму. Лишь в 30-е годы, наряду с общей активизацией эмигрантской культурной жизни, развивается и библиотечное дело. В тот же период появляется в Сиднее и русский книжный магазин "Книголюб" (предлагал "большой выбор подержанных и новых книг" по вполне доступным ценам) [б. С. 54].

Эмигранты, прибывшие из Харбина, внесли поистине свежую струю и в духовное объединение австралийской русской диаспоры. Известно, что в Сиднее в июле 1937 г. Русский военный союз организовал грандиозный "вечер – бал – концерт". В том же году произошло другое знаменательное событие, свидетельствовавшее о более

тесном, чем прежде, сплочении русских австралийцев, – в Австралии впервые состоялось празднование "Дня русской культуры", приуроченного ко дню рождения А.С. Пушкина (в других странах русского рассеяния подобный "День русской культуры" традиционно отмечался в этот день с начала 20-х годов) [6. С. 26].

В 30-е годы Австралию неоднократно посещали с гастрольями знаменитости русского искусства. В 1935–1940 гг. в ходе турне здесь выступили такие известные русские балетные труппы, как "Балет де Рюс", "Конвент Гарден Балет" и другие, в составе которых зрители увидели Михаила Фокина, Антона Долина, Сергея Лифаря. Некоторые из артистов по окончании турне остались в Австралии. Одна из них – Раиса Кузнецова – основала здесь в 1940 г. балетную школу, оказавшую значительное влияние на становление австралийского балета [1. С. 26].

Окинув взглядом жизнь русских австралийцев 20–30-х годов, можно отметить, что, в отличие от своих европейских, американских, китайских собратьев, их положение не располагало к развитию в изгнании русской национальной культуры. Тому свидетельством является отсутствие или же крайне слабая степень организации русской общины в Австралии тех лет. Безусловно, в этом сказались и центробежные тенденции, характерные для австралийского уклада жизни, специфика социального состава русской диаспоры, местные географические условия. Большинство русских эмигрантов, по словам Б. Домогацкого, "плотно и прочно вошли в австралийскую ткань" и не проявляли никакого интереса к национальной самоидентификации [3. С. 186]. Лишь в послевоенный период, с притоком новых русских эмигрантов из Европы и Китая, удалось наладить более или менее полноценную жизнь русской колонии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хотимский К. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957.
2. Из письма В. Старшинова // Путь эмигранта. Сидней. 1937. № 23.
3. Домогацкий Б. Русские в Австралии // Возрождение. Париж. 1950. № 9.
4. Серышев И. Души пустые и души опустошенные (о разложении русской эмиграции в Австралии) // Церковный колокол. Сидней. 1933. II.
5. Алянчиков Н. Мысли по прочтении фашистской брошюры "Что делать" // Путь эмигранта. Сидней. 1937. № 23. С. 35.
6. Путь эмигранта. Сидней. 1940. № 41–42.
7. Солнце. Лос-Анджелес. 1938. № 1.

© 1997 г. ФРЕЙДЕНБЕРГ М.М.

ВЕНЕЦИЯ, ДУБРОВНИК, СПЛИТ В КОНЦЕ XVI ВЕКА: СОПЕРНИЧЕСТВО ГОРОДОВ

(К вопросу о роли евреев в балканской торговле)¹

История экономических судеб Венеции в XVI в., история ее нарастающего упадка и борьбы за выживание хорошо известна (см., например, [1]). Не столь известна, но не менее ярка история Дубровника в эти годы. В отличие от Венеции, это было время его бурного хозяйственного подъема, накопления огромных богатств, обретения политического престижа [2]. Есть и третья составная этого "концерта" городов между обоими берегами Адриатики. Мы имеем в виду городские центры далматинского побережья – Задар, Шибеник, Трогир, Сплит, не сумевшие, подобно Дубровнику, сохранить независимость и попавшие под власть Венецианской республики. Взаимоотношения всех этих сил во второй половине XVI в. – важная и активно изучаемая страница истории Средиземноморья [3], и венецианские и далматинские архивы хранят пласты мало использованных свидетельств.

Однако в событиях того времени можно с успехом выделить не одну лишь политическую или экономическую грани. Я убежден, что не менее плодотворным может оказаться и сопоставление самого *характера* названных городов. Это интересно уже потому, что данные города представляют по-разному сложившиеся варианты городского развития. И еще важнее то, что для этих городов не была утрачена возможность эволюции, частичной или полной.

Ведущей канвой рассмотрения в этом ключе для нас послужит одна человеческая биография, одновременно и типичная, и неординарная. В ней отразился жизненный путь португальского еврея Даниэля Родригеса (годы жизни неизвестны, скорее всего 1530–1603), подобно многим своим соотечественникам оказавшегося в Италии и хорошо послужившего Республике св. Марка. Необычность его судьбы заключается в том, что он разработал и в какой-то степени воплотил в жизнь экономический проект, который позволил венецианцам после многих попыток сломить сопротивление дубровчан и победить их в борьбе за балканский рынок. Это удалось сделать через Сплит, который и пережил в конце XVI–начале XVII в. удивительную и в какой-то мере уникальную эволюцию.

Позволим себе отказаться от характеристики Венеции как городского феномена. Важно только напомнить, что хозяйственный строй, общественные структуры и управленческие институты Венеции прочно сложились к XV в. и в своей основе

Фрейденберг Марэн Михайлович – профессор, д-р ист. наук, научный сотрудник Института диаспоры Тель-Авивского университета.

¹ Эта статья является частью работы, выполняемой автором в Институте диаспоры Тель-Авивского университета при содействии Министерства абсорбции Государства Израиль.

оставались неизменны на протяжении всего XVI в. Другое дело, что венецианцы утрачивают в XVI в. ту роль связующего звена между Европой и Левантом, которая была им присуща на протяжении столетий [4]. Все, что последовало затем, в том числе и появление в Средиземноморье английского и нидерландского флотов, бурный рост порта-соперника Ливорно, было лишь производным. Для венецианцев становится все более важной роль балканского рынка, на пути к которому прочно стояли дубровчане.

Дубровник являет, бесспорно, много большую загадку для исследователей. Он несопоставим с Венецией и по демографическим показателям (5–6 тыс. жителей против 150 тыс. в Венеции), и по размерам подвластной территории – несколько окружающих его областей не идут ни в какое сравнение с государством, где жили около полутора миллионов [5. Р. 27]. Наконец, международный авторитет Венеции, признанной Европой в качестве великой державы, был значительно выше статуса Дубровника, с 1442 г. ставшего вассалом Порты. И все же и у дубровчан были известные преимущества.

Из года в год город наращивал свой торговый флот, в котором к концу XVI в. насчитывалось около 180 судов общей стоимостью 700 тыс. дукатов и с экипажем в 5,5 тыс. человек (главным образом из населения подвластных Дубровнику островов). Дубровник располагал основательной производственной базой, ткацким, оружейным и даже стекольным ремеслами, что резко отличало его от других далматинских городов – там эта база была очень узкой. По всему Балканскому полуострову была разбросана сеть дубровницких колоний, с помощью которой дубровчане осуществляли контакт с местными рынками. Город был опоясан кольцом стен и фортов такой мощности, что осадить его не решился после захвата Боснии сам Махмед II Завоеватель. Наконец, и это было, пожалуй, самым важным его преимуществом, вассальная зависимость от Османской империи дала дубровницким купцам неограниченные торговые возможности на Балканах – турки взимали положенные им пошлины в уменьшенном и очень выгодном для дубровчан количестве. Такой была эта городская структура [2. С. 143–147].

Она существенно не менялась с годами, да ей и не надо было меняться – она являлась достаточно совершенной и обеспечивала дубровчанам монопольное положение на полуострове. Поэтому было естественным, что венецианцы, терявшие позиции на левантийских рынках и искавшие им замену на Балканах, все острее вступали в противоречие с дубровчанам. Проникнуть на балканский рынок удобнее всего было, обойдя Дубровник "с флайтов".

Одним из таких флангов было устье р. Неретва, где не было никакого городского поселения, жилых кварталов. Но зато здесь находились складские помещения, площадки для разгрузки товаров, гостиницы для купцов, стойла для лошадей, таможня. Какое-то население поэтому существовало, и вычеркнуть Неретву из списка далматинских если не городских, то торговых центров невозможно. Торговля здесь осуществлялась весьма интенсивная – на венецианские суда перегружались товары, прибывающие из балканской, главным образом, боснийской "глубинки", а на доставившие эти товары караваны грузились прибывшие с запада². Неретва была, таким образом, типичным "торгом", без таких торжищ был бы невозможен какой-либо обмен на Балканах в средние века. Их существование только оттеняет наличие подлинно городских центров.

Однако Неретва с ее незначительными масштабами была мало подходящим местом для того, чтобы обойти Дубровник. Значительно больше подходил бы для этой цели любой из далматинских городов – они ведь находились под властью Венеции, и республика могла легко распоряжаться их судьбами. Впрочем, этому мешали препятствия самого различного рода.

² В число балканских товаров традиционно входили кожи, шкуры, овчины, шерсть, воск, сыр, в число западных – тонкие сукна, шелковые ткани, стеклянные изделия, пряности, драгоценности, бумага.

Прибрежные далматинские города были достаточно своеобразными организмами [6; 7]. В них существовали старая и развитая коммунальная структура, право, судебная система. Сознание их жителей было городским, покоившимся на воспоминаниях об "романских" традициях. Однако при этом основным родом деятельности горожан являлось земледелие (преимущественно виноградарство и садоводство), а ремесленные занятия сосредоточивались не только в городах, но и в окрестных селах. Таким образом, с производственной точки зрения "городская сущность" этих центров была выражена не столь уж отчетливо, она воплощалась преимущественно в торговле. Эта функция оказалась под серьезной угрозой, когда в первой половине XV в. в регионе произошли две крупные политические перемены. Первая заключалась в том, что далматинское побережье перешло под власть Венеции (1409–1420), которая поспешила лишить адриатические города их самостоятельной роли и превратить их в простые опорные пункты своей великой левантской магистрали. Экономические связи городов с балканским хинтерландом начали сворачиваться – венецианцы в них не нуждались. Напомним, что это происходило еще в первой половине XV в., когда средиземноморскому преобладанию венецианцев ничто не угрожало. Вторжения турок довершили отрыв приморских городов от внутренних областей – эти области и приморские города оказались внутри разных государственных образований. Естественно, что основная образующая сила городской жизни, торговля, либо свелась к местному обмену, либо вообще перестала существовать. Деревенский характер городской жизни стал все отчетливее выступать на поверхность. За сто лет, прошедших со времени завоевания Боснии (1463), когда турки вплотную приблизились к городским предместьям, и до самого серьезного венецианско-турецкого столкновения в XVI в., до Кипрской войны (1570–1573), далматинские города основательно переродились. Жалобы на трагическое запустение, на катастрофическое уменьшение доходов, на апатию и безысходность стали всеобщими. Характерно, что современники с особой остротой заметили обнищание нобилей, городской знати, убожество их существования. Это понятно – городская аристократия жила до того главным образом доходами от торговли, она-то первой и стала разоряться. Потребовалось вмешательство извне для того, чтобы в обществе проснулось понимание того, что перемены и возможны, и необходимы.

Носителями этой новой идеи явились, как это ни странно, не далматинцы, а венецианские евреи, один из самых динамичных элементов тогдашнего средиземноморского общества, а уж одним из наиболее прозорливых в этой среде оказался Даниэль Родригес.

Его первый коммерческий опыт был накоплен в торговых операциях между балканским побережьем и Анконой, где существовала многочисленная еврейская община [8]. Временем его формирования как коммерсанта были 50-е годы XVI в., когда либеральная политика пап, государей Анконы, сменилась жестокими преследованиями. Неудивительно, что Родрига, как его стали звать в Италии, решил переориентироваться на Венецию. Однако он не спешит переселиться туда, местом его постоянного пребывания становится Неретва, он то покидал ее, то снова возвращался и подолгу жил здесь. Здесь или поблизости и находились те люди, в общении с которыми он и приобрел столь нужный ему опыт. Это были турецкие чиновники – неретванский эмин (т.е. сборщик пошлин), санджак-беги Герцеговины и других мест. В контактах с ними предприимчивый еврей приобретал весь арсенал необходимых ему навыков – от турецкого языка до понимания движущих причин поведения любого османского сановника [9. Р. 44]. Балканский же рынок Родрига знал досконально. Подобный опыт был нужен каждому купцу, взявшемуся за торговлю на полуострове, но у Родриги он стал итогом не эпизодических путешествий, как это было даже у многих дубровчан, а постоянного проживания в турецкой среде.

Вторым источником коммерческого опыта Родриги стало венецианское общество и особенно две еврейские общины, создавшиеся в городе. Первая состояла из евреев, прибывших сюда из германских земель (их именовали "тедески"), занимавшихся

преимущественно ростовщичеством и перепродажей старых вещей и живших чаще всего в "Гетто Нуово", основанном в 1516 г. Вторая, состоявшая из иберийского еврейства ("левантини" и "понентини"), занималась главным образом торговлей и проживала в "Гетто Векьо", созданном в 1541 г. [10].

Вполне возможно, что именно в этой среде, скорее всего среди "левантини" (так именовали выходцев с Пиренейского полуострова, побывавших вначале под властью турок, а затем перебравшихся в Италию), и возникла идея, которую позднее выдвинет Родрига. Но в том, что он стал в этой среде своим человеком, сомневаться не приходится. Иначе ничем не объяснить, почему в 1573 г. венецианское правительство назначило его "еврейским консулом", т.е. представителем тех полутора тысяч евреев, которые в это время проживали в городе [11. Р. 75].

Родрига оказался знатоком не только еврейских нужд, но и "коридоров власти" Венецианской республики. Ему приходилось постоянно общаться с тем правительственным учреждением, которое руководило всей торговлей, "Пятерыми мудрыми по торговым делам"³, и в большинстве случаев он находил здесь полное понимание. Венеция, таким образом, стала многосторонней школой португальского еврея.

Нельзя, наконец, исключить и воздействия Дубровника на формирование идей и представлений Родрига. Он бывал здесь и, видимо, не раз. Иначе не понять, с какой структуры он списывал те порядки, которые по его мнению, должен был иметь идеально организованный город-эмпорий. А эти порядки, как мы убедимся, он представлял себе довольно отчетливо.

Однако то, что Родрига планировал на будущее, он до поры хранил при себе. Его первое заметное выступление на общественном поприще относится к 1573 г., когда после Кипрской войны надо было выкупать пленных, демаркировать границу и вообще посредничать между турками и венецианцами. Здесь впервые и проявляются его недюжинные дипломатические способности. Выяснилось, что ему твердо доверяют не только турки (это понятно, ибо он давно с ними сотрудничает в Неретве), но и венецианцы. Они именовали его "господином" (messier), давали деликатные поручения и крайне опасались "оттолкнуть" его в турецкий лагерь. Он превратился, по всей видимости, в самостоятельную политическую фигуру. А в начале 1577 г. Родрига уже официально выдвигает свой давно вынашиваемый проект.

Он предлагал "построить в Сплите порт (scala)⁴, через который могли бы проходить товары, прибывающие из турецких земель". "Я предлагаю, – четко формулирует Родрига, – создать в вашем городе Сплите богатый и обширный порт, подвести дороги, построить гостиницу, поставить лошадей и [вообще] подготовить все, что будет необходимо... для развертывания прибыльной торговли в этом городе"⁵. По его собственным словам, он уже получил согласие "уважаемых турецких личностей" и сейчас ожидает мнения венецианских властей. Он не сомневается в том, что в Сплит начнет прибывать множество товаров и торгового люда. Это будут прежде всего товары, которые до сих пор направлялись в турецкие порты, в Неретву и другие места. Далее следует живописная картина: "Сплитский порт (Родрига везде пользуется термином "scala") станет широким руслом, в которое будет сливаться все богатство Востока и которое будет целиком направляться в Венецию".

Все расходы по перестройке сплитской гавани Родрига обязуется взять на себя, а возместить их он просит из особой пошрины, которой должны будут облагаться все

³ "Board of Trade" в английском переводе. Странно, но в обстоятельной монографии Ф. Лэйна об этом правительственном учреждении нет ни слова.

⁴ Scala в представлениях того времени – это не только порт, но и весь комплекс портовых сооружений: гавань, причалы, складские помещения, а также таможня, гостиница, площадки для разгрузки товаров и т.д. здания, где в течение сорока дней выдерживались грузы, проходя санитарную проверку, т.е. карантин или, на языке того времени, "лазареты".

⁵ Основной материал архивных данных из венецианских хранилищ и опубликованных текстов (главным образом служебной переписки венецианских чиновников в Далмации с правительством республики) опубликован в переводе на сербскохорватский язык В. Морпурго [12].

провозимые товары и которая будет взиматься сверх принятой до сих пор. "...Я получу немного со всего этого начинания, – так завершал Родрига свой обращенный к дожу проект, – для меня будет драгоценным лишь мое доброе имя... и уважение моего народа [т.е. евреев]" [12. Р. 205–207; 13. Р. 51]. Упоминание о евреях не было случайным, Родрига явно выступал от их имени – не случайно его памятная записка была подписана на иврите семерыми венецианскими евреями.

Обращает на себя внимание тот факт, что Родрига не очень детализирует, что конкретно войдет в понятие "scala". Это станет ясным позднее, пока же ему нужно перетянуть на свою сторону тех, от кого зависит успех его проекта. И здесь оказалось, что легче всего убедить венецианцев и понятно почему: проект не требовал от них никаких денежных расходов. Поэтому уже в октябре 1577 г. "Пятеро мудрых", а затем и Сенат одобрили этот план [14. Р. 194; 15. Р. 204]. Значительно труднее было создать перелом в общественном мнении, прежде всего в мнении сплитских горожан. Они оказались совершенно неподготовлены и к перестройке порта, и ко всем сложностям, которые могли вслед за этим последовать (например, к появлению в городе множества турок). Эти настроения явились неким обратным отражением тех предшествующих, чисто "городских" представлений о себе в среде сплитчан. Если до сих пор, невзирая на "сельский" образ жизни, жители Сплита были убеждены, что они живут в настоящем городе, то сейчас они не могли отрешиться от захолустной рутинны и с трудом возвращались к мысли о подлинно городской жизни. И когда венецианского наместника в Сплите из метрополии запросили, что он думает по поводу проекта Родриги, он решительно высказался против. Впрочем, какую-то роль сыграли и анти-еврейские настроения сплитского населения и самого наместника.

Не меньшим препятствием на пути сплитского проекта явились консервативные настроения в среде турецкого (или плавающего под турецким флагом) купечества. В этих кругах существовали опасения перед дополнительными таможенными расходами, перед трудностями перегрузки товаров на лошадей и перевозки их по малоизвестным горным дорогам, наконец, перед необходимостью плыть в доселе неизвестный порт (репутация гавани Сплита была еще очень невысокой). Турецкие купцы предпочитали десятилетиями проверенный порт в Неретве.

Не помогло и вторичное решение Сената, принятое в июне 1580 г., а неудачи, постигшие Родригу, когда он за свой счет принялся за строительство в Сплите, охладили в Венеции интерес к проекту. Прошло около десяти лет, прежде чем в этом деле наступил перелом. Летом 1588 г. правительство республики решило взять выполнение проекта в свои руки. В Сплит почти немедленно начали поступать суда с кирпичом, черепицей, пиломатериалами и строительными деталями, а также деньги и срочные предписания начать работы как можно скорее. Работа закипела, и к 1590 г. новый порт уже мог принять первые грузы. Три основных сооружения – "лазарет", таможня и гостиница, выстроенная по типу караван-сарая – были практически готовы.

Но этого оказалось недостаточно. Создание подобного "окна" в Боснию и далее вглубь Балкан потребовало обеспечения условий и для подхода сухопутных караванов. Для этого было мало усилий одних только венецианцев, ибо сухопутные дороги проходили по турецкой территории. И здесь в полной мере пригодился тот опыт, который приобрел Родрига в общении с турецкими сановниками в Боснии, его личные связи в османском мире. Он не устал повторять венецианцам одно и то же: "Если вы хотите чего-либо добиться, имея дело с турками, вы обязаны пустить в ход бакшиш!" [5. Р. 569]. Более того, он взял на себя доставку даров нужным людям, и результаты не замедлили сказаться.

В то время, как венецианцы заканчивали возведение "лазарета", таможни и гостиницы в порту, обеспечивали, так сказать, "морскую сторону" будущей сплитской торговли, османские власти взялись обеспечить ее "сухопутную" часть. Для этого потребовались значительные усилия. Надо было построить каменные мосты через некоторые реки (в первую очередь через Цетину), перекинуть наплавные через другие, загатить болота, вырубить леса вдоль особенно опасных участков дороги или

даже поставить здесь стражу. Иными словами, требовалось заново создать ту дорожную сеть, которая давно уже была создана и исправно действовала при подходе к Дубровнику. Кроме того, нужно было заключить договоры, главным образом с властями, на поставку сотен лошадей и десятков погонщиков, чтобы гарантировать бесперебойную доставку грузов. А это уже должен был взять на себя сам Родрига.

Заинтересованность обеих сторон – и турецкой и венецианской – в работе создававшейся торговой магистрали Босния–Сплит–Венеция оказалась столь велика, что к 1592 г. стало возможным официальное открытие сплитской "скалы". Нужно было еще выполнить некоторые дополнительные работы, в частности, углубить гавань, но главное было сделано. Венецианские чиновники в Далмации теперь были отлично осведомлены о том, где проходят и как работают коммерческие трассы, ведущие во внутренние области полуострова. Один из них, например, с большим знанием дела сообщал в Венецию, как можно доставить к побережью товары, закупленные в Боснии.

От Бая Луки (там находилась одна из резиденций боснийского паши) путь занимал десять дней, считая, что караван проходит в день 20 миль. Эта дорога являлась удобной, и было чем кормить лошадей. Дорога же от Сараева до Сплита делится на два отрезка: по четыре и три дня пути. В середине ее товары следовало перегрузить, но порядка здесь не было, и нередко приходилось ждать по месяцу, отчего кожи портились в тюках [16. Р. 119].

Цель, которую ставил перед собой Родрига, была достигнута – Сплит стал на глазах опережать Дубровник, перетягивая к себе балканский вывоз. К 1600 г. современники могли увидеть итоги и работы по перестройке порта. Изменился сам город – на его улицах закипела новая жизнь, город наполнился новыми людьми. Венецианец, писавший в начале XVII в., с удивлением замечает, что трудно найти место для размещения солдат, так много гостей прибывает в Сплит, а сам город находится в "очень хорошем состоянии" [16. Р. 301].

Существенной переменной внутри городских стен Сплита явилось появление устойчивой еврейской общины – Родрига добился разрешения на поселение евреев не только в самой Венеции, но и в пределах Тетрафермы, в частности в Сплите [17]. С этого момента ведет свое начало история одной из самых сильных и многочисленных еврейских колоний в этом регионе Балканского полуострова. Венецианские наместники, далеко не всегда, кстати, благожелательные по отношению к евреям, в своих донесениях зафиксировали рост этой общины. В 1607 г. в Сплите жило 60 евреев, в 1620 – 198, в 1638 – уже 271 (или 29 семей) [18. Р. 86].

Евреи заняли особое место и в хозяйственной жизни города, и в сознании горожан. Они освоили не столько торговые операции или банковское дело, хотя банк в Сплите был быстро открыт, но преимущественно портняжное ремесло, обшивая обширное крестьянское население вокруг города. Жители же Сплита сменили свое прежнее, достаточно неприязненное отношение к ним на вполне благожелательное. Этим, может быть, и объясняется длительное отсутствие гетто в Сплите, хотя в метрополии существовало целых два. Сплитское же гетто было создано лишь в 1778 г., а до этого времени еврейские дома были разбросаны по всему городу, "их дети смешаны с христианскими, ходят с ними на базары, ...и не разберешь, кто из них христианин, а кто – еврей..." – неодобрительно сообщал венецианский чиновник [18. Р. 58].

Балканы с XV–XVII вв. были регионом Европы, где людей было не удивить исчезновением старых городских центров или появлением новых. Но в той зоне, о которой шла речь, на адриатическом побережье царил известная урбанистическая стабильность. Тем показательнее тот рывок, который совершил Сплит в конце XVI в., рывок, который сам по себе явился результатом борьбы старых и давно известных городов Средиземноморья. А то, что этот перелом явился до известной степени итогом прорывности и динамизма одного человека, придает этим переменам особый интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lane F.C.* Venice. A Maritime Republic. Baltimor; London, 1973.
2. *Фрейденберг М.М.* Дубровник и Османская империя. М., 1984 (1-е изд.), М., 1989 (2-е изд.).
3. *Воробьева И.Г.* Венецианская республика и югославянские земли в XV–XVII веках. Калинин, 1987.
4. *Aspetti e cause della decadenza economica veneziana nel secolo XVII.* Venezia–Roma, 1960.
5. *Pullan B.* Rich and Poor in Renaissance Venice. Oxford, 1971.
6. *Фрейденберг М.М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. Калинин, 1972.
7. *Фрейденберг М.М., Чернышов А.В.* Коммунальный строй далматинских городов XII–XIV вв. Калинин, 1983.
8. *Sori E.* Una "comunita crepuscolare": Ancona tra Otto e Novecento // La presenza ebraica nella Marche. Secoli XIII–XX. Ancona, 1993. P. 189–278.
9. *Arbel B.* Venice and the Jewish Merchants of Istanbul in the Sixteenth Century // The Mediterranean and the Jews. Ramat Gan, 1989.
10. *Ravid B.* The Religious, Economic and Social Background and Context of the Establishment of the Ghetti of Venice // Gli Ebrei e Venezia. Milano, 1987. P. 211–259.
11. *Ravid B.* Economics and Toleration in Seventeenth Century Venice. Jerusalem, 1978.
12. *Morpurgo V.* Daniel Rodrigues i osnivanje splitske skele u XVI stoljecu // Starine. Zagreb, 1962. Knj. 52. S. 185–228; 1966; Knj. 53. S. 363–415.
13. *Paci R.* La scala di Spalato e il commercio veneziano nei Balcani fra Cinque e Seicento. Venezia, 1971.
14. *Ravid B.* An autobiographical Memorandum by Daniel Rodriga. Inventore of the scala of Spalato // The Mediterranean and the Jews. Ramat Gay, 1989.
15. *Ravid B.* Daniel Rodriga and the First Decade of the Jewish Merchants of Venice // Exile and Diaspora. Jerusalem, 1991.
16. *Commissiones et relationes Venetae* / Ed. G. Novak. Zagreb, 1966. Vol. V.
17. *Ravid B.* The First Charter of the Jewish Merchants of Venice, 1589 // Association of the Jewish Studies Review. Cambridge; Massachusetts, 1976. Vol. 1. P. 197–212.
18. *Kečkemet D.* Židovi u povijesti Splita. Split, 1971.

© 1997 г. ЕФИМОВА В.С.

ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧИ
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ. II.
СЛОВА С КОРНЯМИ *-рек-*, *-глас-*, *-глагол-*

1. Настоящая публикация – продолжение опубликованной в 1996 г. в № 1 журнала “Славяноведение” статьи, посвященной результатам исследования лексики со значением речи в языке старославянских рукописей¹ (т. е. на материале наиболее древних славянских рукописей) с опорой на изучение корневых лексико-семантических групп [1]. Было показано, что изучение старославянских лексем с корнями *-вѣт-*, *-вєсѣд-* и *-каз-* внутри соответствующих лексико-семантических групп (далее ЛСГ) позволяет не только сделать некоторые наблюдения и выводы системного характера, но и более глубоко проникнуть в семантику лексем. При этом по-новому освещается ограниченный круг дошедших до нас контекстных значений (а именно он ложится в основу наших представлений о значении слова мертвого языка), уточняются значения лексем и их иерархия. Теперь подвергнем аналогичному анализу ЛСГ с корнями *-рек-* (*-рок-*, *-рѣк-*, *-рик-*), *-глас-* и *-глагол-*.

2. К многочисленной группе слов с корнем *-рек-* относится один из основных старославянских глаголов речи *рєци*, сущ. *рѣчь*, образования с префиксами *за-*, *из-*, *на-*, *об-*, *отъ-*, *по-*, *при-*, *про-*, *прѣ-*, *съ-*, *оу-*, многие из которых имеют значения, связанные с речью. Спектр значений лексем этой группы определяется превалированием в них либо семантики речи, либо семантики ‘ограничения, упорядочивания, определения’ и производной от нее семантики ‘предписания, указания’, ‘решения’ или ‘наименования, называния’. Сочетание

Ефимова Валерия Сергеевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Старославянскими называем 17 древнейших славянских рукописей X-XI вв. – 11 глаголических: евангелия Зографское (Зогр), Маринское (Мар), Ассеманово (Ас), Охридское (Охр), Зографский палимпсест (Зогр-пал), Боянский палимпсест (Боян), Синайская псалтырь (Син), Синайский евхологий (Евх), Синайский служебник (Служ), Клоцов сборник (Клоц), Рыльские листки (Рыл), и 6 кириллических: Саввина книга (Сав), Листки Ундольского (Унд), Енинский апостол (Ен), Супрасльская рукопись (Супр), Хилаидарские листки (Хил), Зографские листки (Зогр-лл). При указании на частотность лексемы цифра рядом с названием рукописи обозначает количество употреблений в ней рассматриваемой лексемы.

указанной неречевой и речевой семантики у слов с корнем *-rek- является, видимо, характерным не только для старославянского языка, но и вообще для индоевропейских языков [2. S. 863; 3. Т. III. С. 465; 4. S. 293–294].

В данной ЛСГ имеется довольно много лексем, значения которых в старославянских рукописях в большинстве своем не связаны с речью, но эти лексемы, как правило, малочастотны. Значение сущ. рокъ (Евх 2, Супр 1) недавно изданный “Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)” (далее Словарь 1994 г.) определяет как ‘срок, установленное время’ [5. С. 585]. Пражский словарь дифференцировал значение этой лексемы: в тексте Евх 1а 22 как ‘постановление, приказ’, в двух других случаях – как ‘срок’ [6. III. S. 650]. Из контекстов, однако, явствует, что в основе значений старославянского рокъ лежит семантика ‘ограничения’, та же семантика характерна для греческого соответствия ὄρος (семантика корня -ор-о- [7. Bd. II. S. 425–426]). “Постановление” связано с установлением границ, рамок, ограничения: **вѣсверѣ-пѣвъше во вълнахъ съ землѣхъ сѧ боретъ . ѿ конца всеа вселенныа покрыти тѣшитъ сѧ . ѿ на пѣстыцѣ разбиваа кротитъ сѧ и рока твоего боа сѧ къ себѣ привлачитъ вълны** – Евх 1а 22 – ...καὶ τὸν ὄρον σου φοβουμένη ἀφέλκει τὰ κύματα. В других случаях имеется в виду ограничение временное. Ср.: **в’стѣмъ во чкомъ обѣщаниа оучинилъ еси рокоу житиѣ съкончавъшию сѧ** – Евх 58а 17 – πᾶσι γὰρ ἀνθρώποις τὸ κοινὸν τὸν ὄρον τοῦ βίου πληρωθήτω.

Та же семантика ‘ограничения’ лежит в основе значений образований с префиксом за- – двух гапаксов Супрасльской рукописи **зарокъ** и **заречи**. Вместе с тем употребление их в текстах связано с речевыми ситуациями. Сущ. **зарокъ** переводит то же греч. ὄρος (мн. ч. οἱ ὄροι), и Пражский словарь так же определяет его значение как ‘постановление’ [6. Т. I. S. 657]. Словарь 1994 г. дает значение ‘повеление’, т. е. в значении подразумевается, видимо, семантика, связанная с речью [5. С. 231]. Однако из широкого контекста ясно, что под “постановлением” (или “повелением”) имеется в виду ‘ограничение, заключение в установленные границы’: **нъ аште к’то ч’то речетъ чесо ради отъвергоша сѧ зарока кмоу бѣси** – Супр 53,12 – ‘Ἄλλ’ ἔρει τις, διὰ τί ἠθέτησαν αὐτοῦ τοὺς ὄρους οἱ δαίμονες; **Заречи** переводит греч. παραγγέλλειν, часто употребляющийся в качестве глагола речи [8. С.1236; 9. Р. 840–841; 10. V. II. Р. 1306]. Значение глагола **заречи** словари определяют как ‘приказать, запретить’ [6. Т. I. S. 657], ‘запретить, приказать’ [5. С. 231]. Контекст говорит о том, что в значении этого глагола присутствует как речевая, так и неречевая семантика ‘ограничения’: **и вѣспрѣтивъ лжквоуоумоу томоу бѣсоу . зарече кмоу да ник’деже сѧ не гвѣтитъ** – Супр 36,25 – Καὶ ἀπειλησάμενος τῷ πονηρῷ ἐκεῖνῳ πνεύματι παρήγγειλεν μηδαμοῦ φανῆναι.

Образования с префиксом оу- также малочастотны: **оурочьнъ** – Супр 1, **оуречи** – Супр 2, **оурцати** – Супр 1, Евх 1. Для них характерна семантика ‘определения, упорядочивания’, хотя **оурцати** встречается в значениях, связанных с речью. Как прил. **оурочьнъ** (Супр 416,4), так и причастие **оуреченъ** (Супр 357,20) переводят греч. ὀρισμένος и имеют значение ‘определенный’. В другом случае употребления глагола **оуречи** речь идет о “предписании закона” (перевод греч. ὁ νόμος κελεύει), т. е. его значение связано с семантикой ‘упорядочивания’ (Супр 360,15). В случае употребления глагола несовершенного вида **оурцати** в соответствии с греч. βασκαίνειν ‘клеветать, поносить’ в его значение, видимо, включена речевая семантика: **бѣ же единъ призираетъ .**

связаны в сл оурицаѣша своего образа . и съвѣщаваша на нь – Евх 55а 6 – Θεὸς μόνος ἐπισκοπεῖ ὁ δεσμεύων πάντας τοὺς βασκαίνοντας τὴν αὐτοῦ εἰκόνα καὶ ἐπιβουλεύοντας. Во втором случае употребления оурицати, при переводе греч. διορίζειν, основной, несомненно, является семантика ‘определения’, хотя авторы Словаря 1994 г. и в этом случае, видимо, усматривают речевую семантику, определяя значение оурицати здесь как ‘назначать, объявлять’ (курсив мой – В.Е.) [5. С. 744]. Ср.: сице и покааник тесѣ оурицади . инго ничсоже творитъ . нь тѣчиик азъкомъ съпасеник тесѣ творитъ – Супр 362,4 – Ὁὐτω καὶ ὁ τὴν μετάνοιαν σοὶ διορίζων...

В образованиях с префиксом отъ- семантика ‘ограничения, упорядочивания, определения’ представлена в значениях лексем, вследствие соединения с семантикой префикса отъ-, как бы в негативном выражении. Старославянские рукописи фиксируют в некоторых случаях и речевую семантику у этих лексем, однако удельный вес неречевой семантики в значениях старославянских лексем с корнем -рек- и префиксом отъ-, видимо, больший, чем обычно принято считать. Из 15 употреблений глагола отъреци (Зогр 5, Мар 4, Ас 1, Сав 2, Евх 1, Клоц 2) только в одном случае (Клоц 2b 9) его значение связано с речью, и все же в словарях значение ‘ответить’ ставится на первое место [6. Т. II. С. 614; 5. С. 433]. В большинстве случаев употреблений глагола отъреци в его значении доминирует семантика ‘освобождения от чего-либо, расставания с чем-либо’, при этом он переводит греческие глаголы ἀποτάσσειν и ἀθετεῖν, которые не относятся к глаголам речи (о значениях греческих глаголов см. [8. С. 218, С. 42; 10. V. I. P. 222, P. 31]). Ср., например: иже не отъречеть сѧ въсего своего имѣннѣ – Л 14,33 Мар, Зогр – ὁς οὐκ ἀποτάσσεται πᾶσιν τοῖς ἑαυτοῦ. Характерно, что в других старославянских кодексах на месте глагола отъреци в том же контексте могут быть употреблены глаголы отъврѣци (сѧ) и отъвѣщати (сѧ) (старославянские лексемы с корнем -вѣт- и префиксом отъ- не всегда связаны с речевой семантикой – см. [1. С. 24]). Например: древле же повелѧ отърешти ми сѧ . иже сѧтъ въ домоу моемъ – Л 9,61 Мар; в Зогр: отъврѣшти ми сѧ, в Ас и Сав: отъвѣштати ми сѧ – πρῶτον δὲ ἐπίτρεψόν μοι ἀποτάξασθαι τοῖς εἰς τὸν οἶκόν μου; ср. также в Гомилии Иоанна Златоуста на Великий Четверг (о предательстве Иуды): а хъ потомъ не отърече сѧ . тѧжде крѣвь прѣданнѣ . въ отъпоуштенье грѣхомъ въдатѧ самомоу продавъшю ю – Клоц 7b 32, в Супр 419,28: не отъврѣже сѧ – ὁ Χριστὸς δὲ καὶ μετὰ τοῦτο οὐ παρητήσατο αὐτὸ τὸ αἶμα πρᾶθὲν δοῦναι εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν τῇ πεπρακότι. Та же семантика характерна и для глагола несовершенного вида отърицати (сѧ) (употреблен в чтении Л 14,18 (Зогр 1, Мар 1, Ас 1, Сав 1) и Евх 68b 6–7). Особо следует сказать о значении причастных форм отъреченъ и отърекъ в чтениях Л 14,18 и Л 14,19, которое словари определяют как ‘извинить’ [6. Т. II. С. 615] или ‘прощенный’ [5. С. 433]. Эти определения нельзя назвать ошибочными для данного контекста, но они представляются не совсем точными и затемняющими основную семантику этих форм. Ср. имѣи ма отъречена – ѣхе ме парѣтнѣнов – Л 14,18, в Сав: отрѣци сѧ, в Мар и Ас: отърочъна; имѣи ма отърекъша сѧ – Л 14,19 Зогр Сав; в Мар и Ас: отърочъна – ѣхе ме парѣтнѣнов. Видимо, хотя все выражение в этих случаях можно перевести как ‘извини меня’, буквальное значение выражений следует определить как ‘имей меня освобожденным (от обязанности)’, т. е. значение глагола отъреци в этих случаях можно определить как ‘освободиться (от обязанности)’. То же значение,

что причастия **отъречена** и **отърекъ**, имеет и прилагательное **отърочьнъ**, употребленное в том же контексте в тех же чтениях, но в других старославянских кодексах – в Маринском и Ассеманиевом. Следует заметить, что в свете указанных выше значений лексем с корнем **-рек-** и префиксом **отъ-** в древнейших славянских рукописях, в том числе и значения прилагательного **отърочьнъ**, по формальным признакам должно быть связанным словообразовательными отношениями с существительным **отрокъ**, вызывает сомнения объяснение семантики последнего как "не имеющий права говорить" в общепринятой этимологии [3. Т. III. С. 172–173]. В связи с этим замечательным представляется гапакс Супрасльской рукописи **отрочьникъ** (**отрочьники закона**), употребленный в переносном значении для перевода греч. ἐπιφυλλίς (τοῦ νόμου) 'отбросы', букв. 'виноградные отбросы' [8. С. 647; 9. Р. 517; 10. V. I. Р. 672]: **како ли вълежнши книгахъ . разоумѣ написанънхъ ослоушаа сѧ . и отрочьники закона събражши . а истовокъ грозноуькъ бѣрати . попоуштѣаши** – Супр 334,30–335,1 – ... καὶ τὴν μὲν ἐπιφυλλίδα τοῦ νόμου ῥωολογεῖς...; Словари определяют значение этой старославянской лексемы как 'незрелая гроздь' [6. Т. II. С. 585; 5. С. 424], что, видимо, приемлемо в качестве перевода в данном контексте, но не отражает ее основной семантики.

В образованиях с префиксом **на-** также обнаруживается семантика 'ограничения, упорядочивания, определения', которая в ряде лексем переходит не только в семантику 'постановления, решения', но и в семантику 'наименования, называния', связанную далее с речевой семантикой. В значениях сущ. **нарокъ**, которое встречается в старославянских рукописях всего лишь дважды (оба раза в Супрасльской рукописи), отражаются оба пути развития семантики. В тексте Супр 433,25 сущ. **нарокъ** употребляется в значении 'решение (суда)' (в данном случае – 'справедливое, оправдательное решение') в соответствии с греч. ψῆφος 'решение' (значение, производное от значения 'вогивный камешек, используемый при голосовании' [8. С. 1798–1799]): **вси съ пилатомъ глаголютъ . правдънънъ приносаште нарокъ . кднин же съпротивѣтъ сѧ жидове** – Πάντες Πιλάτῳ συντρέχουσι δικαίαν φέροντες ψῆφον... Словари определяют это значение как 'голос (при голосовании)' [6. Т. II. С. 310], 'вынесение приговора, решение (суда)' [5. С. 353]. Значение 'решение (суда)', 'приговор' имеет и сущ. **нарѣчик** (Супр 2, Рыл 1). Значение адвербиально употребленного **нарокомъ** в тексте Супр 311,4 связано с семантикой 'наименования, называния'. Исходя из значения греческого соответствия ὀνομασί и широкого контекста (особенно важен текст греческого оригинала, так как окончание фразы τὸν νεκρὸν ἐκάλεσε; в славянском переводе эллипсировано) его можно определить как 'по имени'. Ср.: **лазарє излѣзи вѣнъ . то почто нарокомъ** – Λάζαρε, δεῦρο ἕξω. Καὶ διὰ τὴ ὀνομασί [τὸν νεκρὸν ἐκάλεσε;]. Пражский словарь определяет значение в этом случае как 'главным образом' [6. Т. II. С. 310], что представляется ошибочным и свидетельствует о трудностях при определении значений старославянских лексем, особенно малочастотных, вне рассмотрения их в кругу соответствующей ЛСГ. Словарь 1994 г. определяет это значение как 'поименно' [5. С. 353] (т. е. учтено значение греч. ὀνομασί, но не широкого контекста). В значениях производных от **нарокъ** прилагательных проявляется исходная семантика 'ограничения, определения'. Прил. **нарочьнъ** является гапаксом Ассеманиева евангелия: **кончаша сѧ нарочьнънѣ мѣчнънѣ слоужбѣ всѣмъ стѣнѣм** – Αс 157b 7. Словари определяют значение **нарочьнъ** как 'особый' [6. II. С. 310; 5. С. 353]. Следует, однако, при этом иметь в виду, что данные службы называются

"нарочными" вследствие того, что содержание их *ограничено* посвящением *определенному* святому. Значение другого производного от нарѡкъ прил. нарочитѣ (гораздо более частотного – Зогр 1, Мар 1, Ас 2, Сав 1, Син 1, Супр 6) также связано с семантикой 'определения, ограничения': *аще хощеши прѣрѡкѡу . ли апѡлѡу . ли мѣкѡу . ли свѣцѡкѡу... не нарочитѡу творити . съде ници* – Ас 157b 14. По старославянским рукописям можно наблюдать развитие семантики у прилагательных нарочитѣ и ненарочитѣ от 'ограниченный, определенный' до 'определенный, известный' и далее до 'известный, знаменитый'. Следует отметить, что семантика 'известный, знаменитый' является производной и для греческих соответствий ἐπίσημος и ἐπιφανής [8. С. 1469–1470, С. 633, С. 1711, С. 1713, С. 645; 10. V. I. P. 656, P. 670; 9. P. 509, P. 516]. В значении 'определенный, известный' прил. нарочитѣ в ряде случаев определяет сущ. мѣсто. Например: *авник казнь заповѣда . и книги написаеъ посла на нарочита мѣста . заповѣдавшѣа сице...* – Супр 199,18 – εὐθὺς προτίθησι δεσπίσματα ἐν τοῖς ἐπίσημοῖς τόποις [τῆς πόλεως]... Ср. употребление прил. нарочитѣ в значении 'известный, знаменитый': *имѣше же тѣгда съвазынѣ нарочита . нарицаемааго вараавѣ* – Мт 27,16 Зогр Мар Ас Сав – εἶχον δὲ τότε δέσμιον ἐπίσημον λεγόμενον Βαραββῶν. Значение прил. ненарочитѣ словари определяют как 'незначительный' [6. Т. II. S. 375], 'незначительный, маловажный' [5. С. 368]. Точнее это значение можно было бы определить как 'малоизвестный, незначительный'. Ср.: *чим бо пѣвавшѣте... нѣ отъчѣствомъ ли велкомъ . нѣ отъ мѣстѣ бѣахѣ ненарочитѣ* – Супр 442,13 – Τίτι γὰρ ἐθάρουν;... 'Ἀλλὰ τῷ μεγέθει τῆς πατρίδος; 'Ἄλλ' ἀπὸ χωρίων ἦσαν ἀσήμεων.

Для довольно высокочастотного глагола нареци (встречается в старославянских рукописях более 100 раз) актуальна как семантика 'определения, упорядочивания', так и семантика 'наименования, называния', связанная далее со значениями речи. Одним из основных значений глагола является значение 'установить, определить', соответствующее значениям глаголов ὀρίζειν и ὑποδεικνύναι в греческом оригинале. Например: *како вѣси тѣ тако тѣгда нарече ѿ вѣтти мьнѣ патриархоу* – Супр 122,21 – "Πόθεν οἶδας σύ, ὅτι τότε με ὄρισε ὁ κύριος γενέσθαι πατριάρχην;". В некоторых контекстах семантика 'наименования, называния' практически неотделима от семантики 'определения'. Например, в Синайском евхологии: *тѣ . вѣко . рачи нѣнѣ . заложити вѣса пяти недѣгоу семоу . нареци волѣзнь ѣже вѣдетъ въ то врѣмѣ ходѣщнѣ по тѣлесн семоу* – Евх 42а 18–19 (имеется в виду, видимо, что определить болезнь и означает назвать ее). В большинстве случаев употребления нареци имеет значение 'назвать, дать имя', уже близкое к значениям глаголов речи. Следует отметить, что глагол реци (как и глагол глаголати) также мог употребляться в старославянских рукописях в значениях 'называть', 'называться'. Греческие соответствия в таких случаях – λέγειν (εἶρειν, εἰπεῖν), а также καλεῖν. Часто с таким значением употреблялись причастные формы, например: *вѣмѣ ѣко меснѣ придетъ . рекомы хѣ* – И 4,25 Зогр Мар, в Ас: *глемѣ* – οἶδα ὅτι Μεσσίας ἔρχεται, ὁ λεγόμενος χριστός. Отглагольное сущ. нареченик, встречающееся в старославянских рукописях всего три раза (Супр 3), продолжает, тем не менее, как семантику 'определения, упорядочивания', так и семантику 'наименования, называния'. Ср. сущ. нареченик в значении 'наименование, название': *они же рѣша аполонѣ . василискѣ рече . нареченик вога вашего . пагоуѣѣ вѣроуѣкштити мѣ къ немоу знаменѣкѣ* – Супр 21,4 – "...Ἡ προσηγορία τοῦ θεοῦ ὑμῶν τὴν

ἀπόλειαν τῶν πιστευόντων εἰς αὐτὸν σημαίνει..." и в значении 'определение, постановление': по волю наречению постави имъ цѣсара – Супр 196,29 – κατὰ ψῆφρον θεοῦ ἀναδείκνυσιν αὐτοῖς βασιλέα. (Греческое соответствие κατὰ ψῆφρον означает обычно 'по решению при голосовании' или 'по решению суда', таким образом в данном контексте можно усмотреть также и связанную с семантикой 'определения, упорядочивания' семантику 'решения'). Достаточно частотный глагол несовершенного вида нарицати (более 200 раз) употребляется в старославянских рукописях, как правило, в контексте 'наименования, называния', и все же в ряде случаев в значении 'назвать' можно усмотреть также и семантику 'определения'. Ср., например, текст из Жития Иоанна Схоластика в Супрасльской рукописи, где действие по глаголу нарицати означает не столько "называние, наименование", сколько *определение* качеств человека: и ѿ некотори завистиѣк пострѣкаки . азъ чѣна и владѣника и нарицаѣхъ – Τινὲς δ' αὖ νοτήρονοι φθόνῳ ἀείλαλον αὐτὸν καὶ φλήναφον ἀπεκόλουον – Супр 276,24–25.

Единственная лексема данной ЛСГ с префиксом при- – гапакс Супрасльской рукописи сущ. прирокъ – тоже связана с семантикой 'наименования, называния' и имеет контекстное значение 'прозвище': житиѣк прѣпростъ . отца ѿвана нгоумена сѣтъа горы синенскы . юмоу же прирокъ схоластикъ – Супр 272,6 – Βίος ἐν ἐπιτομῇ τοῦ ἀββᾶ Ἰωάννου... τοῦ ἐπίκλην σχολαστικοῦ.

В значениях глагола речи, существительного рѣчь и его производных рѣчишь и рѣчновати, образований с префиксами из-, про-, прѣ-, съ- безусловно преобладает речевая семантика. Глагол речи является в старославянском языке одним из основных глаголов речи: он встречается во всех рукописях и по частотности уступает лишь глаголу глаголати (однако оба глагола употребляются более 1000 раз). Различие в значениях этих глаголов очень тонкое. Наиболее близки значения глаголов речи и глаголати при употреблении их в описании сцен с диалогами, когда они вводят прямую речь (речь действующих лиц) в соответствии с греческим глаголом λέγειν (εἶπεῖν, εἶρειν). В таких случаях они могут быть взаимозаменяемы в одном и том же контексте (в одном чтении) в разных старославянских кодексах, при этом в Зографском и Мариинском отдается предпочтение глаголу глаголати там, где в апракосах чаще встречается речи. Ср., например: тогда гѣа емоу ѿс... – Мт 4,10 Зогр, в Сав и Ас: тогда рече емоу ѿс – τότε λέγει αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς...; и гѣа емоу . аште снъ еси ѣжин... – Мт 4,6 Зогр, в Сав и Ас: и рече емоу... – καὶ λέγει αὐτῷ...; и гѣа емоу въскъ си дамы ти – Мт 4,9 Зогр, в Сав и Ас: и рече емδъ вса си тебѣ дамы – καὶ εἶπεν [λέγει] αὐτῷ... и т. п. Как видно уже из приведенных примеров, старославянские формы аориста часто соответствуют греческим формам настоящего времени (в значении так называемого "изобразительного настоящего"). Близки также при введении прямой речи (речи действующих лиц) значения причастных форм глагола (глагольи) и рекъ (рекуы), выполняющих роль второстепенного сказуемого, которое обозначает действие либо сопровождающее основное, либо уточняющее его (когда основное действие уже выражено глаголом со значением речи). Например: и простеръ рж(кж) коснж и рекъ хоштж очисти са – Л 5,13 Мар Зогр – καὶ ἐκτείνας τὴν χεῖρα ἤψατο αὐτοῦ λέγων [εἰπών]...; еѣ же ѿанъ... и проповѣдааше гѣа . градеть крѣплеи мене... – Мк 1,7 Зогр Мар Ас Сав – καὶ ἦν ὁ Ἰωάννης... καὶ ἐκήρυσσεν λέγων... При этом в евангельских кодексах, как правило, соблюдается при переводе соответствие: глагольи, глагольи употребляется в соответствии с λέγων, рекъ, рекуы – в соответствии с εἰπών, в

Супрасльської же рукописи в соответствии с λέγων возможно как глаголь, так и рекы. Ср.: **тѣмъ и оусоуши ѿ рекы . не бѣди къ семоу плодъ отъ тебе въ вѣкы** – Супр 346,19 – διὸ καὶ ἐξήρανε αὐτήν, λέγων: Μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς τὸν αἰῶνα; **добрѣ и о семь съ инми прѣжде съвѣшта о васъ пророкъ исаня рекы . не нынѣ постыдитъ са никакъ...** – Супр 325,15, в Клоц: **добрѣ оубо сего ради прогласи . о васъ исай . пророкъ глѣ...** – Καλῶς γοῦν καὶ τοῦτο μετὰ τῶν ἄλλων προανεφώνησε περὶ ὑμῶν ὁ προφήτης Ἠσαΐας λέγων... Семантическим ядром глагола **реци** является значение ‘сообщить, сказать’, и чаще всего он соответствует греч. глаголу λέγειν (εἰπεῖν, εἶρειν). Остальные значения, наблюдающиеся у **реци** в старославянских рукописях, являются, как правило, контекстно обусловленными: ‘спросить’ в соответствии с греч. ἐπερωτᾶν (ср.: **рече аноупати . боуксти оучитель кси . отъвѣшта пиуинни...** – Супр 139,25 – Ἐπερώτησε: "Τῆς μαρίας διδάσκαλος ἦς;" Ἀλεκρίθη...); ‘произнести, изречь’ в соответствии с греч. ἀποφθέγγεσθαι (ср. **онъ же отвр зъ оуста своа и рече тако...** – Супр 59,7 – Ἀνοίξας δὲ τὸ... αὐτοῦ στόμα, ἀπεφθέξατο οὕτως...); ‘воскликнуть, воззвать’ в соответствии с греч. βοᾶν (ср.: **семоу же ставшоу тькомъ рече маченикоу . покори ми са человече** – Супр 60,24 – Τοῦτου δὲ στάντος, δι’ αὐτοῦ ἐρμηνεύς ἐβόα... τῷ μάρτυρι); ‘обвинить’ в соответствии с κατηγορεῖν (ср.: **не мыните ꙗко на вы рекъ азъ къ оцю . естъ иже на вы речеть мвси** – И 5,45 Зогр; в Мар: **рекъ... глтъ**, в Ас: **рекъ... глѣ** – μὴ δοκεῖτε ὅτι ἐγὼ κατηγορήσω ὑμῶν πρὸς τὸν πατέρα: ἔστιν ὁ κατηγορῶν ὑμῶν Μοῦσῆς); ‘предсказать, пророчествовать’ в соответствии с προφητεῦειν (ср.: **въ правѣдъ добрѣ рече исайѣ о васъ лицемѣри** – Мк 7,6 Зогр; в Мар: **прорече** – καλῶς ἐπροφήτευσεν Ἠσαΐας περὶ ὑμῶν τῶν ὑποκριτῶν). Крайне редко, в отличие от глаголати, глагол **реци** употребляется в соответствии с греч. глаголом λαλεῖν (нами отмечены только случаи в чтениях Мт 14,27, Мт 26,13 в евангельских кодексах и в Ps 84,9 в Синайской псалтыри). В этих случаях употребление **реци** объясняется, видимо, необходимостью выразить значение перфектности (не свойственное глаголу глаголати). Например, при выражении будущего времени: **оуслышъ что речеть о мнѣ гъ бѣ . иде речеть миръ на люди своа** – Ps 84,9 Син – ἀκούσομαι τί λαλήσει ἐν ἐμοὶ κύριος ὁ θεός, ὅτι λαλήσει εἰρήνην ἐπὶ τὸν λαὸν αὐτοῦ.

Для глаголов с префиксами **из-**, **про-**, **прѣ-** актуальны модификации основного значения глагола **реци** ‘сообщить, сказать’. Основное значение глагола **изреци** (Зогр 1, Мар 1, Син 1, Клоц 1, Супр 5) можно определить как ‘произнести’ [6. Т. I. S. 741; 5. С. 253]. Ср., например: **иже имамъ издрешти не на благодѣти зръ глаголъ . нъ такоже ксть истина** – Супр 71, 8–9 – Ὁ ἔχω εἰπεῖν, οὐ πρὸς χάριν λέγω... Ту же семантику сохраняет глагол и в сочетании с существительным **обѣтъ**, и с адвербиально употребленным **клатвоу** (‘произнести обеты’, ‘обещать’). Адъективированные причастные формы от глагола **изреци** и аффиксальные производные также целиком связаны со значением речи: **неиздреченъ** (Евх 1, Супр 2) ‘невыразимый словами’ (т. е. ‘то, что нельзя произнести’), **неиздриченъ** (Супр 1) ‘то же’, **неиздреченьнъ** (Евх 3, Супр 1, Ен 1) ‘то же’, **неиздреченьно** (Евх 1) ‘невыразимо (словами)’, **неиздреченьникъ** (Евх 1) ‘неизъяснимое существо’ (т. е. ‘существо, которое не может быть описано словами’, эпитет Господа Вседержителя: **гъ вседержителю . неиздреченьниче . и всемогы** – Евх 56а 11). Глагол с префиксом **прѣ-** **прѣреци** встречается в старославянских рукописях только в единственном чтении (Мт

12,19), где он употреблен для выражения будущего времени и имеет значение 'воспрекословить': се отрокъ мой егоже извоихъ... не прѣречеть ни възъпнеть . не оуслышитъ никътоже . на распятихъ гласа его – Мт 12,19 Зоґр Мар Ас Сав – ἰδοὺ ὁ παῖς μου ὃν ἤρέμισα... οὐκ ἐρίσει οὐδὲ κραυγᾶσει... Более полно семантический спектр образований с префиксом прѣ- в старославянских рукописях отражен в глаголе несовершенного вида прѣрѣкати (Мар 1, Супр 5) и отглагольном существительном прѣрѣканик (Син 5, Супр 1). Значение глагола прѣрѣкати – 'беседовать, рассуждать (в диалоге, беседе)'. Например: каа сятъ слова сн . таже прѣрѣкаета къ себѣ ходаша – Супр 474,24–25 (цитата из чтения Л 24,17; в Зоґрафском, Мариинском и Ассеманиевом кодексах здесь употреблен глагол сътазати сл: ...о нихъ же сътазаета сл... – οὐς ἀντιβάλλετε πρὸς ἀλλήλους). Прѣрѣкати может иметь также контекстно обусловленные значения 'упрекать' в соответствии с греч. ἐπιτιμᾶν (ср.: и поемъ і петръ начатъ прѣрѣкати емоу глѣ – Мт 16,22 Мар – ...ἤρξατο ἐπιτιμᾶν αὐτῷ λέγων), 'прекословить' в соответствии с греч. ἀντιλέγειν (ср.: и коньчнѣк тако овча на заколеньк приведенъ вѣстъ . и такоже агна прѣдъ стрнґаштнѣмъ кго безъ гласа . не противѣ сѣ . не прѣрѣкаа – Супр 481,8 – ...οὐκ ἀντιτασσόμενος, οὐκ ἀντιλέγων). Отглагольное существительное прѣрѣканик продолжает семантику исходного глагола и имеет значение 'рассуждения, беседа, спор' (ср.: и вѣстъ бесѣдоушштѣма има... самъ спъ приближъ сѣ идѣше с нима . наста доушевѣнѣн крьмѣчн . рѣшити прѣрѣканыѣ кю – Супр 474,18), а также с развитием далее этой семантики 'спор, ссора' (ср.: покрывѣш ѡ въ кровѣ отъ прѣрѣканыѣ ѡзыкъ – Ps 30,21 Син – σκεπάσεις αὐτοὺς ἐν σκηνῇ ἀπὸ ἀντιλογίας γλωσσῶν). Многочисленные лексемы с префиксом про- (проречи и прорицати, пророкъ, пророчица, пророчество, пророчествовати, прореченик и прорицаник) связаны с семантикой 'пророчества, прорицания' и соответствуют греческим лексемам с основой προφητ -.

Сущ. рѣчь чаще всего употребляется в Супрасльской рукописи, где имеет значение 'речь, слова (мн.ч.)' в соответствии с греч. τὰ ῥήματα, τὸ ῥῆμα, φωνή, φήμη (например: никтоже отъ рѣчи повѣди приноситъ – Супр 510, 28 – οὐδεὶς ἀπὸ φήμης δόγμα προσφέρει), а также близкие к нему (возможно, контекстные) значения 'беседа' в соответствии с греч. συντυχία (и въ продолженнѣк . пришѣдъ рѣчи . закла и да повѣстъ кмоу о себѣ – Супр 294,24–25 – καὶ εἰς πλάτος ἐλθὼν συντυχίας ὀρκίζει αὐτὸν τὰ καθ' ἑαυτὸν... διηγῆσασθαι), 'изречение' в соответствии с τὰ ῥήματα (тѣгда разгнѣваша сѣ старѣишнѣнѣ вѣшъскѣмъ . слышавѣше рѣчи ты отъ него – Супр 263,8–9 – Τότε θυμωθέντες οἱ ἀρχιμάγοι ἀκούσαντες τὰ ῥήματα ταῦτα παρ' αὐτοῦ), 'стиль, манера говорить' в соответствии с греч. ῥήματα, λόγος (тѣмже не начинаетъ (Иосиф) великими рѣчьми нѣктыими къ пилатоу... ни глаголетъ к нему даждъ ми тѣло Ісосово . омрачъшааго слънце прѣжде мала врѣмене – Супр 454,7 – Διὸ οὐκ ἐχρήσατο πρὸς Πιλάτον... τισί... ὑψηλοῖς ῥήμασιν...). Интересно, что в евангельских кодексах и Синайской псалтыри (т. е. в рукописях, в значительной степени отражающих ранний, "кирилло-мефодиевский" период старославянского языка) сущ. рѣчь не встречается в своем основном значении (в этом значении употребляются сущ. глаголь и, реже, вестѣда [1. С. 26]). В евангельских кодексах рѣчь встречается только в значении 'обвинение' в соответствии с греч. κατηγορία (в чтениях Л 6,7 и И 18,29). Например: кжж рѣчь приносите на чѣка сего – И 18,29 Зоґр, Мар, Ас,

Сав – τίνα κατηγορίαν φέρετε [κατὰ] τοῦ ἀνθρώπου τούτου; Значение 'обвинить' встречается и у глагола **рѣци** (см. в чтениях И 5,45 и Мт 12,32), но является для него маргинальным. Единственный случай употребления существительного **рѣчь** в Синайской псалтыри – со значением 'язык, наречие' в соответствии с **λαλιά** в греческом оригинале: **ни сѣтъ рѣчи ни слова іхъ же не [не] слышатъ съ гласі іхъ – οὐκ εἰσὶν λαλιαὶ οὐδὲ λόγοι, ὧν οὐχὶ ἀκούονται αἱ φωναὶ αὐτῶν – Ps 18,4 Син.**

Таким образом, как показывает вышеприведенный анализ контекстных значений, встречающиеся в старославянских рукописях слова с корнем **-рек-** достаточно специализированы в своих значениях (имеется в виду включенность речевой семантики vs. неречевая семантика), однако окончательных границ нет, семантика как бы "переливается" от одного своего полюса к другому по лексемам данной ЛСГ, и у слов, значения которых связаны в основном с семантикой 'ограничения, определения', 'решения', 'наименования' 'отделения, освобождения от чего-либо' могут появляться значения, связанные с речью, и, напротив, у глагола **рѣци**, одного из двух основных старославянских глаголов речи, проявляется в отдельных контекстах семантика 'ограничения, определения', а также 'наименования'.

3. Значения, связанные с речью, появляются у слов ЛСГ с корнем **-глас-** на фоне семантики 'звук, (громкого) звучания'. Основная семантика старославянского сущ. **гласъ** продолжает семантику праславянского ***golsъ**, восходящего к древнему индоевропейскому слову со звукоподражательным корнем [З. Т. III. С. 431; 11. Вып. 9. С. 219]. В греческом оригинале существительное **гласъ** соответствует, как правило, существительному **φωνή**, лексеме многозначной, но с исходной семантикой 'звук, звучания' [7. Bd. II. S. 1058–1059; 8. С. 1757 и др.]. В зависимости от контекста **гласъ** может обозначать звук разной природы. Чаще всего – это звук человеческого (божественного) голоса, но также звук пения птиц, звук, издаваемый животным, звук музыкального инструмента, звук шагов (например: **и рече . гласъ ногоу етера слышж . къ намъ градъшта – Супр 468,6 – φησί: Φωνήν ποδῶν τινος ἀκούω πρὸς ἡμᾶς ἐρχομένου**). В единичных случаях сущ. **гласъ** приобретает значение 'слова, речь'. Например: **видѣвъше съказаша о гласѣ . гланѣмъ имъ о отрочатѣ семъ – Л 2,17 Сав – ἰδόντες δὲ ἐγνώρισαν [διεγνώρισαν] περὶ τοῦ ῥήματος τοῦ λαληθέντος αὐτοῖς περὶ τοῦ παιδίου τούτου**. Ср. в том же чтении в Зогр, Мар и Ас: **видѣвъше же съказаша о глѣ . гланѣмъ . имъ**. Основная семантика корня – 'звук, (громкого) звучания' – сохраняется и в ряде композит с корнем **-глас-**. Все они – гапаксы старославянских рукописей и представляют собой более или менее точные кальки греческих соответствий с корнем **-φων-**: **громъгласъ** (Супр 1) 'громко, подобно грому звучащий' в соответствии с греч. **βροντῶφωνος**, **вельгласънь** (Супр 1) 'громко звучащий' в соответствии с греч. **μεγαλόφωνος**; **коуруглашеник** (Зогр 1) и **кокотоглашеник** (Мар 1) 'пение петухов', т. е. 'звучание, звук кукареканья петухов' в соответствии с греч. **ἀλεκτοροφωνία** (см. также [12. S. 35, 60, 38, 37]).

Значение производного от **гласъ** глагола **гласити** словари определяют как 'звать, восклицать' [6. Т. I. С. 400], 'звать' [5. С. 170]. Следует отметить, однако, что в зависимости от контекста **гласити** может иметь в рукописях разные оттенки: 'восклицать' в соответствии с греч. **προσαναφωνεῖν, κράζειν**, 'играть на музыкальном инструменте' в соответствии с греч. **συμφελλίζειν** (Супр

320,19), 'звать, призывать' в соответствии с греч. φωνεῖν. Префиксальные глаголы **вѣзгласити** и **пригласити** близки по значению глаголу **гласити** в значении 'звать, призывать', основным соответствием для них также является греч. φωνεῖν (**вѣзгласити** и **пригласити** имеют, кроме того, значение совершенного вида). Глаголы **гласити**, **вѣзгласити**, **пригласити**, а также **зѣвати** и **вѣзвати** могут быть взаимозаменяемы в одних и тех же контекстах (в одних и тех же чтениях) в разных старославянских кодексах². Ср.: **и сѣдѣ гласи оба на десѣте . и гла имѣ** – Мк 9,35 Зоґр Мар – καὶ καθίσας ἐφώνησεν τοὺς δώδεκα..., в Ас: **и сѣдѣ пригласи оба на десѣте...; и ставѣ нѣсѣ вѣзгласи ѣ и рече** – Мт 20,32 Мар – καὶ σταὺς ὁ Ἰησοῦς ἐφώνησεν αὐτοὺς καὶ εἶπεν, в Ас: **и ставѣ нѣсѣ пригласи ѣ и рече**, в Сав: **и ставѣ гѣ зѣва га . и рече; и се рекѣ . гласомъ велнемъ вѣзгласи . лазоре гради вѣнѣ** – И 11,43 Зоґр Ас – καὶ ταῦτα εἰπὼν φωνῆ μεγάλῃ ἐκραύγασεν: Λάζαρε,..., в Мар и Сав: **и се рекѣ . гласомъ велнемъ вѣзѣва...**, в Супр 317,4: **и сице рекѣ . вѣзѣва гласомъ великомъ...; вниде же пакы пилатѣ вѣ преторѣ . и гласи їса и рече емоу** – И 18,33 Зоґр Ас – ...καὶ ἐφώνησεν τὸν Ἰησοῦν καὶ εἶπεν αὐτῷ, в Мар: **...и вѣзѣва нѣса и рече емоу**. Глагол **вѣзгласити** может употребляться для обозначения будущего времени (та же способность отмечается и у глагола **вѣзглаголати**, см. ниже). Например: **не вѣзгласятѣ грѣтанемъ своимъ** – Ps 113,15 Син – οὐ φωνήσουσιν ἐν τῷ λάρυγγι αὐτῶν (в греческом оригинале форма будущего времени). В Синайском евхологии глагол **вѣзгласити** и суш. **вѣзглашеник** употребляются в специальном значении при описании хода литургии: **и вѣзгласѣ нерѣи . и речеѣ . мнѣ всѣмъ** – Евх 106 25 – καὶ λέγει ὁ ἱερεὺς: Εἰρήνη πᾶσι; **вѣш** (т.е. **вѣзглашеник**) . **ты во еси свѣтъ истинныи** – Евх 10а 14 – Ἐκφώνησις: Σὺ γὰρ εἶ ὁ φωτισμὸς ἀληθινός.

Встречающиеся в Супрасльской рукописи лексемы с префиксом **о-** **огласити** (Супр 4), **оглашати** (Супр 3), **оглашеник** (Супр 1) имеют семантику 'поучения, наставления'. Ср.: **и много сѣ славословнимъ и сѣ сѣззани . благодаривѣ бѣ огласи ѣж . давѣ же ки просворы...** – Супр 517,19 – καὶ πολλὰ μετὰ δοξολογίας καὶ δακρύων εὐχαριστήσας τῷ θεῷ κατήχησεν αὐτήν...; **аже аник по оглашении сѣподоби сѣааго крыштеньга . и бесѣмрътънѣныхъ причастити сѣ тиннахѣ** – Супр 537,10 (греч. нет). Данная семантика у глагола **огласити** появляется в результате семантического калькирования греческого глагола **κατηχεῖν** 'прозвучать', имеющего в качестве производного значения значение 'поучать, наставлять' (в том числе и в отношении веры, религии) [9. P. 653; 10. V. I. P. 927]. Греч. корень **-ηχ-η-**, от которого образованы **κατηχεῖν**, **κατήχησις**, имеет, как и старославянский корень **-глас-** (псл. ***-gols-**), основную семантику 'громкого звука, звучания' [7. Bd. I. S. 646–647] (ср. основные значения глагола **ѣхѣи** 'тремечь, грохотать', 'звенеть, звучать, гудеть', прил. **каτήχης** 'шумящий, бурливый' и мн. др. Суш. **ѣхѣ**, как и старославянское **гласъ**, имеет основные значения 'шум', 'звук, звучание' и производное 'речь, слова' [8. С. 764]). Старославянский префикс **о-** довольно часто соответствует греческому префиксу **κατα-** (ср.: **о-глаголати** – **κατ-ηγορεῖν** (Супр 237,29; 394,24); **о-глаголаник** – **κατ-ηγορία** (Супр 432,18); **о-зарити** – **κατ-αυγάζειν** (Евх 1b 25); **о-зарити** – **κατ-αυγάζειν** (Евх 2b 10); **о-клеветати** – **κατα-λαλεῖν**, **κατ-ηγορεῖν** и

² Ср. попытку Э.Бренер описать семантические признаки глаголов **вѣзѣвати**, **зѣвати**, **вѣзгласити**, **пригласити**, **гласити** в пределах Зоґрафского евангелия, игнорирующую, однако, семантическое ядро старославянских лексем с корнем **-глас-** [13].

др.; о-палити – ката-φλέγειν; о-палати – ката-φλέγειν; о-пражниати – ката-арυεῖν; о-срамити – ката-αισχύνειν; о-срамлати – ката-αισχύνεσθαι; о-сждити – ката-κρίνειν, ката-δικάζειν и др. См. также [12. S. 15]).

4. Старославянский корень -глагол- восходит к тому же индоевропейскому корню, что и корень -глас- (в сл. *golgolъ представлено полное удвоение звукоподражательного корня [3. Т. III. С. 430; 11. Вып. 6. С. 205]). Семантика сущ. глаголъ наиболее ясно выявляется при сопоставлении ее с семантикой одного из наиболее близких в старославянских рукописях синонимов, сущ. слово. Словари определяют основное значение этих лексем одинаково: ‘слово речь’ [6. Т. I. S. 399; 5. С. 170; 6. Т. IV. S. 111; 5. С. 611–612]. Однако старославянскому сущ. слово присущ почти весь спектр значений и оттенков значений, характерных для греч. λόγος, в то время как лексема глаголъ менее частотна (всего 151 употребление, тогда как слово употребляется более 500 раз), и для нее характерна семантика ‘звучащей речи, высказывания’ в соответствии с греч. ῥήμα, τὰ ῥήματα, ῥῆσις. Даже будучи употребленной в ед.ч., глаголъ чаще обозначает не ‘слово’, а ‘слова (мн.ч.), речь’. Например: **юже естъ отъ ба глѣ бжн послышаатъ** – И 8,47 Мар, Зогр, Ас – ὁ ἄν ἐκ τοῦ θεοῦ τὰ ῥήματα τοῦ θεοῦ ἀκούει. Существительное глаголъ синонимично также существительному рѣчь в значении ‘речь, слова’ (в котором последнее встречается в Супрасльской рукописи в соответствии с греч. τὰ ῥήματα, φωνή, φήμη), а в некоторых случаях можно отметить и близость к сущ. вездѣ, тогда, когда вездѣ употребляется в значении ‘речь’ в соответствии с греч. λαλιά. Ср., например: **по чьто вездѣ ты моея не разоумѣете** – И 8,43 Зогр, Мар, Ас – διὰ τί τὴν λαλίαν τὴν ἐμὴν οὐ γινώσκετε; и **отъметаны са мене и не прнемла глѣ монхъ . иматъ сждаштааго емоу** – И 12,48 Мар Зогр – ὁ ἀθετῶν ἐμὲ καὶ μὴ λαμβάνων τὰ ῥήματα μου ἔχει τὸν κρίνοντα αὐτόν.

Производный от сущ. глаголъ глагол глаголати является в старославянских рукописях самым частотным глаголом речи. В соответствии с исходной семантикой мотивирующего существительного, в основе значений глаголати лежит семантика самого ‘процесса говорения, речи’. Например: **юже не много глѣ съ вами . градеть бо сего мира къназь** – И 14,30 Зогр Мар Сав, в Ас: **юже не мьного глѣ съ вами...** – οὐκέτι πολλὰ λαλήσω μεθ’ ὑμῶν... Эта семантика соответствует и семантике греческого глагола λαλεῖν, для которого, хотя он и относится к глаголам речи, основной является семантика ‘издания звуков’ [8. С. 1009; 10. V. II. P. 1025–1026]. Помимо своего основного значения ‘говорить’, глаголати, в соответствии со своей семантикой, может иметь контекстно обусловленные значения ‘провозглашать’ в соответствии с греч. φθέγγεσθαι, βοᾶν, ‘проповедовать’ в соответствии с λέγειν, διαλέγειν, κηρύσσειν, ‘гласить’ в соответствии с λέγειν (например: **да съконьчатъ са . реченое исакемь пророкомь глѣштем . землѣ завлонѣ...** – Мт 4,14 Зогр Сав Ас – ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν διὰ Ἰησαίου τοῦ προφήτου λέγοντος...), ‘рассуждать’ (например: **и прѣтывааше нсконьчын врагъ еѣсъ та глагола . и правдѣнын та жеде вездѣдоуа . послѣднек же еѣсъ рече къ рабоу бжню...** – Супр 554,24 – греч. нет), ‘общаться с Богом’ в соответствии с ὁμιλεῖν, ‘обвинять’ в соответствии с греч. κατηγορεῖν, κατηγορεῖσθαι, καταλογεῖν, а также в составе устойчивых словосочетаний: **малы глаголати говорить кратко** в соответствии с микрологеῖν, **ясно глаголати говорить понятно, ясно** в соответствии с транологеῖν, **лихо глаголати болтать**,

говорить попусту' в соответствии с βατταλοεῖν, **вѣпрѣкы глаголати**, противнѣя глаголати 'спорить, возражать' в соответствии с ἀντιλέγειν, **лѣжж глаголати** 'клеветать' в соответствии с греч. ἀρνεῖσθαι ψευδῆ, **χογаты глаголати** 'богохульствовать' в соответствии с греч. βλασφημεῖν, λοιδορεῖν. Основную семантику глагола глаголати продолжает отглагольное сущ. глаголанник, встречающееся в старославянских рукописях только в двух контекстах. В чтении Мк 16,19 глаголанник имеет значение 'речь, проповедь' в соответствии с τὸ λαλῆσαι, в чтении Мт 6,7 словосочетание **много глаголанник**, употребленное на месте греч. πολυλογία, имеет значение 'многословие' (имеется в виду длительный процесс говорения, когда говорится много лишнего). В отдельные значения глаголати можно выделить значения 'именовать, называть' и 'называться', в которых он употребляется в соответствии с λέγειν и синонимичен глаголам **реци**, **нареци**, **нарциати** (см. выше). Например: **рече оубо и трои полемонъ . что са глаголеши . она же рече Феодотъ** – Супр 132,18 – Εἶπεν οὖν καὶ ταύτη ὁ Πολέμων: "Τίς λέγει;" Ἡ δὲ εἶπεν: "Θεοδότῃ". Значение 'называть' может иметь оттенок 'считать кого-либо кем-либо'. Например: **что оубо хоштете створиъ . егоже глаете ѿрѣцуделска** – Мк 15,12 Зогр Мар – τί οὖν θέλετε ποιήσω ὃν λέγετε τὸν βασιλέα τῶν Ἰουδαίων; В этом значении глагол глаголати близок глаголу глашати в одном из его значений, а также глаголам **зъвати** (в том же значении) и **позъвати**. Ср.: **вы глаете ма оучителѣ и гл . и добрѣ глаете есмь со** – И 13,13 Сав – ὑμεῖς φωνεῖτέ με: ὁ διδάσκαλος καὶ ὁ κύριος, καὶ καλῶς λέγετε: εἰμὶ γάρ; в Зогр, Мар и Ас: **вы глашаете ма оучителѣ и гл...; ракомъ позъваатъ владыко** (вм. -кж) . **не глаголетъ глѣ ни емъ** – Супр 509,21 – δοῦλον ἀποκαλεῖ τὸν Δεσπότην, οὐ λέγει Κύριον καὶ Θεὸν τὸν Δεσπότην.

Префиксы **из-**, **про-** и **вѣз-** сообщают глаголам **изглаголати** (Клюц 2, Евх 1, Супр 4), **проглаголати** (Зогр 2, Мар 3, Ас 2, Сав 1, Син 1, Супр 1) и **вѣзглаголати** (Син 13, Евх 1, Супр 3) значение совершенного вида при практическом отсутствии собственно словообразовательного значения. Проглаголати и **вѣзглаголати** встречаются в рукописях в одинаковых контекстах. Ср.: **оуста ѡмѣтъ и не прогмѣтъ . очи ѡмѣтъ и не видѣтъ** – Ps 134,16 Син и **оуста ѡмѣтъ и не вѣзгмѣтъ . очи ѡмѣтъ и не видѣтъ** – Ps 113,13 Син, в греческом оригинале текст совпадает полностью: στόμα ἔχουσιν καὶ οὐ λαλῆσουσιν, ὀφθαλμοὺς ἔχουσιν καὶ οὐκ ὄψονται. Проглаголати и **вѣзглаголати** могут употребляться в старославянских рукописях и для выражения будущего времени. Ср., например: **и се вждеши мѣча и немогы проглаголати до него же дьне вждетъ се** – Л 1,20 Мар Ас – καὶ ἰδοὺ ἔσσι σιωπῶν καὶ μὴ δυνάμενος λαλῆσαι ἄχρι ἧς ἡμέρας γένηται ταῦτα. Глагол **вѣзглаголати** при переводе греч. κατηγορεῖν может иметь также значение 'обвинить' в соответствии с таким же оттенком значения у исходного глагола глаголати.

Семантика 'обвинения' свойственна и образованиям с префиксом **о-** – глаголу **оглаголати** (Супр 2, греч. κατηγορεῖν) и сущ. **оглаголанник** (Супр 2, греч. κατηγορία и λοιδορία).

В Синайском евхологии и Супрасльско́й рукописи встречается ряд мало-частотных лексем с корнем **-глагол-**, значение которых непосредственно связано с исходной семантикой корня. Значение употребленного в соответствии с греч. διαλέγειν глагола **сѣглаголати** словари определяют как 'заметить' [6. Т. IV. S. 249], 'высказать (свое мнение, суждение)' [5. С. 646]. Имеется в виду

высказывание мнения в процессе речи, проповедования: **велико о дѣвствѣ сѣглагола . рекы . сжтъ скопци иже скопиша са сами** – Супр 371,1 – Μεγάλα περὶ παρθενίας διελέχθη εἰπών... Адъективированные причастия **неизглаголкмъ**, **неизглаголанъ**, прил. **неизглаголаньнъ** (и образованное от него наречие **неизглаголаньно**) имеют в соответствии с греч. ἀπόρητος, ἀνέκφραστος, ἀλάλητος, ἄφατος, ἀνεκλάλητος, ἀρήτως значение 'не поддающийся словесному описанию, не выразимый речевыми средствами', глагол **многоглаголати**, встречающийся в соответствии с греч. πολυλογεῖν, имеет значение 'много говорить, говорить лишнее', сущ. **неглаголаник** в соответствии с греч. ἀφωνία означает 'молчание, немота', т. е. 'отсутствие речи' в противоположность значению сущ. **глаголаник**.

Таким образом, как видно из вышеприведенного материала, в основе значений всех лексем ЛСГ с корнем -глагол- лежит семантика 'звучащей речи'. Если значения лексем ЛСГ с корнем -рек- обуславливаются сочетанием речевой и неречевой семантики, если в основе значений лексем ЛСГ с корнем -глас- лежит семантика 'звука, (громкого) звучания', и значения речи являются для них маргинальными, значения лексем ЛСГ с корнем -глагол- полностью связаны с речью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефимова В.С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. I. Слова с корнями -вѣт-, -вѣд-, -каз- // *Славяноведение*, 1996, № 1, с. 18–30.
2. *Pokorny J.* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949–1959.
3. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. М., 1986–1987.
4. *Sadnik L., Aitzemuller R.* *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg, 1955.
5. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.)* / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
6. *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1968 –.
7. *Frisk H.* *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I–III. Heidelberg, 1954–1972.
8. *Дворецкий И.Х.* *Древнегреческо-русский словарь*. В 2 т. М., 1958.
9. *Sophocles E.A.* *Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods*. N. York, 1900.
10. *Liddell H.G., Scott R.* *A Greek-English Lexicon*. In 2 v. Oxford, 1925–1936.
11. *Этимологический словарь славянских языков: Пра斯拉вянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974 –.
12. *Schumann K.* *Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen*. Berlin, 1958.
13. *Бренер Э.* *Семантический анализ группы староболгарских глаголов Зографского евангелия* // *Palaeobulgarica*, 1980, № 1, с. 48–67.

© 1997 г. ХЛЕБНИКОВА В.Б.

РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ К.А. ГУБАСТОВ И ЕГО
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА "ЧЕРНОГОРИЯ. 1860–1900 гг."

Отечественные и зарубежные исследователи не перестают находить в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) уникальные документы. Заслуживает опубликования, на наш взгляд, и служебная записка министра-резидента российской дипломатической миссии в Цетинье Константина Аркадьевича Губастова. Она была написана в июне 1900 г. и адресована министру иностранных дел М.Н. Муравьеву. Прежде чем рассказать об обстоятельствах появления этой записки и ее содержания, хотелось бы в общих чертах изложить служебную биографию ее автора – человека незаурядного.

К.А. Губастов родился 25 апреля 1845 г. Обучался в кадетском корпусе, после окончания которого в 1863 г. был принят в "число воспитанников Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте" МИД. Дипломатическую службу он начал в Константинополе, куда был "определен студентом". Карьера Губастова складывалась успешно. Усердие и "отличие" кандидата неизменно отмечались при назначении его на новую должность и присвоение очередного чина. Губастов работал секретарем и драгоманом в консульстве Адрианополя (с 1867 г.), вице-консулом в Видине (с 1869 г.), делопроизводителем в Азиатском департаменте МИД (1872), младшим секретарем посольства в Константинополе, где в 1875 г. был повышен и стал вторым секретарем. В 1877 г. он "исправлял должность" секретаря миссии в Гааге, в 1878 г. управлял генеральным консульством в Константинополе, в 1879 г. был назначен чиновником особых поручений при Варшавском генерал-губернаторстве. В 1881 г. Губастов – консул в Вене, в 1885 г. – генеральный консул. В 1896 г. он стал вице-директором Азиатского департамента МИД. 5 июля 1897 г. "высочайшим указом назначен министром-резидентом при его высочестве князе Черногорском". В октябре 1900 г. Губастов был переведен на должность министра-резидента при Папе Римском, в марте 1904 г. отправлен чрезвычайным посланником в Белград. Наконец, в 1906 г. ему довелось стать товарищем министра иностранных дел, руководить министерством в отсутствие министра [1]. В этой должности и в чине тайного советника К.А. Губастов закончил свою дипломатическую карьеру, подав в 1908 г. прошение на имя царя "уволить [его] от службы по домашним обстоятельствам" [2]. Ему было тогда 63 года. Николай II высоко оценил заслуги дипломата, отметив в высочайшем рескрипте, что Губастов начинал службу еще при Александре II и достойно продолжал ее в разных местах много лет. "Ныне с сожалением снизойдя на ваше ходатайство об увольнении вас от службы, – говорилось в рескрипте, – я признаю справедливым выразить вам мою искреннюю признательность за вашу свыше 44-летнюю отличную усердную службу. Пребываю к вам неизменно благосклонный и благодарный (это

слово написано царской рукой. – В.Х.) Николай. В Царском Селе, 30 января 1908 г." [2. Л. 10].

Не стоит перечислять всех иностранных орденов и знаков отличия, которыми был награжден дипломат – это было обычной практикой. Однако хочется вспомнить его отечественные награды, чтобы не говорить голословно о заслугах К.А. Губастова. Он был кавалером орденов св. Станислава 2-й и 1-й степеней, св. Анны 2-й и 1-й степеней, св. Владимира 3-й и 2-й степеней, имел серебряную медаль на Александровской ленте и знак отличия "беспорочной службы за 40 лет" на Владимирской ленте. Каждая запись "формулярного списка чиновника МИД, тайного советника Губастова" свидетельствует о том, что начальство высоко ценило его [1]. Причем, как нам кажется, не только за усердие и дисциплинированность. Знакомство с многочисленными донесениями Губастова, а также с архивом русской дипломатической миссии в Цетинье [3] позволяет утверждать, что это был человек глубоких знаний, незаурядных способностей, умевший ясно выразить свою точку зрения, невзирая на то, что она могла быть приятна не всем высокопоставленным лицам. Далее читатель увидит, как неблагоприятно отзывался Губастов о семье черногорского князя, хотя это могло иметь негативные последствия для него лично. Из мемуарной литературы хорошо известно, каким значительным влиянием пользовались при русском дворе две черногорские княжны, дочери князя Николая. Давлению с их стороны подвергались и более крупные государственные чиновники (см. [4]). Но это не останавливало дипломата, считавшего своим долгом сообщать правительству только объективную информацию.

Губастов был министром-резидентом в Черногории сравнительно недолго¹. Но он успел оставить о себе хорошую память. Писатель и путешественник М. Петрович, побывавший как раз в это время в Черногории, вспоминал, как встречался с Губастовым, и как они обсуждали проблемы работы Мариинского женского института в Цетинье [5].

Очевидно, несмотря на краткость пребывания в Черногории, дипломат сумел увидеть и верно понять многое, что характеризовало ее внутреннюю жизнь. В публикуемой записке он дает сравнительно-исторический очерк прошлого и настоящего Черногории, пытается подвести итог ее государственного развития в последние сорок лет [б. Д. 3352. 1906 г. Л. 11–48 об.].

Появление этого документа было вызвано особыми обстоятельствами. На рубеже XIX–XX вв. некогда ясный небосклон российско-черногорских отношений омрачился тучами. Княжество оказалось на грани финансового краха из-за многочисленных долгов банкам стран, которые нельзя было назвать дружественными России, – Австрии и Турции. В случае неуплаты ему грозила не только экономическая, но и политическая зависимость от этих "злейших врагов славянства", если выражаться языком русской публицистики того времени. России и раньше приходилось выручать из денежных затруднений своего "единственного друга". Так, в 1889 г. были срочно выплачены немалые задолженности австрийским и турецким банкам, и княжество оказалось должником России на 20 лет. Русское правительство тогда снисходительно отнеслось к правящим кругам Черногории, хотя и было удивлено тем, на каких тяжелых условиях были заключены эти поспешные займы. Желая оградить своего союзника от таких ошибок в будущем, российское Министерство финансов поставило условием конверсии долга Черногории "вновь не обязывать себя подобными займами" [б. Д. 3345. 1898 г. Л. 3 об.]. Князь Николай охотно обещал это, лишь бы скорее дали денег.

Но прошло десять лет, и оказалось, что ситуация повторяется. Снова княжество оказалось у края долговой ямы, снова непосильные долги, первый из которых был сделан уже год спустя после данного обещания, когда черногорские правители заняли

¹Например, его коллега К.А. Аргиропуло провел в княжестве 13 лет. Он тоже был преуспевающим дипломатом и стал товарищем министра. Видимо, черногорская миссия была неплохим местом для продвижения в МИД.

деньги в австрийском "Лендербанке". Потом последовал заем в 1892 г. в Константинопольском банке, в 1893 г. – в австрийском "Боден Кредит", и "затем уже редкий год проходит без нового займа" [6. Д. 3349. 1899–1902 гг. Л. 3–3 об.]. Нетрудно догадаться, почему займы предоставляли только турецкие и австрийские финансовые учреждения. Черногория исчерпала свой кредит в Европе. Никто не ссужал ей деньги, наверное зная, что они не будут возвращены. Турция и Австрия сознательно шли на такие траты, преследуя политическую цель – подчинить княжество, которое в недавнем прошлом было застрельщиком национально-освободительной борьбы на Балканах. Княжеское правительство, конечно, понимало это, но твердо знало, что Россия, стремясь во что бы то ни стало сохранить на Балканах сложившуюся расстановку сил, будет вынуждена платить по черногорским счетам. Поэтому князь Николай вновь просил денег у своего царственного покровителя. На этот раз за помощь он обещал довести до полного совершенства военные силы Черногории (на русские средства) и тем самым упрочить военное положение России на Балканском полуострове.

Но теперь российский государственный банк был настроен скорее недоброжелательно. Министр финансов С.Ю. Витте не мог скрыть своего раздражения. Он писал министру иностранных дел: "...денежные субсидии, выдаваемые княжеству из нашего государственного казначейства, достигают уже столь крупных размеров, что дальнейшее увеличение сих субсидий представлялось бы, по моему мнению, решительно невозможным. Помимо постоянных расходов в размере около 220 000 руб. в год на содержание в Черногории учебного батальона и полубатарей, духовной семинарии и женского училища, а также на выдачу черногорскому правительству субсидии для уплаты долга Государственному банку и других пособий – единовременные расходы нашей казны в пятилетие 1894–1898 гг. на снабжение Черногории запасами оружия и патронов и на устройство церкви в Никшиче составили около 2 600 000 руб. Между тем, у нас самих имеются настоятельные нужды первостепенной государственной важности, которые, однако, остаются без удовлетворения по ограниченности средств государственного казначейства. Ввиду чего и принимая во внимание, что, несмотря на значительность оказанных уже нами воспособлений черногорскому правительству, последнее предъявляет к нам все новые и новые требования о субсидиях, я полагаю, что настоящее ходатайство князя Черногорского не могло бы подлежать удовлетворению" [6. Д. 3347. 1899 г. Л. 21 об. – 22]. Так же отрицательно отнесся С.Ю. Витте к более скромной просьбе черногорского двора – гарантировать заем в одном из европейских банков.

Российский МИД попытался было предоставить черногорцев их судьбе, но напрасно. К.А. Губастов доносил: "Все черногорские власти находятся в состоянии какого-то оцепенения, делами не занимаются и не чувствуют себя в силах принять какое-либо решение. Все их помыслы обращены единственно на ожидаемое ими избавление от финансовых затруднений и при помощи императорского правительства. Я повергаюсь чуть не ежедневно допытываниям о наступлении этой счастливой минуты" [6. Д. 3349. 1899–1902 гг. Л. 39]. Князь Николай, минуя официальные инстанции и используя свои связи при российском дворе, обратился с личным письмом к Николаю II, который обязал правительство решить этот вопрос. В Черногорию был командирован чиновник по специальным поручениям, действительный статский советник Миллер для проверки финансового положения княжества. Проехав по стране и тщательно изучив документацию, связанную с расходами черногорского правительства, он пришел к выводу, что причины постоянного денежного дефицита кроются в элементарном отсутствии государственного бюджета. Двор и администрация даже приблизительно не знали, какими будут доходы в очередном году, поэтому тратили гораздо больше, чем позволяли материальные ресурсы страны. Особенно щекотливым являлось то обстоятельство, что князь Николай не имел "цивильного листа" и был уверен, что все поступления в казну находятся в его личном распоряжении. В результате деньги уходили на постоянно растущие нужды двора. Чиновники же (которых, по мнению Миллера, было слишком много для такого маленького государства) по несколько месяцев не получали

жалование. Никаких контрольно-финансовых органов в Черногории не существовало. Обо всем этом русское правительство было обстоятельно информировано [6. Д. 3349. 1899–1902 гг. Л. 31–38 об.]. Докладная записка Миллера, которую упоминает Губастов, легла в основу "всеподданнейшего доклада" царю.

Однако для принятия решения недостаточно было знать одну только финансовую сторону дела. Нужны были самые разнообразные данные о внутренней и внешней жизни княжества, которые помогли бы определить дальнейшую позицию правящих кругов империи в черногорском вопросе. Стоило ли идти на столь серьезные затраты ради хотя и давнего, но слишком слабого союзника, если черногорская дружба обходилась так дорого российской казне? Эту цель и преследовала записка Губастова – показать настоящее состояние Черногории, выяснить перспективы ее развития. Этот аналитический разбор, по нашему мнению, был выполнен успешно. Он не только насыщен информацией и оценками, но и содержит любопытные психологические зарисовки, позволяющие понять характер людей, с которыми контактировало правительство России. Записка написана выразительным языком, ее интересно читать, хотя местами дает о себе знать бюрократический стиль.

Губастов старается максимально объективно разобраться в том, что происходит в княжестве. Он отмечает все, что составляет положительный заряд деятельности черногорской администрации за последние годы (строительство дорог, школ, хотя и медленно, но все же идущее вперед развитие земледелия и скотоводства и т.п.). Но вместе с тем, как бы предупреждая МИД о возможных неприятностях (которые и произошли несколько лет спустя), дипломат детально разбирает все обстоятельства, мешавшие поступательному движению Черногории по пути модернизации, делавшие ее не таким уж надежным партнером, как считали в России. В этой критической части записки особенно впечатляет то, что говорится о самом князе Николае, личность которого не получила пока исчерпывающей характеристики в отечественной литературе². Между тем он был фигурой первостепенной важности в политической истории Черногории второй половины XIX – начала XX в. Насколько Николай был энергичен и целеустремлен в своих политических замыслах, настолько же он был противоречив в своих действиях, связанных с политическими и финансовыми обязательствами по отношению к России. Не случайно Губастов отмечал, что князь воплощает в себе все положительные и отрицательные качества современного черногорца. Нельзя было полагаться на его "славянские чувства" и рассчитывать на неизменную благодарность. Нужно было помнить, что у Николая на первом месте стояли собственные политические планы (что и понятно). Принципы же его не совпадали с теми, которые провозглашала европейская дипломатия рубежа XIX–XX вв., были сродни "лукавой" политике Востока. Не зря Губастов все время подчеркивал патриархальность нравов в Черногории, напоминал, что эта страна только-только перешла к государственной жизни, что во многом черногорцы сохранили приверженность "племенным основам". Не говоря об этом прямолинейно, Губастов формирует у читателя образ черногорского правителя как хотя и одаренного, но все же "варвара".

Наконец, особого внимания заслуживает вывод, к которому приходит в конце обзора русский дипломат. Ссылаясь на авторитет И.С. Аксакова, он берет на себя смелость утверждать, что черногорское государство нежизнеспособно. Как опытный политик, Губастов почувствовал, что усилия России, десятилетиями направлявшиеся на укрепление Черногории, пропадут втуне. Конечно, автор не мог знать, что произойдет в ходе первой мировой войны. Но он почти пророчески предвидел, что существовать самостоятельно княжество не сможет. Он, видимо, понял неразрешимое противоречие черногорской политики: по мере того как страна будет вставать на ноги, она все больше будет стремиться действовать независимо от воли и своих врагов, и своих друзей. А внутренних резервов для этого не хватит, и Черногория будет вынуждена снова и снова прибегать к чужой помощи, давая самые далеко идущие обещания, но

²Исключением стало [7].

не выполняя их. Так и случилось в русско-черногорских отношениях в начале XX в. С одной стороны, правящие круги России, которым без конца приходилось решать политические и экономические проблемы княжества, настойчиво внушали черногорскому двору мысль о необходимости соизмерять поступки с последствиями, а желания с возможностями, чем крайне раздражали князя, хотевшего быть абсолютно самостоятельным. С другой – у черногорской камарильи до последнего момента сохранялась какая-то детская уверенность в том, что есть все условия для достижения самых авантюрных внешнеполитических целей, таких, как, например, присоединение албанских земель к княжеству. А если при этом возникнут серьезные дипломатические осложнения, то могущественный русский царь, которому так нужны храбрые черногорцы, все уладит. При этом князь наивно полагал, что между ним и императором стоят высшие государственные чины России, которые навязывают ему свою волю и посягают на суверенитет его монархии.

Публикуя текст записки К.А. Губастова, надеемся, что историки найдут в ней достоверную, разностороннюю и оригинальную информацию о Черногорском княжестве второй половины XIX в. В тексте сохранены без изменений обороты и выражения автора. Исправлены только явные описки. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными требованиями, также даны современные окончания слов. Слова и выражения, подчеркнутые в тексте записки, даются курсивом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Формулярные списки чиновников МИД. Оп. 464. Д. 1044а. 1845–1907.
2. АВПРИ. Ф. Циркуляры по МИД. 1908. Д. 54. № 4. СПб., 7 февраля 1908 г.
3. Државни музеј. Цетинье. Архивско одељење. Ф. Приновљени рукописи. 1897–1900 гг.
4. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: воспоминания [министра финансов России]. М., 1992.
5. *Петрович М.* По Черногории. Путевые впечатления и наброски. М., 1903. С. 53–57.
7. *Писарев Ю.А.* Шесть десятилетий на троне: Черногорский монарх Николай Петрович–Негоша // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 113–142.

Его Сият[ельст]ву графу М.Н. Муравьеву

Совершенно секретно

Цетинье, 5-го июня 1900 г. № 14

Одно приложение

Милостивый государь граф Михаил Николаевич,

Имею честь представить при сем на благоусмотрение Вашего сиятельства краткую записку о современном положении Черногории сравнительно с тем, что она была 40 лет тому назад, в начале правления князя Николая. Представляя общие и краткие цифровые данные касательно Черногории в 1860 и в 1900 годах, я счел нелишним сделать во второй части записки очерк политическим отношениям княжества к иностранным государствам и характера князя Николая.

Не вдаваясь в изложение моем ни в какие излишние подробности, я старался лишь сделать по возможности правдивую картину страны маленькой, бедной, материально ничтожной, но на долю которой выпало судьбою играть довольно значительную роль в истории южного славянства.

Я воздержался от всяких выводов и заключений касательно будущего Черногории, которое, как и всякое будущее, зависит от совокупности многообразных обстоятельств. Предвидеть их теперь невозможно. Я ограничился изложением настоящего. Оно, как Ваше сиятельство изволите усмотреть из записки, во многих отношениях

крайне печально. Большинство черногорцев это сознает и мирится только по необходимости с существующим положением дел в княжестве, в надежде, что если императорское правительство окажет материальную поддержку Черногории, то оно заставит ее отказаться от того несвойственного ей пути, по которому она шла в последние годы, живя в долг, выше своих средств, и доставая деньги на непроизводительные расходы где и как только можно было.

С глубочайшим почтением и искреннею преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего сиятельства покорнейшим слугою

К. Губастов

К № 14 (1900 г.)

Совершенно секретно

Черногория

1860–1900 гг.

ЧЕРНОГОРИЯ в 1860 г.

2-го будущего августа исполнится 40 лет со времени провозглашения Николая Петровича князем черногорским.

Ему было тогда 19 лет. Он был на 4-м курсе в Коллегии Людовика Великого в Париже и случайно, вследствие своей болезни, приехал в апреле 1860 г. в Черногорию.

Первые семь лет молодой правитель находился под исключительным влиянием своего отца, воеводы Мирко, человека умного, но необразованного, корыстного, нрава крутого, жестокого и мстительного. В июле 1867 г. Мирко умер.

Что представляла из себя в то время Черногория? Пространство ее равнялось 73 квадр. милям (4.000 кв. килом.). Жителей обоего пола считалось 120 т. Страна была разделена на 7 нахий, во главе которых стояли капитаны. Высшая судебная власть принадлежала Сенату.

Финансы княжества, по собранным в 1863 г. консулом нашим в Рагузе, г. Петковичем, официальным сведениям, представляли следующие цифры.

Доходы:

Прямые налоги	.....	56 000 гульд.
Косвенные налоги	.....	32 000
Субсидия из России	.....	40 000 гульд.
		<hr/>
		128 000 гульд.

Расходы:

Содержание администрации и войска	.....	55 000 гул.
Покупка пороха и военных запасов	.....	15 000
Чрезвычайные расходы	.....	10 000
		<hr/>
		80 000 гул.

В остатке 48 000 гульденов.

Консул наш прибавляет, что князь не имеет определенной законом суммы на свое содержание, а распоряжается по своему усмотрению *всеми* доходами, поступающими в казну.

Пахотной земли во всем княжестве было не более 12 т. десятин.

Скота:

Рогатого крупного	.....	49 000 гол.
Овец и коз	.....	350 000 гол.
Свиной	.....	15 000 гол.

Регулярного постоянного войска в Черногории не было. Всякий черногорец с 19-ти до 40-ка летнего возраста считался военным и обязан был идти против неприятеля.

Воевода, главарь или старшина в своем племени, услышав, что опасность угрожает стране, обязан был собрать своих людей и выступить в поход. Князь Даниил первый дал черногорской милиции некоторую организацию.

По переписи, сделанной после войны с турками, в конце 1862 г. оказалось, что в княжестве было 13 400 человек, способных носить оружие и идти на войну. Артиллерия состояла из 2-х батарей нарезных горных орудий и около 20 полевых крепостных пушек. Г. Петкович полагал, что крайним пределом черногорских сил можно было считать 20 000 человек.

Первая народная школа в Черногории была устроена владыкою Петром II при Цетинском монастыре.

Князь Даниил намеревался открыть школы во всех нахиях, а из Цетинского училища образовать семинарию и гимназию. В 1868 г. в Черногории было 8 школ и около 300 учащихся. В ней было в то же время 11 монастырей, митрополит, один архимандрит, 5 монахов и около 150 приходских священников. Колесных дорог не было вовсе.

Князь Даниил после Крымской войны не только искал союза с Францией, но и рассчитывал на покровительство и поддержку Наполеона III во всех внешних делах. Он был побуждаем к тому женою своею Дариньюю, офранцузенною триестскою купчихою, и французским консулом в Скутари Гекаром, весьма ловким и энергическим агентом, который, из-за личных выгод, сумел приобрести на Даниила значительное влияние. Французское правительство, с своей стороны, заигрывало с новым клиентом, назначив ему небольшую субсидию и пригласив нескольких черногорских юношей воспитываться в парижских учебных заведениях.

Отношения Черногории к России в 1857–58 гг. были весьма натянутые. Незадолго до своей трагической смерти князь Даниил повинился перед государем императором, и преждее неблагоприятное поведение его было предано забвению.

ЧЕРНОГОРИЯ в 1900 г.

По Берлинскому трактату Черногория увеличилась на 93 кв. мили, что вместе с прежними 73-мя составляет 166 кв. миль или 9 400 кв. километров.

Бывший наш комиссар в пограничной комиссии полковник (ныне генерал-лейтенант) барон Каульбарс считает границы Черногории удовлетворительными для обороны. Страна эта, говорит он, обладая благоприятными топографическими условиями, обладая геройским духом своего народа и возвышенным патриотизмом, который его воодушевляет и внушает ему гордость, не допускающую чужого господства, всегда сумеет защитить свою территорию. Но, с другой стороны, пока существуют современные отношения, она должна отбросить всякую надежду подать руку или внять голосу своих братьев Герцеговины или Новобазарского санджака.

Жителей в княжестве считается теперь до 200 тыс. обоого пола. Около 20–30 тысяч черногорцев разбросано во всех частях света. Этот излишек обречен на жизнь вне отечества за ненахождением в оном средств к существованию.

Всей пахотной земли в Черногории не более 35–40 тыс. десятин. Лугов и пастбищ 7 500 кос.

Земледелие, по наблюдению Ровинского, идет в княжестве вперед, но особенно усиливается виноградарство. Скотоводство при всех колебаниях все еще значительно прибавляется, и в полной силе остается старое убеждение черногорцев, что главное их богатство состоит в скоте, о котором они более всего заботятся.

По официальным сведениям за 1899 год количество скота было следующее.

Овец и коз	.....	1 300 000 гол.
Коров и быков	.....	140 000
Лошадей, мулов и ослов	.....	50 000
Свиней	.....	30 000

В настоящее время в Черногории 205 километров шоссейных дорог, построенных с помощью Австрии и ее инженеров. Плавание по внутренним водам производится только пароходом по Скутарскому озеру и в лодках по реке Черноевича.

Доходы княжества за последние годы достигают 1–1 200 000 гульденов.

Командированный сюда нынешнею зимою [действительный] с[татский] с[оветник] Миллер собрал о финансовом и экономическом положении Черногории подробные сведения и представит их в скором времени императорскому министерству, а потому я этого предмета касаться здесь не буду.

В церковном отношении княжество делится на 2 епархии: Цетинскую и Захолмскую.

В 1-ой три монастыря, во 2-ой одиннадцать, при них 17 монахов, которые получают 6 120 гульд. содержания. В Цетинской епархии 245 церквей, в Захолмской 102 и, кроме того, в первой имеется еще 76 и во второй 74 *приходских* церквей. Всего священников 197. Жалованье им в 1 200 гульденов.

Школьное дело за время княжения князя Николая сделало несомненно значительные успехи.

Народных основных школ теперь:

Правительственных	мужских	.....	70
	женских	.....	3
Частных общинных	мужских	.....	27
	женских	.....	1

В них 6 725 учащихся и 138 учительского персонала. Расходы по содержанию школ достигают 38 000 гульденов в год.

Кроме того, Черногория, несмотря на скудость своих доходов, содержит 11 школ в Албании и в Старой Сербии, тратя на них 3 500 гульденов ежегодно.

Учрежденное владыкою Петром II училище при Цетинском монастыре преобразовано в гимназию с 3-мя высшими классами для богословия. В гимназии 143 воспитанника и в богословской школе 37. Это заведение получает от императорского правительства ежегодное пособие в размере 10 000 гульд. В настоящее время деятельность гимназии сокращается ввиду того, что кончившие в ней курс юноши, стремясь освободить себя от физического труда и суровой жизни своих отцов, требовали от правительства помещения их на казенную службу, и поэтому чиновничество совершенно бесполезно расплодилось и стало бременем для казны княжества.

Из всех существующих здесь мужских и женских школ лучше всех, конечно, поставлен Цетинский Марииинский институт. За свое 30-тилетнее существование это заведение оказало большие и неопределимые услуги. Покойный П.А. Васильчиков без всякого преувеличения сказал истинную правду, что институт это "единственный может быть примером действительно полезного и удачного применения русского культурного влияния в славянском деле".

В нем в настоящем учебном году 72 воспитанницы. Если бы материальные средства и размер здания позволили, то эта цифра могла бы быть гораздо более.

Завоевав вполне заслуженную известность во всех соседних с Черногориею славянских землях, институт осаждается просьбами родителей из Далмации, Боснии и Герцеговины, Старой Сербии, желающих поместить своих дочерей в это заведение. Было во всех отношениях весьма полезно расширить плодотворную деятельность института. Для этого достаточно было бы увеличить даваемую ему ежегодную стипендию на 3 тыс. руб. и отпустить одновременно 15 000 гульд. не необходимые пристройки к зданию.

Современные военные силы Черногории состоят из народного войска, разделенного на 7 бригад, и из 3 500 чел., прошедших через учебный батальон. Всего от 35–37 тыс. пехоты. Они вооружены нашими 3-х линейн. скорострельными ружьями и берданками. Артиллерия еще не сформирована за неимением лошадей, а образованы только небольшие артиллерийские кадры. Князь постоянно заявляет, что Черногория – небольшой русский военный округ и что в случае войны России с Австрией он в состоянии оттянуть от главного театра 100-тысячную австрийскую армию. Интендантства в Черногории не существует, и, вероятно, в будущую войну, по примеру прежних войн, войска будут продовольствовать черногорские женщины.

В административном отношении княжество делится на 10 нахий, управляемых окружными начальниками. Весь административный персонал состоит из людей едва грамотных, к управлению совершенно неподготовленных и заботящихся лишь об исполнении приказаний, получаемых из Цетинья.

Черногорцы, сознавая теперь, что живут более не в племени, а в государстве под верховною властью князя, все еще, однако, руководятся своими старыми племенными понятиями и инстинктами. Прежняя и нынешняя суровая школа сделала здешний народ послушным, покорным и выносливым.

Правосудие составляет одну из самых печальных, темных сторон государственной жизни Черногории.

Рассказы иностранных путешественников о простоте и патриархальности княжеского суда, происходившего под тенью вяза на площади вблизи дворца, – не более как вымысел. Легенда эта, вместе со многими другими о Черногории, поддерживалась нежеланием писавших говорить об этой оригинальной и во многих отношениях симпатичной стране правду.

При своем вступлении в управление Черногориею князь застал законник князя Даниила (1855 г.), состоявший из 95 статей, большею частью уголовного характера, которые удовлетворяли несложным потребностям народным. В 1873 году князь обратился к императорскому правительству с просьбой поручить бывшему одесскому профессору Богишичу (родом из Рагузы) составить свод гражданских законов для Черногории. Просьба эта была удовлетворена, и г. Богишич целые 15 лет занимался собиранием материалов и приведением их в систему.

Между тем, в 1879 г. из Сената князя Даниила было образовано 5 министерств и учрежден Великий суд как высшая судебная инстанция.

Существовавшее до тех пор патриархальное правосудие уступило новому, и в Черногории сразу выросло 5 судебных инстанций: 1) кмет, 2) капитанский суд, 3) окружной суд, 4) великий суд и 5) князь.

Так как этим судам не дано правильной организации и не установлена даже их компетенция, то каждое дело может разбираться в любом из судов по нескольку раз и, будучи решено даже князем, подлежит иногда рассмотрению *особой* комиссии, назначенной также князем! Результаты такого юридического хаоса получаются самые печальные. Народ приучился к сутяжничеству, а судебные порядки ведут его к разорению.

Законник Богишича был опубликован и торжественно введен в действие 25 марта 1888 г. Труд этот обогатил и прославил автора. В законнике 1031 статья. В нем нет ни семейного, ни наследственного права, ни постановлений об опеке. В законнике нет ни слова о судопроизводстве.

Этот труд, по словам очень сведущего лица, недостаточный, отрывочный, оказался совершенно почти бесполезным, за неимением под собою никакой почвы. Редко применяемый на практике князем, решающим обыкновенно дела по своему усмотрению или вдохновению, и не понимаемый безграмотными судьями, законник Богишича перестал быть *Законом*, а сделался только ширмою для прикрытия в некоторых случаях видом законности самых вопиющих несправедливостей.

Г. Богишич, получив за свой труд портфель черногорского министра юстиции и занимая этот пост 6 лет, пробыл за все это время не более 5–6 месяцев в Цетинье и управлял министерством из Парижа!

Между членами Великого суда нет ни одного юриста; персонал этой верховной судебной инстанции набран из родственников княгини и из оказавшихся непригодными администраторов, которые, не отличаясь дарованиями, не отличаются также и честностью.

Великий суд не пользуется никаким уважением в народе, и редкое дело, там решенное, не поступает на рассмотрение князя.

В Черногории две тюрьмы: в Цетинье и в Подгорице, обе находятся в таком ужасном виде, что вызывают только одно удивление – как могут жить в них человеческие существа!..

ОТНОШЕНИЯ ЧЕРНОГОРИИ К ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВАМ

К России

Отношения Черногории к России столь хорошо и обстоятельно известны императорскому министерству, что нет надобности в настоящей записке останавливаться на этом предмете.

К Австро-Венгрии

После окончательного присоединения Далмации к Австрии в 1815 г., Габсбургская монархия вошла в непосредственное соприкосновение с Черногориею. Соседство это не может быть ни полезно, ни выгодно для княжества как в политическом, так и в экономическом отношениях.

За все 35 лет только однажды Австрия вступилась за Черногорию и спасла ее от турецких неистовств. Зимой 1853 г. венский кабинет, желая предупредить наше заступничество, отправил в Константинополь графа Лейнингена с ультиматумом Порте, требуя немедленного отозвания войск Омер Паши из Черногории. Одновременно с отъездом австрийского чрезвычайного посла выехал в Константинополь и князь Меньшиков, который должен был, между прочим, предъявить Порте те же требования. Порта, как известно, поспешила уладить черногорский конфликт до приезда нашего посла.

Враждебное настроение черногорцев к Австрии началось тотчас же по присоединении к ней Далмации и Каттарской бухты. Здесь до сих пор не могут примириться с этою последнею уступкою, сделанною на Венском конгрессе в пользу Австрии. Попутно черногорцы вменяют и императору Александру 1-му в вину неоставление за ними Каттарской бухты. Некоторые из наших писателей и историков присоединяются к этому обвинению. Мне кажется, что они подкупаются невольным сожалением в пользу союзников наших в борьбе с Наполеоном.

Если принять в соображение, что Черногория в то время была не более как союз нескольких горских полудиких племен, союз 80–100 деревушек, без всякой прочной власти, то обладание для такой страны роскошною морскою бухтою, чуть ли не первую в мире, в соседстве с державами как Турция и Австрия, было бы не благодеянием для Черногории, а бременем и даже, вероятно, ее гибелью.

Если Черногории удалось геройски отстоять в течение нескольких веков сперва свою полунезависимость, а потом и независимость, то несомненно это произошло, главным образом, благодаря ее неприступным, голым, непронизываемым скалам, которые не привлекали к себе ни одного завоевателя.

Бокезцы в культурном отношении всегда стояли выше черногорцев, и потому весьма вероятно, что после самого непродолжительного пастушеского черногорского управления они бы постарались от него избавиться. Но если бы владыкам и удалось удержаться в Бокке силою, то не подлежит сомнению, что Австрия или Турция не заставили бы себя долго ждать и вступили бы в самую беспощадную войну с Черногориею, которая бы кончилась отнятием Бокки и, быть может, совершенным истреблением черногорцев.

С тех пор как Турецкая империя начала клониться к упадку и из ее провинций стали образовываться христианские государства, каждое из них поспешило наметить себе заранее земли из турецкого наследства, на которые можно будет предъявить свои права. Черногория надеялась получить при окончательном разделе соседнюю Герцеговину. Обе эти страны населены одним и тем же племенем. Язык, вера, нравы — одни и те же. Оба народа боролись зачастую вместе против общего врага — турок. Как ни тяжело жилось в Черногории, но в Герцеговине было еще хуже. Поэтому герцеговинцы предпочитали, конечно, черногорское правление турецкому.

Берлинский трактат разрушил эти надежды и вождения. Ни один черногорец не хочет примириться с действительностью и признать законным установленный в Берлине порядок вещей. На министра Каллая смотрят здесь как на самого злейшего врага Черногории. Вследствие принятых им со времени вступления своего в управление мер, сношения и связи между Герцеговиною и Черногориею все более и более ослабевают. Что герцеговинцы продолжают быть недовольны австрийским правлением — это не подлежит сомнению, но теперь рождается вопрос: захотят ли герцеговинцы опять слиться когда-нибудь с Черногориею?..

Третья причина черногорской вражды к Австрии — это ее намерение пробраться через земли Старой Сербии к Салоникам и захватить, если будет возможно, все побережье Адриатического моря, занять Албанию.

Если бы подобные австрийские планы когда-нибудь осуществились, то, очевидно, положение Черногории сделается совершенно нестерпимым. Княжество борется, насколько может и умеет, с распространением австрийского влияния между албанцами. Главари же албанские не отказываются ни от австрийских пособий, ни от черногорских бакшишей, и не рассуждая о будущем устройстве их родины, вполне довольствуются существующим турецким правлением или, вернее сказать, беспорядком и безначалием.

Говоря об отношениях Черногории к Австрии, нельзя не упомянуть о роли, которую играет в этом случае пресса. Ни в одном вопросе ни внешнем, ни внутреннем не высказывает австро-венгерская (немецкая и венгерская) печать такого единодушия, как когда дело идет о Черногории. Все решительно органы, не только венские или будапештские, но даже самые ничтожные провинциальные газеты, все враждебно относятся к Черногории и при малейшем удобном случае начинают против нее травлю.

Князь Николай весьма близко принимает к сердцу газетные уколы и теряет нередко самообладание, прочитав направленные против него статьи и корреспонденции. Будучи сам подвержен полемическому задору, он пишет или внушает ответы и возражения на австро-венгерские нападки, но, не располагая средствами, принужден печатать свои обличения в ничтожных, на сербском языке выходящих, газетах, с которыми ни один значительный журнал не вступает даже в полемику.

Положение князя по отношению к венскому кабинету несомненно трудное. Ему приходится иногда действовать, может быть, и против внутреннего убеждения и желания, для поддержания своей популярности *faire puor la galéie*. Но иногда он заходит в подобного рода действиях слишком далеко и должен потом за них расплачиваться. Вот

один пример: в 1897 г. во время пребывания здесь короля Александра Сербского пришли в Цетинье несколько сербских патриотов из Бокки. Прибытие их, конечно, не могло не быть известно австрийскому министру, который предупредил князя, что если он желает быть корректным по отношению к Австрии, то пусть скажет этим лицам, что они должны быть представлены королю австрийским министром; в противном же случае, добавил Кучинский, венский кабинет не оставит это дело без неприятных для Черногории последствий.

Князь не захотел следовать тому, как предлагал Кучинский, и решился его перехитрить. В саду у наследника был устроен музыкальный вечер, куда пришли все бокезцы, и король Александр подошел к ним с князем *как бы случайно* и вступил с ними в разговоры.

За эту "случайность" австрийское правительство прекратило выдачу 30 т. гульд. в год, выдававшихся под видом возмещения расходов на содержание шоссейных дорог в княжестве.

Что касается до экономических отношений, то, конечно, Австрия располагает всеми средствами благотворить Черногории или теснить ее. В прежнее время черногорцы ввозили в Далмацию беспошлинно кукурузу, скот и домашних птиц. В 1882 г. Австрия ввела у себя протекционистский тариф, и таможенные ставки на все предметы ввоза были значительно увеличены. Она не захотела сделать исключения для Черногории. Так как здешний скот мал и тощ, то ввозить его в Австрию при нынешней пошлине почти невозможно. За быка или корову приходится более платить в таможене, чем можно выручить за них денег на рынке. В Каттарской бухте всегда, однако, недостаток в скотине, и пригон ее из Далмации невыгоден, а потому пограничные бокезцы и черногорцы установили постоянный контрабандный сбыт скота. Австрийское правительство предлагало несколько лет тому назад княжеству заключить торговый договор и обещало сделать уступки по пограничному ввозу, но Черногория отклонила это предложение по двум соображениям: 1, она не хотела, чтобы в договор этот были включены Босния и Герцеговина для того, чтобы не было черногорской подписи на международном акте, в котором провинции эти признавались бы австрийскими; 2, какие бы уступки Австрия ни сделала, контрабанда для черногорцев во всяком случае приносит более выгоды.

Все цетинские, подгорицкие и никшичские крупные и мелкие торговцы выписывают исключительно почти товары из Триеста и Фиумэ. Торговля производится в долг. С тех пор как финансовый кризис здесь обострился, австрийским купцам приходится ждать уплаты денег по целым годам и добиваться уплаты судебным путем.

К Сербии

Черногория входила в состав эфемерного Сербского царства Душана, распавшегося после 16-тилетнего существования при первом его преемнике. Со времени покорения Сербских земель турками (1389), связь между черногорцами и сербами почти прервалась и возобновилась лишь в самое последнее время.

Князь Николай полагает, что дом его имеет более прав считать себя преемником Неманей, чем Обреновичи, и потому города Призрен, Ипек и Дьяково, игравшие когда-то значительную роль в сербской истории, должны достаться Петровичам. Он высказывает эти претензии в поэтических своих произведениях и заявил также королю Александру в одной из интимных с ним бесед в Цетинье в 1897 г., в которой они намеревались наметить будущий раздел Старой Сербии. Возбужденный спор за будущее обладание Призреном прекратил дальнейшие переговоры.

Довольно дружественные отношения существовали между князьями Николаем и Михаилом Обреновичем. Последнему удалось привлечь в 1866 г. юного тогда черногорского господаря к принятию участия в химерическом проекте освобождения Кроации (Хорватии. – В.Х.) и Далмации от Австрии и Боснии с Герцеговиною от Турции. По секретному трактату, заключенному Ристичем (от имени князя Михаила),

князем Николаем и епископом Штросмейером (!), Кроация должна была составить с Далмациею отдельное независимое государство, Сербия получала Боснию, а Черногория Герцеговину.

Князь Михаил крестил трех старших дочерей князя Николая, и, наконец, приступлено было к составлению секретного государственного акта, по которому князь Михаил за неимением детей и желая устранить от престола отдаленного своего родственника (Обреновича) Милана, назначал наследником своим князя Николая. Переговоры по этому предмету были поручены архимандриту Дучичу. Когда этот полномочный прибыл в Белград, то вместо проецированного акта ему предложили другую комбинацию. Князь Михаил должен был развестись с бесплодною женою своею, графиней Юлиею Гуниади, и жениться на вдове князя Даниила – княгине Дариньке. Приверженцы князя Николая поспешили сообщить ему об этом новом проекте, и Дучич, как неоправдавший доверия посланец, был навсегда изгнан из Черногории.

В 1883 г. старшая княжна черногорская Зорка вышла замуж за сербского претендента Петра Карагеоргиевича. В политическом отношении брак этот был большою ошибкою, а еще большею было дозволение, данное князю Петру, проживать в Цетинье. По счастью, в 1894 г. он покинул Черногорию и переселился в Женеву. Это обстоятельство дало возможность Новаковичу, а затем и Симичу сблизить короля Александра с князем Николаем, и позволило им посетить друг друга.

Лица, бывшие с князем в Белграде, уверяют, что энтузиазм, с которым сербский народ встречал его высочество, был вполне искренний и пламенный. Сербь, легко поддающиеся по своей впечатлительности несбыточным надеждам, готовы были видеть наступление для них каких-то счастливых событий. Приезд короля в Цетинье (1897) не носил уже этого характера. В конце же 1897 г., по водворении Милана в Белграде, братские отношения уступили место совершенно враждебным.

Князь Николай пользовался, несомненно, значительною популярностью в Далмации, в Кроации и в Сербском королевстве. Весьма возможно, что там существовала некоторая партия, которая желала бы его видеть королем. Не подлежит, с другой стороны, также сомнению, что князь преувеличивал и популярность свою, и число приверженцев.

Вряд ли сербы, привыкшие к конституционным порядкам, решились бы призвать к себе патриархального правителя черногорского. В последнее время, впрочем, вследствие газетных разоблачений здешних финансовых злоупотреблений, престиж его во всем Сербстве до того упал, что, кажется, и сам князь более не мечтает о возможности быть призванным в Белград. А когда сербы познакомятся с его сыновьями, то не будет более и речи о Петровичах в королевстве.

Фатальным образом Черная Гора и Сербия представляют из себя политический дуализм. Трудно и в будущем представить себе такие условия, при которых сербские земли соединились бы в одно государство. Сербский народ, как показывает вся его история, гораздо более способен к жизни разрозненной, общинной, чем к сплоченной государственной. Центробежные силы очевидно преобладают в политических инстинктах серба.

Настоящие отношения Черногории к Сербии сводятся к взаимному укрывательству политических эмигрантов и разного рода недовольных лиц, которым в Цетинье и Белграде оказывается не только гостеприимство, но и материальная поддержка. Виновными в этом нужно признать оба правительства.

К политической вражде добавилась в последнее время еще литературная. Сербский ученый, монах Руvaraц, издал историческое исследование под названием "Monte-négina", в котором старается доказать, что Черногория не жила независимою государственною жизнью до нынешнего века и что династия Петровичей правит страной всего лишь 50 лет с князя Даниила, а не с митрополита Даниила (200 лет). По этому поводу происходит ожесточенный спор.

Борьбою с турками обуславливалось существование Черногории. В этой борьбе были причины и цель ее бытия. В 1878 г. Черногория завершила свои подвиги. Настал конец 4-х вековой борьбы. В 1881 г. она вошла в свои настоящие пределы.

В 1883 г. первый раз со времени существования Черной Горы ее правитель отправился в Константинополь в гости к султану и был осыпан орденами и подарками. Через 16 лет князь Николай без особенной нужды отправился вторично на поклон к Абдул Хамиду.

Об установлении прочных и искренних отношений к Турции не может, конечно, быть и речи. Черногорцы не скрывают своих поползновений расшириться к востоку и югу за счет султановых владений и желали бы, чтобы эта счастливая минута наступила как можно скорее.

Как ни шатки исторические права Петровичей на наследство Неманей, но их можно еще принять во внимание ввиду того, что коренное население Старой Сербии то же, что и в Черногории, и жители этой дикой и забытой турецкой области невольно тяготеют к княжеству, тратящему последние гроши на поддержание связи с призренскими христианами. Но взоры и вождения князя не ограничиваются одними сербами. Они постоянно устремлены на соседнюю Албанию. Скутарский санджак по морской береговой линии до Дураццо намечен князем для Черногории. Ей, а никому другому, должны достаться богатые скутарийские поля. Воображение князя не останавливается ни перед трудностями захвата, ни перед еще большими трудностями управления страной, населенной фанатиками горцами, мусульманами и католиками.

Князь убежден, что льготы, дарованные им подгорицким и приморским мусульманам, сделали его имя популярным в Албании и что тамошнее население предпочтет черногорский образ правления всякому другому, после наиболее приятного ему турецкого. Князь постоянно озабочен, как бы привлечь к себе албанских главарей. Он приглашает их на цетинские празднества, дарит им оружие, беседует с ними, дает даже... денежные подарки! Скутарские власти не одобряют этих посещений, наказывают ходивших в Цетинье и угрожают им тюрьмою.

Самообольщение князя не мешает ему, однако, сознавать, что главный соперник его в Албании – Австрия – располагает большими и вернейшими средствами проложить себе путь в албанские дебри, чем Черногория или даже Италия, тоже не покинувшая еще своих претензий на эту страну.

Не делая никаких предсказаний о том, что готовит будущее для Албании и которому из трех на нее претендентов она достанется, здесь будет уместно только сказать, что для создания из нее самостоятельного независимого или даже полунезависимого государства, о чем мечтают итальянские албанцы-патриоты, не может быть и речи. В ней нет и не будет для этого необходимых внутренних элементов. Поэтому с окончанием турецкого владычества она неминуемо должна сделаться добычею когонибудь.

В последнее время австрийская политика на побережье Адриатического моря и в Албании сделала заметные успехи. Учреждено несколько новых консульств. Все пароходные общества, "Ллойд", "Адриа" и др., усиленно развивают свою деятельность. Австрийские агенты вступают в открытую борьбу с теми иностранными или местными элементами, которые оказывают противодействие их влиянию (смена призренского католического епископа Трокси по проискам австрийского вице-консула Рапопорта).

Князь Николай

Князю Николаю 59 лет. Он воплощает в себе, до известной степени, все достоинства и недостатки современного черногорца. Проведя детство среди негушских полей и несколько лет юности в школах Триеста и Парижа, он сохранил любовь к народу, знает отлично его нужды и потребности. Он умеет говорить с простыми

людьми, воодушевлять их, заставлять терпеть невзгоды и лишения в ожидании лучшего будущего. Без преувеличения можно сказать, что господарь знает *всех* своих подданных в лицо или по имени, осведомлен, кто из них зажиточен, кто беден, кто добронравен и кто дурен. Несомненно, что вся Черногория его любит, слушает и боится. Все свои надежды подданные его возлагают только на него, на его счастливую звезду. В последнее время суеверное обожание, которым он пользовался в народе, несколько умалилось; семейные торжества проходят уже без обычных здравниц за господаря. Всеобщее обеднение приписывают расточительности его семейства и его слабости и потворству.

Недостаток солидного образования и правильного воспитания проявляется, однако, в его жизни и общественной деятельности. Будучи очень доступен, он охотно принимает всех просителей и проводит целые часы, слушая рассказы словоохотливых черногорцев. Но он мало способен к усидчивому труду; не может сосредоточить своего внимания при продолжительном обсуждении новых законов, положений и пр. Вряд ли осилит он чтение какого-нибудь серьезного многотомного сочинения. В одном только случае князь проявляет терпение и трудолюбие – когда он поэтизирует. Все его драмы, поэмы, из коих некоторые имеют несомненные достоинства, грешат необыкновенною длиннотою. Известность, которою пользуются его литературные произведения, далеко его не удовлетворяет. Ему бы очень хотелось занимать первое место на сербском Парнасе. Слава его деда, владыки Петра II, ему неприятна.

Вероятно, от отца своего князь наследовал некоторые недостатки: хитрость, скрытность и умышленную неправдивость. Этими дурными свойствами отличается большинство черногорцев. Будучи словоохотлив, князь любит делать всевозможные обещания, им тотчас же забываемые, но запоминаемые его доверчивыми слушателями, которые считают себя потом огорченными и обиженными.

Не придавая часто настоящей цены своим просьбам или высказываемым желаниям, князь ставит иногда в весьма неприятное положение иностранных представителей, которые дают этим просьбам ход, и затем, когда они сообщают ответы их правительств, то князь удивленно их слушает.

Князь жалуется, но совершенно неосновательно, на то, что вблизи его нет ни одного умного, даровитого и правдивого помощника. Он окружен одними безгласными личностями. Виноват в этом он сам. Стремясь в долголетнее свое княжение развить все более и более единоличную волю и успев достигнуть этого, он действительно оказался окруженным лицами, старающимися только ему угождать и слепо исполняющими его желания. По его же вине лучшие здешние люди, как Божо Петрович и Симо Попович (министр просвещения), не принимают никакого деятельного участия в общих делах по управлению.

В этом случае не помог ему и печатно преподанный совет бывшим при нем французским доктором Фрилейем, который, заметив в князе неограниченное желание властвовать во всем (*désir immodéré de dominer en lout et sur tout*), цитирует ему в предостережение о советниках-льстецах Макиавели и Фенелона! К князю Николаю можно применить слова знаменитого Вука Караджича о князе Милоше: "Господарю хочется, чтобы никто (в Сербии) кроме него не имел ни заслуг, ни чести, ни почтения"... В настоящее время Цетинье представляет из себя плохительно гнездо самых мелких интриг, личных заискиваний и неблагоприятных подкапываний друг под друга...

Насколько князь властолюбив и деспотичен относительно своих подданных, настолько слаб и бессилен в семье, особенно с сыновьями.

Не решившись расстаться с ними и поместить их в учебные заведения в России или в Европе, он задумал воспитывать их при себе. Наставниками наследника были полковник Овсяной и швейцарец Пиге, наставниками князя Мирко – тот же Пиге и полковник Сумароков. Если долг правды обязывает сказать, что полковник Овсяной не обладал всеми необходимыми для педагога и преподавателя качествами, то относительно полковника Сумарокова и г. Пиге не может быть сомнения, что они

были совершенно на высоте их обязанностей. Но что же может сделать самый первоклассный преподаватель, когда 20-тилетний воспитанник на глазах своих родителей уделяет в течение 7 месяцев всего 12–15 часов времени на занятия с ним? Или когда тот же 20-тилетний юноша до того рассеян и мало прилежен, что не может припомнить правила деления простых чисел?!

Оба сына князя Николая не только ничего не знают, но даже и не желают ничего знать. Они буквально не умеют грамотно писать ни на одном известном им языке и не имеют решительно никаких фактических познаний. Как это ни невероятно, но, по свидетельству самих наставников, ни один из молодых князей не открыл по собственной охоте *ни одной книги*, а если случайно и взял книгу в руки, то не дочитал ее до конца. Несмотря на то, что преподавание многих предметов происходило по-русски, ни Данило, ни Мирко не могут ни правильно, ни даже свободно или бегло говорить по-русски.

Что касается до нравственных основ, то, судя по действиям наследника, можно заключить, что он не имеет о них ни малейшего понятия. Брат его находится на скользком пути о них забыть.

Вот какие поистине печальные результаты дала безрассудная любовь родителей к своим детям. Только подчиняясь этой любви, князь и княгиня не решились расстаться со своими сыновьями, а воспитывали их при себе, не обладая ни тот, ни другая никакими педагогическими способностями. Юноши росли в самой нездоровой атмосфере безграничного баловства родителей и рабской угодливости перед ними окружающих лиц.

Не только цетинские чиновники, но и простые черногорцы начинают страшиться наступления княжения Данилы II, странные и несимпатичные поступки которого все более и более становятся известны народу и приводят его в сомнение и страх. Появление молодой княгини не оказало до сих пор никакого благотворного влияния на характер ее супруга.

Трудно сказать определительно, видит ли отец недостатки своего сына, и заставляют ли они его печалиться. Кто бы и когда бы не заговорил с князем о действиях наследника, князь всегда является горячим и *наружно* убежденным его защитником.

Один сербский, весьма серьезный, сведущий и беспристрастный патриот в разговоре со мною сделал следующий очерк карьеры князя Николая:

"Ни одному из сербских правителей не выпадало такого счастья в жизни, как князю Николаю. Попав благодаря случайности в князья, он приобрел в короткое время любовь и доверие своего народа. Не обладая особенными военными талантами, он сумел прославиться как военачальник, расширив свое княжество и сделав его известным всему миру.

Имея 8 дочерей и рассчитывая выдать их за простых смертных, он неожиданно для себя вошел в родство с российским императорским домом, с королевскою итальянскою семьею. Значение и личное положение его росло с каждым годом. Имя его стало популярным во всем юго-славянстве. Наконец, государь и повелитель 130 миллионов громогласно провозглашает его верным и единственным другом могущественнейшего в мире государства! Кому из сербских королей или князей могло сниться такое небывалое счастье? Материальные благодеяния для Черногории продолжали идти своим чередом. Ее вооружили, устроили ее регулярное войско, воспитали ее юношество.

Скажу по правде, что удержаться князю Николаю на той высоте, до которой он достиг, было необычайно трудно.

Черногория, вступив в новую обстановку, требовала от князя и от всех его органов знаний, выдержки, энергии, подготовки и, наконец главное, *нравственных устоев*, которых у всех у них, полувоспитанных и выросших чуть не во времена гайдучества, в запасе не оказалось...

Бедная и обреченная на вечную бедность Черногория захотела зажить на широкую ногу. Начали тратить деньги на полезное (дороги, школы) и на бесполезное (дворец

наследника, поездки по Европе, приемы и пр.). Денег не оказалось. Приучились занимать и жить вечно в кредит. А когда иссяк и кредит, то прибегнули к недозволенным средствам... Это сделалось известным. Престиж и популярность князя сразу упали! Дай Бог, чтобы этот урок послужил ему на пользу!.."

Все это совершенно справедливо. Но я позволю себе еще, в заключение, привести мнение покойного И.С. Аксакова, который кратко и ясно указал, почему Черногория не может стремиться к несвойственной ей государственной обстановке. Вот что сказал известный русский публицист 30 лет тому назад (Полн. собр. соч. Т. 1. С. 56–57):

"Черногория никакой гражданской задачи, подлежащей другим обществам, не имеет и иметь не может. Никакая государственная форма не может иметь место в этой стране. Как государство Черногория бессильна. Она неодолима как боевой стан, как военная община. Как государство она мала и чересчур бедна и лишена способов для мирного гражданского существования. Как государство Черногория невольно сама в себе дает доступ требованиям, удовлетворение которых разорительно для страны, а неудовлетворение тягостно для народного самолюбия. Как военный стан она может сохранить простоту жизни и нравов, отсутствие притязаний на внешность, нередко жалких и недостойных"...

Эти немногие простые и как бы наскоро набросанные суждения полны глубокого смысла.

Замечательно, что ни один русский и ни один иностранный писатель, изучавший Черногорию, не уяснил себе так верно, как покойный Аксаков, истинного значения в истории югославянства этой маленькой, своеобразной, полудикой страны и не определил граничную черту, за которую ей не следует переходить, не рискуя утратить свое значение.

*АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482.
Д. 3352. 1906 г. Л. 9–48 об.*

© 1997 г. РОБИНСОН М.А., ДОСТАЛЬ М.Ю.

ЛЕКЦИЯ Е.Ф. ШМУРЛО "МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ"

Е.Ф. Шмурло (1854–1934), блестящий знаток русско-итальянских отношений, открывший для науки ценнейшие документальные источники итальянских архивов и архива Ватикана, в первую очередь Архив Конгрегации пропаганды веры, занимал среди русских историков-эмигрантов видное положение. Он был отмечен рядом итальянских научных учреждений, университетов и обществ. Он "доктор honoris causa Падуанского университета, почетный член Восточноевропейского института, пожизненный член Королевского Исторического общества в Венеции" [1. С. 54], первым возглавил в 1925 г. Русское историческое общество в Праге и направлял его работу более семи лет.

Предлагаемая нами к публикации лекция Е.Ф. Шмурло, прочитанная им в Риме в 1923 г. и озаглавленная "Москва – Третий Рим", на самом деле значительно превосходит по рассматриваемой проблематике объявленную тему. Свою задачу автор видел в широком сопоставлении явлений политической и культурной истории стран Западной Европы и России. Для него изначально очевидно, что "кардинальные линии исторического развития у Запада и русского Востока одни и те же". Шмурло развернул целую систему доказательств, долженствовавшую на конкретных примерах подтвердить его основной тезис. Все эти примеры нужны автору, на наш взгляд, для двух целей: во-первых, показать закономерность появления многозначной идеологической "фикции", в которой "нет ничего реального", но которая, тем не менее, "сильно довлела на факты *реальные*", во-вторых, без открытой полемики показать несостоятельность появившихся в это время евразийских концепций, отрывавших русскую историю и культуру от Европы (в 1920 г. в Софии была опубликована книга Н.С. Трубецкого "Европа и человечество", а в 1921 там же вышел евразийский сборник "Исход к Востоку"). Впоследствии Е.Ф. Шмурло пришлось принимать участие и в открытой полемике с евразийцами (см., например, [1. С. 50]).

Е.Ф. Шмурло пытался рассмотреть влияние названных "фигур" не только на формирование духовных и политических интересов русского народа, но и "на его психологию", на осознание им собственных "мировых задач". В другом месте своей лекции ученый употребил для обозначения этого комплекса термин *mentalità* (менталитет).

Прежде, чем подойти собственно к проблеме "Москва – Третий Рим", ученый предлагал десять тезисов, свидетельствовавших о единстве исторического процесса как на Западе Европы, так и на ее Востоке. Это и принадлежность к единому корню –

Робинсон Михаил Андреевич – канд. ист. наук, заведующий группой Института славяноведения и балканистики РАН.

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

"арийской расе"; очень близкое по форме влияние на народы Европы как античного наследия, так и христианства через Рим и Византию; общая принадлежность к "европейской цивилизации"; разное по силе, но единое по духу влияние некоторых римских правовых понятий, в частности, и особенно "представлений о властном монархе", толкование его предназначения. Общим для европейской традиции является и идущая от Рима "великая идея единой всемирной монархии". Подытоживая эту часть своих положений, Шмурло писал: "Итак, единство расы, одновременность появления и единство культурного наследия – вот та общая база, которая обусловила сходство кардинальных линий в истории России и Западной Европы".

Далее ученый полагал общими для стран Европы тенденции в развитии "государственности". Это и неразвитость "государственного начала": феодализм на Западе и удельный порядок в России; и почти одновременное возникновение единодержавных, единовластных монархий, которые затем приобретают форму самодержавных, и вся Европа приходит к эпохе абсолютизма, который, в свою очередь, в XVIII в. превращается в абсолютизм просвещенный.

Самым существенным аргументом в пользу единства европейской культуры Шмурло считал, хотя и с оговорками то, что "культурный Ренессанс был уделом также и России", но проявился он в направлении "главным образом, церковно-религиозном". К Ренессансу в России ученый относил прежде всего возникновение ересей: стригольников и жидовствующих, связанную с их деятельностью полемическую литературу; появление и борьбу нестяжателей за идеальную церковь, близкую заветам Христа; и, наконец, "замечательные достижения в области иконописного искусства". Шмурло повторял, вслед за известным искусствоведом П.П. Муратовым, его смелые сравнения русских иконописцев с итальянскими художниками предвозрождения и раннего Ренессанса. Одно из них – сравнение А. Рублева и Беато Анджелико (Фра Джованни да Фьезоле) стало в современной литературе очень популярным (С.С. Аверинцев).

Отметим также, что столь прямое отождествление проявлений Ренессанса и Реформации, которое допускал ученый, уже давно в науке не встречается. Более того, эти явления резко противопоставляются: "Оказалось, что гуманизм и Реформация – явления не только не родственные по своему содержанию, но радикально чуждые и враждебные друг другу" [2]. Поиски Возрождения в русской культуре остались тщетными, и даже теория о "Предвозрождении" в России (Д.С. Лихачев) дискуссионна.

Шмурло полагал, что именно духовная атмосфера, возникшая на Руси в результате явлений возрожденческо-реформационных, стала той почвой, на которой и зародилась теория "Москва – Третий Рим". Исследователь возводил ее генезис к появившейся еще во времена языческого Рима идее единой монархии, "единого вечного Рима". Он полагал, что с возникновением двух Римских империй: Рима и "второго Рима" (Константинополя), с собственным вариантом христианства у каждой, желание присвоить себе эту идею вело к острому соперничеству империй.

Важнейшим моментом во взгляде из России на Константинополь как на духовный центр, "второй Рим", явилась первая половина XV в. Флорентийская уния 1439 г. и завоевание Константинополя турками в 1453 г. полностью дискредитировали Константинополь в глазах "русского общественного мнения". Известие об унии, о том, что император и вселенский патриарх "впали в тяжкую, гнусную ересь" ... "поразило умы, как громом". Ученый справедливо призывал перенестись мысленно в эпоху описываемых событий, чтобы "понять все потрясающее значение совершившегося события". С гибелью "второго Рима" "еще не погибло православное царство, так как оно никогда не может погибнуть". Таким образом, как отмечал Шмурло, возникла настоятельная необходимость поиска нового народа и государства, которые могли бы "воплотить вечную истину", и именно русский народ и Московское княжество наиболее подходили на эту роль. Причем, складывалось это представление об особой роли Руси "на почве исключительно морально-религиозной: мотивы политические, какие выступали в соперничестве Рима с Константинополем, не играли тут никакой роли".

Исследователь рассмотрел ряд литературных сочинений, появившихся с конца XV до середины XVI в., со времен Ивана III до Ивана IV Грозного. Он полагал найти в них "живую иллюстрацию политических идеалов, какими жило в ту пору русское общество". Мы бы определили эти идеалы скорее как идеологические. В круг анализировавшихся им сочинений вошли "Сказание (у Шмурло "Повесть". – М.Р., М.Д.) о Вавилонском царстве", "Сказание о князьях Владимирских" и "Повесть о новгородском белом клобуке". По мнению Шмурло, "воображение народное и патристически настроенная мысль" легко преодолевали легендарную основу исторических сведений этих сочинений. В целом, в них повествовалось о перенесении царских регалий (инсигний) из Вавилона в Константинополь, потом в Киев к Владимиру Мономаху, затем ими венчались все владимирские князья, когда ставились "на великое княжение русское" [3]; рисовалась легендарная генеалогия, возводившая род Рюриковичей к императору Августу. На Руси же, после Рима и Константинополя, как в стране истинной веры и святости закончилось путешествие белого клобука, самим Богом предназначенного для наиболее достойного иерарха православной церкви.

В этом контексте Шмурло и рассматривает послания старца Филофея как наиболее яркое по форме, но уже подготовленное предшествующей литературой, формировавшей государственную идеологию, выражение "преемственности царской власти московских князей от византийских императоров и о Москве, как о Третьем Риме". Практическими выводами "изо всех этих сказаний и легенд, политических тезисов и пожеланий программного характера" были, по мнению Шмурло, два важнейших государственных акта: принятие Иваном Грозным в 1547 г. титула царя и учреждение на Руси в 1589 г. патриаршества. С этого времени "Россия стала святою Русью".

Заключительную часть лекции Шмурло посвятил тому, какие идея "Москва – Третий Рим" имела "логические и психологические отражения в дальнейшей жизни русского народа". Россия, по мнению ученого, став в положение хранительницы "христианской истины", была вынуждена взять на себя заботу об угнетенном православном населении Балкан и "Русской Польши". Подобное положение и возникшее стремление к определению "своего национального Я" привели к тому, что "особенность русской психологии" выразилась в стремлении "мерить себя и окружающих людей меркою религиозною". И, как отмечал Шмурло, именно эту роль России европейские политики, в частности папа Лев X в 1519 г., стремились использовать в сугубо политических интересах, в борьбе с турками, предлагая ей овладеть Константинополем на "законных" основаниях наследования. У южных славян появляются "пророчества" о том, что Царьград должны освободить русские. В итоге "оба вопроса, религиозный и политический, слились в один общий и проводились в жизнь неразрывно один от другого". Исследователь полагал, что в дальнейшем эти религиозно-политические цели в русском народном сознании превратились во всегда окрашенную в "религиозный цвет" альтруистическую славянскую идею, и идея эта прошла через всю историю России "и дожила вплоть до наших дней".

Таким образом, Шмурло рассматривал собственно идею "Москва – Третий Рим" в очень широком контексте, как идею религиозно-политическую, явившуюся одним из элементов государственной идеологии независимого Московского княжества, как одну из основ формировавшегося национального самосознания, как толчок к возникновению в будущем славянской идеи.

Более чем через 30 лет к этой же проблематике обратился представитель следующего поколения русских историков-эмигрантов Н.И. Ульянов. Его полемическое эссе "Комплекс Филофея" имело совершенно другие цели, оно было направлено против аналогий, проводившихся некоторыми публицистами-эмигрантами между "теорией" старца Филофея и послевоенной внешней политикой Советского Союза. Ульянов резко и совершенно справедливо упрекал своих оппонентов в неисторичности их подхода, в перенесении чисто политических представлений о "Третьем Риме", возникших в XIX в., в царствование Александра II, в русское средневековье, и приписывании подобных толкований Филофею [4. С. 156].

К настоящему времени проблематика "Москва – Третий Рим", включенная в программу Международного семинара исторических исследований "От Рима к Третьему Риму", достаточно хорошо разработана. В издании семинара помещена специальная статья Н.В. Сеницыной, название которой говорит само за себя «Итоги изучения концепции "Третьего Рима" и сборник "Идея Рима в Москве"». В статье особо выделяется как основная черта концепции Филофея исторический и эсхатологический характер его посланий [5].

Лекция Е.Ф. Шмурло была опубликована в 20-е годы только на итальянском языке [6]. Предлагаемый к публикации русский текст хранится в ГАРФ, фонд Р-5965, опись 1, дело 134, листы 1–21. Формы, в которых употреблены фамилии, а также система выделений в тексте принадлежат автору лекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.
2. Горфункель А.Х. Гуманизм – Реформация – контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 11.
3. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 431.
4. Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 156.
5. Сеницына Н.В. Итоги изучения концепции "Третьего Рима" и сборник "Идея Рима в Москве" // Римско-Константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 35.
6. Scmurlo E. Mosca – la terza Roma (una pagina della storia nazionale russa) // Russia. 1924. № 2. P. 97–113.

МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ

Комитет о помощи русской интеллигенции Solto glianspicidet и Институт Восточной Европы оказали мне честь, пригласив прочитать перед вами доклад (лекцию) на тему, близкую к проявлениям духовной жизни русского народа. С этой кафедры, по инициативе того же Комитета, вы уже имели случай слышать, как мои коллеги раскрывали перед вами душу современного русского человека, отмечая ту или иную черту его духовного склада, освещая ту или иную сторону его национального характера. Думаю, что я не особенно уклонюсь от линии нашей общей программы, если уведу вас сегодня несколько в прошлое и остановлю ваше внимание на явлениях, которые, по крайней мере в прежней своей форме, уже отжили свой век, перестали существовать и могут показаться вам стариной, далекой от современности. Но вы, конечно, знаете, что настоящее зачастую познается лишь при помощи прошлого и даже более: иногда это настоящее прямо невозможно понять и оценить, не зная хорошо прошлого, не зная тех корней, из которых оно выросло. К одному из таких явлений и принадлежит то, которое я обозначил выражением: "Москва – Третий Рим".

С первых же слов спешу предупредить вас, что "Москва – Третий Рим", есть не более как простая *фикция*, что в ней нет ничего реального; но зато в свое время эта фикция сильно довлекла на факты *реальные*, даже обусловила возникновение этих реальных фактов, определила направление духовных и политических интересов русского народа, наложила свой отпечаток на его психологию; помогла ему сознать себя большим народом с крупными мировыми задачами и даже поныне сказывается на его духовных интересах, на его симпатиях и антипатиях, играя немаловажную роль в выработке того, что обыкновенно называется нашим общественным долгом, нашим общественным благом.

Смею думать, что тема, ради которой я позволяю себе [просить] почтенное собрание уделить мне свое внимание, может, помимо всего, представляет для него

некоторый интерес и чисто с внешней стороны. Возможно, что вы скажете: «Что это за "Москва – Третий Рим"? Значит ли это, что наш великий Рим, Urbis aeterna, переносится, хотя бы только мысленно, с берегов Тибра в какие-то там отдаленные московские дебри, или эти самые дебри непростенно осмеливаются явиться сюда, под южное благодатное небо Италии. Что за странная, причудливая идея сопоставлять такие две крайности, чуть ли не два противоположных полюса и, вдобавок, еще находить между ними какое-то духовное родство?».

Позвольте начать с положения, которое едва ли можно серьезно оспаривать, но которое, несколько не удивлюсь тому, если в первую минуту вызовет возражение, или по крайней мере недоумение, – положения, которое сводится к тому, что между Востоком Европы, в частности между Россией, и Европой Западной, гораздо более точек соприкосновения, более общего, чем несходного. На первый взгляд, казалось бы, нет никакой надобности защищать эту мысль: но мы так привыкли смотреть на Россию, как на какой-то особый мир, у которого своя особая структура, своя особая mentalità, чуть [ли] не особые законы развития, так, говорю, привыкли к этому, что с трудом усваиваем мысль о том, что, в действительности, основные начала и направления жизни, кардинальные линии исторического развития у Запада и у русского Востока одни и те же. А если это так, то, согласитесь, именно в этом вся суть дела. Между тем эту "суть" мы часто забываем или попросту игнорируем и охотнее подчеркиваем разницу внешних форм, их неодинаковую окраску. Отличия, конечно, есть, но каковы бы они ни были сами по себе, это лишь простая деталь, которая не в силах стереть черты сходства. Постараюсь сейчас наглядно показать это.

В самом деле, весь русский народ принадлежит к той же арийской расе, как и его западноевропейские собратья; значит, и духовной материал, с каким мы и вы вышли на историческую арену после своего выделения из общегерманской массы, был более или менее одинаков, однороден. Далее, хотя славянские племена вышли на эту историческую арену несколько позже германских племен, но разница во времени не такая уж громадная, а, главное, она не имела существенного значения в виду того, что перед теми и другими открывалась совершенно одинаковая задача – сказать миру новое слово: и славяне и германцы, как мы знаем, выступили на смену Древнему миру, который в ту пору отживал свой век и уступил новым народам свое место.

Византия для русских была тем же, чем Рим для германцев: школой религиозной, правовой, литературной; там и здесь юному уму варвара импонировала необычная для него, блестящая, сильная духовным содержанием цивилизация; там и здесь грубая сила приучилась сознавать превосходство духовных начал; единство же веры – христианской –, воспринятой и германцами, и славянами на заре их политической жизни, еще более закрепило общность основ их духовной культуры.

Конечно, Византия не есть Рим, и Рим не есть Византия; конечно, христианство в его православной, восточной форме не есть христианство, усвоившее форму латинскую, католическую; однако это лишь детали, которые выступят еще нагляднее, если мы сравним европейскую цивилизацию с цивилизацией мусульманской, буддийской или иудейской: не даром в глазах мусульманина на Ближнем Востоке, например, в Аравии или в Персии, и православный, и католик, одинаково гяуры, т.е. неверные; не даром для народов Дальнего Востока, для японцев и китайцев, признаки славянина и германно-романца ступшевыаются, будучи заслонены общим им признаком человека европейского склада и культуры.

Не я, конечно, стану оспаривать того, что цивилизация Древнего мира была двусторонняя и что уже в силу одних географических условий для германских народов ближней была культура Древнего Рима, а для русского народа культура эллинизированная в том виде, как ее передала ему Византия; и все же эта двусторонность не в силах была стереть того общего характера, какой римский гений наложил повсюду, где только вздымались его государственные орлы. Работа Юстинианова сотрудника Трибониана оставила свой след в правовых понятиях и Запада, и Востока: и, конечно,

не на почве автономных городских общин Древней Эллады, не на примере азиатских деспотий, но из недр римского духа выросло и там, и здесь представление о властном монархе, который самодержавен лишь во имя блага общественного и закона, пользуется своею властью лишь при условии, если его действия согласованы с интересами его страны и народа.

Кроме того, тот же Рим оставил христианским народам в наследие великую идею *единой всемирной монархии*. Вы знаете, какое яркое выражение нашла эта идея в лице Карла Великого, в Оттонах Саксонской династии, в Гогенштауфенах, как импонировала она умам Западной Европы, давала тон всему средневековью... Но ведь тот же идеал, та же мысль о единой всемирной монархии служила жизненным нервом для Византии средних веков. Ведь там Юстиниан Великий, Лев Исавриан, Алексей Комнин одинаково видели в себе носителей этой грандиозной идеи и так же убежденно отстаивали свои права на нее! В XV веке, под ударами турок, Византия пала, но сама идея не умерла – она возродилась в виде нашей фикции – "Москва – Третий Рим".

Итак, единство расы, одновременность появления и единство культурного наследия – вот та общая база, которая обусловила сходство кардинальных линий в истории России и Западной Европы.

Всего нагляднее это можно проследить на примере развития государственности. Долгое время, в течение так называемых средних веков, государств, в том виде, как мы их знаем и понимаем теперь, еще не существовало ни на Западе, ни на Востоке; сила центростремительная, объединяющая пребывала еще в зародыше; преобладали силы центробежные, интересы не общие, а частные, фамильные, сословные, местные. Это *пора феодализма* на Западе, *удельного порядка* в России. При всех отличиях того и другого строя, оба они суть выражение сходного момента: неразвитости государственного начала. Государство с определенной территорией, с единой суверенною властью – их рано искать в ту пору и там, и здесь.

Но вот для европейских народов наступила пора возмужалости, и разбредшиеся во все стороны части спаялись цементом общегосударственных интересов. Старая одежда сменяется новою: вместо прежних феодалов и уделов возникают *единовластные монархии*. Людовик XI французский, Фердинанд Католик испанский, Генрих VII Тюдор в Англии, ваш Цезарь Борджиа не случайно оказались современниками московских князей Ивана III и Василия III: у тех и у других одни и те же задачи, и самый характер их личностей, приемы в достижении намеченных целей очень сходны по духу. Короче говоря, переход от средних веков к новым совершился и там, и здесь одновременно – это во-первых, во-вторых: его породили одни и те же причины.

То же и в дальнейшем. Лишь только прежний конгломерат отдельных единиц превратился в Европе в цельный и живой организм, и прежние феодалы и уделы стали *государствами*, тотчас же для них открылась, и для России и для Западного, арена широкой международной жизни, усилились торговые сношения, зародились политические коалиции и союзы, вопрос о сохранении политического равновесия стал одинаково животрепещущим и насущным там и здесь.

Из многих примеров я предложу лишь один. Вспомните поход французских королей в Италию в конце XV и в начале XVI столетия, тот энергичный отпор, какой дали им как сама Италия, так и Германия совместно с Испанией; и одновременно с этим остановите свое внимание на так называемом Балтийском вопросе, на той упорной вековой борьбе, какую вели Швеция, Польша и Россия за гегемонию на Балтийском море. Вспомните эти два факта, сопоставьте их между собой и вы легко поймете, что я хочу сказать этим сопоставлением: основы государственной и общественной жизни были одни и те же, как на Западе, так и в России.

Не стану утомлять Вашего внимания дальнейшими сопоставлениями – их можно было бы привести целые десятки. Я напому лишь, что всюду за превращением феодальных монархий в объединенные, единоедержавные наступает новая полоса: превращение этих единоедержавных монархий в *монархии самовластные, самодер-*

жавные, причем и в этом случае указанный процесс наблюдается одинаково и там, и здесь как явление неизбежное, органически необходимое. Абсолютизм XVI–XVII вв. явление общеевропейское. В Испании его культивируют Филипп II и его преемники; во Франции Генрих IV, Ришелье, Мазарини; в Пруссии великий курфюрст; в России – Иван III, Василий III, Иван Грозный, царь Алексей, второй из династии Романовых. Наконец, столетием позже абсолютизм переживает новую стадию: прежние его формы, резкие и грубые, коробят людей XVIII века, и он, продолжая оставаться самим собою, превращается в *абсолютизм просвещенный*. И здесь опять, наряду с Фридрихом II прусским, германским императором Иосифом II, Густавом III шведским, Станиславом Августом польским, – в этом царственном круге, основой которому служат в полной гармонии с ним такие государственные деятели как Струэнзе в Дании, Шуазель во Франции, Тавугги в Неаполе, Аранда в Испании, Помбаль в Португалии, – среди этого блестящего сонма выдающихся личностей, создавших блестящую эпоху, ярко выделяется величественная фигура русской императрицы Екатерины II, этой "Семирамиды Севера", как называли ее современники. Вокруг Екатерины группируются граф Панин, Бецкий, княгиня Дашкова и целая плеяда других выдающихся сотрудников, родственников ей по духу и направлению.

Что же все это значит? Это значит, что политический и духовный рост русского народа проходил те же стадии и что русское общество XVIII века, в лице лучших своих представителей, воспитывалось на тех же началах, как и в современном ему обществе Западной Европы.

Впрочем, довольно аналогий. Хочется надеяться, что я достаточно выяснил вам основную свою мысль и что после этих разъяснений я смелее могу выставить один тезис, который мне давно уже хочется предложить вам, но о котором я опасаясь заикаться, предварительно не расчистив ему дороги, так как иначе он, чего доброго, мог бы показаться вам слишком уж еретическим и неприемлемым. А заключается мой тезис в следующем.

Культурный Ренессанс, который Западная Европа, начиная с Италии, переживала в XV и в начале XVI столетий, – *этот культурный Ренессанс был уделом также и России*. Пусть он проявился там значительно в более слабой степени, – дело не в количественных размерах. В данном случае для нас важно то, что и в России, именно в двух наиболее культурных тогдашних ее центрах, в Новгороде и в Москве (не говоря о Киеве, который жил тогда оторванной от остальной России жизнью), в это время замечается тоже сильный духовный подъем, зарождаются новые умственные течения на почве неудовлетворенности, возникают вопросы, делаются попытки приподнять таинственную завесу. Прежняя вера в безусловное преклонение перед авторитетом и здесь сменилась критикой, сомнением в истинности старых устоев жизни, потребностью пересмотреть их, подвергнуть переоценке, причем самая переоценка эта велась, как и на Западе, в направлении главным образом церковно-религиозном. Говорю так потому, что если здесь Виклеф, Гус, Лютер расшатывают устои старой католической церкви, то в Московской Руси первые критические стрелы были направлены тоже на церковь.

Я говорю о явлениях в первой половине XV века так называемой ереси стригольников, а несколько позже, в конце XV века, ереси жидовствующих; говорю о замечательной литературе, что возникла на почве споров и борьбы с этими ересями; говорю о сознанный потребности пересмотреть свой наличный богословско-литературный багаж – забота о полном переводе Библии. Наконец, я имею в виду замечательные достижения в области иконописного искусства: как раз в эту пору русская живопись достигла высокой степени развития, как это доказывают новейшие открытия и изыскания. Художник Рублев, основавший целую школу, своею нежною кистью и манерой письма напоминал нам своего современника Фра Беато Анджелико, а другой крупный художник, Дионисий, по духу близкий к Джотто, поражает нас "глубокою продуманностью своих произведений, великолепно выполненным ансамблем, изяществом удлиненных пропорций" (Муратов).

Аналогию с культурным Ренессансом Запада можно провести и далее: умственное движение в России, о котором я говорю, хотя и велось под флагом церковным, по существу, однако, было гораздо шире, потому что вторгалось, кроме церкви, также и в сферу государственной и общественной жизни. Будущие теории об отношении светской власти в России к духовной, о правах русского монарха на своих подданных, о положении России как государства, в ряду других государств, – все это в зародыше намечается уже в это время. Возбуждение такого, казалось бы, чисто церковного вопроса, как вопрос, имеет ли церковь право владеть церковным имуществом, земельными богатствами, а вместе с ними и теми людьми, что живут на этих землях, или, наоборот, она, в лице духовенства, должна отрешиться от "мира" и его соблазнов, не думать ни о чем другом, как о спасении своей души, – вопрос этот, несмотря на свой "церковный" характер – всякий легко поймет это, – был громадной политической и государственной важности. Излишне напоминать, что и здесь, на Западе, реформа церкви существенно затронула вопросы чисто мирские, и трудно, например, сказать, кем был более Джироламо Савонароли: церковным деятелем или мирским, ставил он своей задачей реформу церкви или общества?

Конечно, реформационное движение на Западе было много ярче: реформа глубже захватила современное ей общество, проинккло в более широкие слои, пустила здесь более прочные корни, наконец, она длилась по времени дольше, а потому и могла оказаться результатом значительно более важным, так как круто повернула колесо жизни европейских народов; тем не менее аналогия остается в силе: *характер* русского движения был тот же; *причина* его подобия: недовольство существующим, сознание его недостатков, сознание потребности исправить их, заменить лучшим, более совершенным.

Я считаю необходимым остановиться на этом *русском Ренессансе*, так как он стоит в тесной связи с указанной фикцией "Москва – Третий Рим" и если прямо не создал ее, то в значительной степени повлиял на образование той духовной атмосферы, в которой зародилась, сложилась и окрепла эта фикция.

Мне нет надобности напоминать вам, как возникла и выросла грандиозная идея Вечного Рима, *Urbs aeterna*. Долгие годы существования древнеримской империи, которая покрыла своей славою чуть не весь тогдашний мир – *orbis terrarum*–; грандиозная работа длинного ряда поколений, которые поработили народы силою не только оружия, но и духовного превосходства, – все это воспитало людей императорской эпохи в убеждении, что вне пределов Рима не может быть настоящей жизни, что империя на этом свете может существовать только одна, а мировым центром ее должен быть исключительно город Рим, *вечный* город. Он вечен не потому, что начало его скрывается в тумане седой старины, а потому, что он несет и хранит в себе идею вечности. Существовали последовательно три всемирных монархий: Вавилонская, Персидская и Македонская; все они пали, ни одна не удержалась; на смену им пришла теперь монархия Римская – она будет последней, потому что другой, более совершенной, нет и не может быть. Вот почему город Рим *вечен*: конца ему никогда не настанет. Эта горделивая идея *единой*, вечной, неумирающей империи сложилась еще в языческую пору и получила новую точку опоры в христианстве. Христианство само проповедовало *единую* религию; эта религия исключала все остальные, подобно тому, как языческий Рим исключал все другие империи.

Таким образом, христианство, подкапываясь под Римскую империю, расшатывало лишь *языческие* ее элементы, сущность же ее *государственности* нисколько не тронуло; наоборот, в идею единого, вечного Рима оно вдохнуло новые, свежие силы, закрепило, спаяло ее и в обновленной форме *Священной* Римской империи передало народам, пришедшим на смену старым римлянам.

Но этой обновленной идее на первых же порах нанесен был тяжелый удар; столица с берегов Тибра была перенесена Константином Великим на берега Босфора. Казалось бы, что тут такого особенного? Раньше центр политической и духовной

жизни находился там, теперь он стал здесь – какой же это ущерб идее *единства*? На берегах Тибра, однако, мыслили об этом иначе. В перенесении столицы там видели незаконный захват чужого добра, посягательство на права, добытые ценою упорного труда и вековых усилий. Ведь Константинополь, становясь столицей государства, притязал на положение *второго* Рима, духовно возвысился над ним! Какой-то провинциальный городишко осмеливался оспаривать первенство великого града и хоронить его, еще живого и жизнеспособного!

Напрасно Константинополь, с своей стороны, указывал на глубокое падение старого Рима, на эти "обломки разбитого сосуда", как он презрительно выражался, на его бессилие противостоять варварам, на отсутствие там носителя верховной светской власти; напрасно он утверждал, что "сосуд", хранящий идею вечного миродержавия, может пребывать и не в Риме, не исключительно на итальянских берегах, а и в другом месте, что персонифицировать эту великую идею могут и другие люди, лишь бы они оказались способны хранить и носить ее... Напрасно! Старый Рим упорно отказывался уступить свое первенство и торопился на деле доказать свою живучесть.

На почве этого соперничества возникают две Римские империи, одинаково "священные": Западная и Восточная. Раздвоение почувствовалось еще сильнее и уже бесповоротно, когда к расколу политическому прибавился раскол церковный, когда греческий Восток, православный, противопоставил себя латинскому Западу, католическому. Кроме двух *империй* появились еще и две *церкви*. Каждая из них признает единственно себя истинной и законной, каждая доказывает, что именно она обладает правом олицетворять то начало единого, которое было так дорого той и другой. Обе церкви обмениваются взаимными проклятиями, отлучением; светская власть действует в том же духе. На Карла Великого в Византии смотрят как на бунтовщика, дерзкого узурпатора, ни за Оттонами, ни за Гогенштауфенами не признают права на императорскую корону. Германо-романский мир, в свою очередь, платит тою же монетою.

Россия, как известно, воспитывалась под византийским углом зрения; покорная дочь константинопольского патриарха, она и в византийском императоре видела верховного блюстителя общественной правды, и потому удивительно ли, если Константинополь, царственный город, *Царьград*, стал в глазах русских людей, действительно, *Вторым Римом*, центром мира, *сосудом* вселенской истины и правды?..

Но, подобно тому, как авторитет Рима оказался непрочным и потерял свою силу в глазах восточной, эллинизированной половины великой империи, так и духовному обаянию Византии настал в России в половине XV в. печальный конец. Дело и на этот раз сводилось к *перенесению столицы*, к ниспровержению старых богов. Оказалось, что и "второй" Рим пережил самого себя, что и он не более как "обломок разбитого сосуда" и потому перестал годиться для выполнения предназначенной ему высокой миссии. Как сложилась такая психология? На почве исключительно морально-религиозной; мотивы политические, какие выступали в соперничестве Рима с Константинополем, не играли тут никакой роли.

Такой резкий поворот русского общественного мнения по отношению к Византии вызван был двумя крупными историческими фактами: Флорентийскою церковною унией 1439 года и завоеванием Константинополя турками в 1453 г. Оба эти события не прошли бесследно и в жизни Западной Европы, но в сознании русского народа они отразились в совершенно ином ракурсе, получили совершенно иное освещение, чем здесь.

Впечатление, произведенное в России Флорентийскою униєю, можно сравнить с впечатлением от бомбы, неожиданно разорвавшейся в обстановке мирной тишины и покоя. Мы знаем, что именно побудило греческого императора и константинопольского патриарха пойти на соглашение с Римской церковью: мотивы исключительно политические, а именно: сознание полной невозможности собственными силами отстоять остатки империи от натиска турок; расчет на вооруженную помощь западных государей и на авторитет Римского папы. На унию шли с болью в сердце,

видя в ней неизбежное зло: дело шло о спасении государства, а утопающий хватается за соломинку. Соломинки, разумеется, спасти никогда не могут, а расчет императора Иоанна, как известно, оказался ошибочным: практических результатов уния не дала, помощь грекам католический Запад не оказал никакой; между тем последствия моральные были громадны и притом в высшей степени пагубны. В самой Греции уния поселила тяжелый разлад; в значительной части греческого духовенства и во всей массе народной она встретила живейший отпор.

Не лучше обстояло дело и в России. Не забывайте, что для русского народа, исповедовавшего православную веру, принятие католических догм равносильно было отступлению от истинной веры. И вот до Москвы доходит потрясающее известие: благочестивый император и вселенский патриарх – как раз те, каму и хранить бы больше всего истинную веру, – впали в тяжкую, гнусную ересь: признали над собою первенство папы и приняли ненавистное *filioque!*..

Известие об этом поразило умы как громом. Надо мысленно перенестись в ту эпоху, чтобы понять все потрясающее значение совершившегося события. Чем большим авторитетом у русского народа пользовалась Византийская церковь, чем устойчивее, казалось, было ее обаяние, тем сильнее ошеломила дошедшая до Москвы весть о состоявшемся соглашении. Те, на кого полагались, как на незыблемую твердыню и оплот православия, – они же неожиданно и оказались вероотступниками! Смущение было полное и авторитет Греческой церкви безвозвратно подорван.

Последующие события не только не изменили, но еще сильнее укрепили русское общество в справедливости его разочарования в греках: 14 лет спустя после Флорентийской унии турецкий султан Магомет II торжественно въезжал во главе победоносного войска в ворота Константинополя. С этой минуты православный Царьград становится Стамбулом, а св. София – нечестивой мечетью. Вместо христианского Креста над поруганным храмом благочестия заблестал мусульманский полумесяц. "Второй Рим" был низвергнут и на престоле византийском, вместо защитника православия, воссел враг Христов.

Падение Греческой империи получало характер Божией кары. Действительно, могли иначе Господь попустить нечестивых агарян овладеть Константинополем, этим священным "сосудом" вековечной истины? Очевидно, город и страна погибли за свои грехи.

Но если "второй Рим" погиб, то с ним еще не погибло православное царство, так как оно никогда не может погибнуть. Из-за того, что сосуд разбит, еще не следует, чтоб иссякло и его содержание, так как истина, хранимая в этом сосуде, бессмертна. Господь Бог мог пропустить неверных покорить греков, но Он никогда не допустит стереть с лица земли истинную веру и дать восторжествовать над нею латинянам или злым агарянам. Правая вера – вечная, неумирающая; иссякнет она – тогда и миру наступит конец. Но мир пока еще существует, и потому разбитый сосуд необходимо заменить новым, чтобы воплотить вечную истину и снова дать его внешние формы существования.

Но где искать этого нового сосуда? Кто окажется достойным нести почетное знамя защитника и предостоятеля православия? Прежде всего это должен быть, разумеется, народ православный. Кто же именно? Не сербы же, не болгары, только что согнувшиеся под ярмом мусульманским? Нет, эту задачу может выполнить один только русский народ! За ним не только право непоколебимой чистой веры, но и право государственной мощи.

В наше время такое самомнение и самоуверенность могут, пожалуй, вызвать улыбку, показаться смешными; не следует, однако, забывать, что в ту пору, то есть в конце XV и первой половине XVI века, русские люди имели известное основание горделиво смотреть на себя. Как раз в ту пору для них начинался новый период истории, стали открываться новые горизонты, почувствовался прилив свежих, непотчатых сил. Вчерашнее, такое жалкое и мизерное, сменилось настоящим, обещающим блестящее будущее. Сломлено монгольское иго, тяготевшее над Русской землей два с

половиною века; нет более надобности унижаться перед татарами и платить им оскорбительную дань; удельные раздоры и бессилие сменились грозным самодержавием Москвы. Уже давно московский князь перестал звать себя "стольником" византийского императора, заменив это прозвище другими, более лестными названиями "сродника" или "брата".

Брак Ивана III с Софиею Палеолог, племянницей последнего греческого императора Константина XI, в эпоху, когда брачные узы сплошь и рядом определяли политическое положение и роль брачующегося государя, вручал московскому князю права на наследие павшей Византии, торжественно освящал их. Оставалось сделать еще один шаг – оправдать теоретически новое положение, и оправдания были найдены в легендах и сказаниях, сложившихся в это время. Начало их было положено еще в конце XV века, в княжение Ивана III, а окончательную обработку они получили в половине XVI века при Иване Грозном. Позвольте несколько остановиться на этих сказаниях – мы найдем в них живую иллюстрацию политических идеалов, какими жило в ту пору русское общество.

Согласно этим легендам, русские государи происходили от царской крови и были потомками никого иного, как римского императора Августа: брат Августа, по имени Прус, поселился в нынешней Пруссии, а один из прямых потомков Пруса, Рюрик, был первый русский князь, основавший Русское государство.

Согласно двум другим легендам, давшим содержание двум литературным произведениям, так называемой "Повести о Вавилонском царстве" и "Сказанию о князьях Владимирских", греческий император Лев послал трех благочестивых мужей, грека, абхаца и русина, в город Вавилон. Вавилон в ту пору был город заброшенный; его охраняли змеи. С большими трудностями и приключениями сказочного характера три мужа проникли в город, пришли в царскую сокровищницу и там, в особой палате, нашли два царских венца; их некогда носил царь Навуходоносор и его царица; при венцах лежала грамота, гласившая, что "ныне" венцы эти будут на голове греческого царя Льва и его царицы. В другой палате оказалась шкатулка из сердолика с царской порфирой и скипетром внутри. Все эти вещи были доставлены императору Льву, который, таким образом, явился наследником вавилонских царей.

Но эти царские инсигнии недолго оставались в греческих руках. Один из преемников Льва на византийском престоле, император Константин Мономах, отправил их своему родственнику, знаменитому киевскому князю Владимиру, прозванному тоже Мономахом, в знак "большого самодержавства великие России". Митрополит Эфесский, специально для этого посланный, повез их в Киев, короновал там Владимира царским венцом, и с тех пор, замечает легенда, "царским венцом венчаются все великие князья, когда становятся на великое княжение русское".

В действительности, конечно, ничего подобного не было. Император Константин Мономах уже по одному тому не мог отправлять названных инсигний, что сам он умер, когда киевскому князю было всего два года от роду: но воображение народное и патриотически настроенная мысль легко справляется с такого рода затруднениями и свое *желание* превращает в историческую действительность.

Производя русских *государей* от римских императоров и царей библейских, народная фантазия ищет и для русской *церкви* столь же почетного происхождения – ищет и, конечно, находит. Латинскому Риму есть основания гордиться своими апостолами Петром и Павлом, считать их главными и старшими; в России есть свой зиждитель православия – апостол Андрей. Недаром он именуется *Первозванным*. Согласно преданию, он обходил страны скифские и водрузил крест на горах киевских, наглядно показав этим жестом, что здесь впоследствии воссияет благодать Божия. Мало того. Принятие христианства от апостола Андрея делает Россию самостоятельную в церковном отношении не только от Римского папы, но и от самих грехов, потому что прежде чем Владимир Великий принял в X веке от них христианскую веру и крестил свой народ, эта вера уже была провозвещена русскому народу.

В том же духе работала русская народная мысль, создавая легенду о так назы-

ваемом Великом Клобуке. Незадолго до своей смерти император Константин Великий пожаловал Римскому папе Сильвестру, как главе христианского благочестия, Белый Клобук для ношения. Как раз перед этим Сильвестр вылечил Константина, страдавшего глазами, вернул ему зрение и, кроме того, крестил его, обратив из язычников в ревностного христианина. Таким образом, дар императора являлся выражением благодарности за излечение от слепоты физической и духовной. Впоследствии, однако, латиняне отступили от православия, преемники Сильвестра перестали носить Белый Клобук и, надругаясь над ним, хотели бы отослать его в чужую землю; но ангел Божий явился в ночном видении к папе и, грозя ему страшною казнию, запретил делать это и повелел отослать клобук константинопольскому патриарху, что тот и исполнил. В то же время тот же ангел явился и к патриарху с подобным же приказанием: присланный из Рима клобук переправить в Россию, в Новгород, чтобы местный архиепископ носил его. Истинная вера, – пояснил ангел, – славится ныне в Новгороде, в Риме же она уже погибла, погибнет, по гордости людской, и в Константинополе от руки агарян, но воссияет в третьем Риме – в Русской земле. С тех пор новгородские архиепископы стали носить на голове белый клобук, а не черный, как остальные епископы в России. Легенда эта сложилась в городе Новгороде на почве стремления создать местной церкви иерархическую независимость: позже, когда Новгород потерял свою политическую независимость и подчинился Москве, легенда была приурочена к московским митрополитам и они стали тоже носить головной убор белый, а не черный, как раньше.

Так постепенно и незаметно складывалась и созрела мысль о том, что если пал второй Рим, то на место его возник Третий Рим. Еще в 1492 г., или, как тогда считали, принимая за эру сотворение мира, в 7000 году, на рубеже восьмой тысячи лет, московский митрополит Зосима провозглашал: "Ныне Господь Бог прославил нашего великого князя Ивана III, *нового царя Константина новому граду Константину – Москве, и всей Русской земли и иным многим многим землям государя*".

Еще в более яркой форме высказывает эту мысль о преемственности царской власти московских князей от византийских императоров и о Москве как о Третьем Риме старец Филофей в своих посланиях к сыну Ивана III, великому князю Василию III и к некоему дьяку Мунехину: "Первые два Рима, – говорил он, – погибли, третий не погибнет, а четвертому никогда не бывать. Ныне одно только православное царство стоит – московское; во всем Поднебесьи наш государь остался единственным христианским царем, он один держит бразды святых престолов вселенской церкви, которая нынче, вместо римской и константинопольской, светится ярче солнца в богоспасенном граде Москве". "Ведай, благочестивый царь, – обращается Филофей к Василию III, – все царства православной христианской веры сошлись в твоём едином царстве: один ты во всей Поднебесной царь для христанства. Царство свое подобает тебе держать со страхом Божиим; бойся Бога, который дал тебе его".

Изо всех этих сказаний и легенд, политических тезисов и пожеланий программного характера оставалось одно: сделать соответствующий практический вывод. Иван Грозный, действительно, и сделал его: в 1547 году он венчался короной и официально принял титул царя, ставший с тех пор навсегда неотъемлемой принадлежностью русских государей. А 42 года спустя, в 1589 г., при сыне Ивана, Федоре, этот шаг получил окончательное завершение в утверждении патриаршества: русская церковь, к тому времени и без того фактически вполне независимая от константинопольского патриарха, стала *de jure* автокефальной и притом во имя тех же начал, которые дали царю Ивану основание возложить на себя царский венец. Константинопольский патриарх Иеремия, приехавший в Москву на поставление митрополита Иова в московские патриархи, в речи своей, обращенной к царю Федору, говорил ему: "Ветхий Рим погиб от ереси; второй Рим, Константинополь, находится в руках безбожных агарян; твое же, великий государь, Русское царство – *третий Рим*, – все другие царства превзошло своим благочестием, и ты единственный во всей вселенной есть истинно христианский государь".

Названными двумя актами – принятием московскими князьями царского титула и образованием автокефальной русской церкви – "Третий Рим" из простой теории стал реальным фактом. Взгляд на Москву как на "Третий Рим", получил государственное значение, и русская столица стала называться "богохранимым, проименитым царствующим градом, Третьим Римом, благочестием цветущим". Россия стала святою Русью, а приведенные выше слова Филофея из его посланий переписывались в сборники и дословно вошли в текст официальной грамоты об учреждении патриаршества, – лучшее доказательство того, как глубоко проникли эти мысли не только в умы современников, но и в официальные сферы.

Я подхожу к концу своей беседы. Я ознакомил вас с атмосферой, в какой находилась и которою питалась идея "Москва – третий Рим"; с той почвою, на которой она выросла; ознакомил затем с содержанием этой идеи – теперь мне остается бегло наметить ее логические и психологические отражения в дальнейшей жизни русского народа.

Nobless oblige (положение обязывает – *М.Р., М.Д.*), говорит французская поговорка. Заняв в собственных глазах такое высокое место в подлунном мире, видя в себе хранительницу христианской Истины в ее нетронутой чистоте, став в положение духовного центра православно-христианского мира, Москва, тем самым, очевидно, принимала на себя обязанность оберегать эту истину от искажения, энергично защищать ее в тех случаях, когда это оказалось бы необходимым. Все это заранее определило ее международное положение: кто исповедовал православную веру – те были ее сторонники, друзья, кто отвергал ее – становились в ряды ее врагов. Если бы еще эти "враги" не затрагивали православия, держали себя пассивно... Между тем греки, сербы, болгары, то есть все православное население Балканского полуострова, страдало в ту пору под гнетом мусульман, а население Русской Польши (так называемые области с чисто русским населением, входившие в состав тогдашнего Польшко-Литовского государства), население тоже православное, вдобавок еще единокровное, как раз в это время подвергалось энергичному натиску незуитской пропаганды и насильно обращалось в унию.

Эти чисто внешние обстоятельства привели к тому, что разница между православием и неправославием стала чувствоваться в Москве особенно остро и болезненно. Русский народ по своему географическому положению напоминал одинокий православный остров, окруженный враждебными морями: языческим, мусульманским, католическим, – разве могло это не отразиться на его мирозерцании? Для любой народности, на известной ступени ее развития, наступает потребность в определении своего национального Я, своего духовного облика, и обыкновенно каждая из них выбирает для этого свой особый критерий. Древние греки делили мир на эллинов и варваров – на тех, кто причастен той высокой культуре, какую выработала древняя Эллада, и тех, кто еще не дорос до нее, кому она была чужда, непонятна, кто жил *по-варварски*. Мерилом для древнего римлянина служила принадлежность к созданному им *правовому строю*: мир он делил на *cives Romani* и на всех остальных, *не-cives*. Точно так же и для русского человека род людской делился на православных и неправославных, на "Святую Русь" и на "немцев" и "бусурман", лишенных той божественной благодати, которая составляет удел исключительно этой "Святой Руси".

Эта особенность русской психологии – мерить себя и окружающих людей меркою религиозною – повторилась в истории Европы еще один раз – в Испании. Восемь веков напряженной борьбы с варварами-мусульманами, борьбы столь же за родную землю, сколько и за родную веру, выработали там особенную чуткость и понимание того, что было католическим и не католическим. Национальное чувство неразрывно слилось у испанца с чувством религиозным, и понятия "испанец" и "католик" стали для него тождественными.

Ближайшим последствием указанной психологии было то, что на весь православный мир русский человек смотрел как на свой, родной и близкий: все, исповедовавшие

православную веру, были его духовными братьями, членами одной большой семьи, а так как в данном случае эти "братья" находились под чужим игом, страдали от него, то Москва, только что выросшая в сильную, независимую монархию, становилась единственной их покровительницей и защитницей. Религия тесно переплелась с политикой и не всегда было легко определить, которому из этих двух факторов принадлежит, в каждом отдельном случае, преобладающая роль. Тесная связь их была тем прочнее, что единоверцы (если выделить греков) были в то же время и единоплеменники. В Русской Польше жили люди одной крови, лишь оторванные от родного ствола и общей семьи силою внешних обстоятельств; сербы и болгары были тоже близкие по крови, те же славяне, что и сами русские.

Это обстоятельство в значительной степени содействовало тому, что вопрос первоначально исключительно религиозный слился с вопросом политическим: охрана православия явилась одновременно поддержкою единоверцев в их усилиях сохранить, кроме веры, также и свою национальность. Конечно, объединение Святой Руси под эгидою московских князей все равно рано или поздно поставило бы на очередь вопрос о воссоединении с Москвой русских областей, принадлежавших Литве и Польше, но теперь это чисто политическое дело стало особенно животрепещущим, получило особенную жизнеспособность. Точно также и на Балканском полуострове, защищая православных сербов и болгар, защищали не только веру, но их славянство, к которому русский народ, как сам народ славянский, не мог остаться безразличным.

Так, с одной стороны, определились отношения России к Польше, долженствовавшие неизбежно, рано или поздно, привести к роковой схватке, а с другой стороны, было положено начало пресловутому *Восточному* вопросу, который и донныне еще ждет своего окончательного решения.

Приходит ли вам на мысль в эту минуту, что в развитии этого Восточного вопроса – в его специально русской окраске и притом в первоначальной его стадии – известную роль сыграла Италия, именно Святой престол и Венеция? Дело в том, что если в глазах московских государей торжество турок на Балканском полуострове являлось угрозой православию, но ведь не меньшую опасность представляли из себя турки и для католической церкви, для политических и экономических интересов Венеции на Ближнем Востоке! На этой почве, как известно, возникла так называемая Антиоттоманская лига, с папою во главе, – союз европейских держав, непосредственно заинтересованных в создании преграды наступательному движению турок; и совершенно естественно, что Святой престол и Венецианская республика, привлекая в эту лигу Германию с Польшею, не оставили без внимания и схизматическую Москву: она ведь тоже могла оказать немаловажную услугу общему делу.

Какой же притягательный мотив могли они выставить московским государям? Конечно, не мотив религиозный: судьба *католической* церкви Москву нисколько не трогала; но вот политическая роль России на Европейском Востоке – это другое дело! И Рим уже в конце XV века рисует Москве заманчивую программу, смелость и широта которой могла, пожалуй, испугать в ту пору даже ее самое: папа призывает московских государей стать на место византийских императоров как *законных* их наследников и овладеть Константинополем. С такими словами, например, обращается Лев X в 1519 году к великому князю Василию III, и мысль эта повторяется в разные годы и позже.

Характерно, что на Византию, как возможную и законную добычу, указывал московским царям не один католический Запад: само православное население балканского полуострова втайне лелеет надежду на их помощь, превращает свою надежду в твердую уверенность. Уверенность эта находит себе выражение в современной литературе, в разного рода пророчествах, рисующих Россию как будущую освободительницу от ненавистного ига. "Наступит время, – утверждают эти пророчества, – когда род русских [нрзб.], придя из полунощных стран, покорит семихолмный Царьград". В этих *русских*, благодаря созвучию, русский читатель признал указания на *русский* народ, а в *полунощной стране* – московскую Русь. Все эти обстоятельства склады-

вались так, что оба вопроса, религиозный и политический, слились в один общий и проводились в жизнь нераздельно один от другого. Россия с незапамятных времен продвигалась к Черному и Азовскому морям – это стало для нее исторической задачей, священным заветом предков: еще на заре русской истории мы видим, как первые русские князья бороздят своими ладьями волны Евксинского Понта, стараются утвердиться то в устьях Дуная, то на берегах Крыма, смело проникают в Босфор, подходя к стенам самого Константинополя. Но когда поток азиатских кочевников залил Приазовские и причерноморские степи, то он надолго отрезал русских людей от южного моря и загородил им туда дорогу. Отвести этот поток в другое русло, вообще обезвредить его, расчистить путь и открыть русскому земледельцу [доступ] к тучным черноземным полям этих степей и в то же время пробить себе с юга выход в Европу стало задачей и предметом напряженных усилий и упорного труда целого ряда поколений русских людей.

Задача эта – если угодно, назовем ее личной, экономической – обыкновенно проводилась в жизнь под знаменем альтруистическим: помощи единоверным славянам и грекам. Было бы, однако, большой ошибкой видеть в этом какое-либо лицемерие: для народного ума славянская идея, альтруистическая, потому что окрашенная в религиозный цвет, всегда была понятнее и ближе политическим целям, гораздо более говорила чувству и воображению. Политики, люди государственные, самое большее, лишь пользовались ею в своих целях. Эта славянская идея прошла через всю историю России последних веков и дожила вплоть до наших дней. Конечно, цели политические в наше время осознаны гораздо более отчетливо; необходимость свободного пути через турецкие проливы бьет в глаза и с каждым поколением становится все более и более труизмом, но отнюдь не умерла и идея славянства. Разве не она, и именно только она, не позволила России 9 лет назад остаться равнодушной к ультиматуму, что предъявила Австрия Сербии, и заставила ее поднять оружие на защиту братского народа? Разве не она...

Впрочем, это уже входит в область современной политики, а я хотел бы держать почтенное собрание исключительно в области прошлого; и если на минуту я остановлюсь на современности, то и в области вопроса, ничего общего с политикой не имеющего. *Bel gesto die nostro Comitato*, наше присутствие в этом зале, моя лекция, то внимание, какое вам было угодно оказать ей – все это лишний раз свидетельствует о том, что те духовные связи, которые существуют между Италией и Россией, связи, начало которых возможно относить еще к XI веку, связи, особенно ярко проявившиеся в XV и XVI веках, не говоря уже про времена более близкие к вам, что те духовные нити, что связывают нас с вами, – они не порвались и остаются такими же прочными, как и раньше. Позвольте же мне, сходя с этой кафедры, высказать горячее пожелание, чтобы эти связи не порывались никогда и крепили бы из года в год на благо обоих великих народов.

© 1997 г. БАРАН Х., ДУШЕЧКИНА Е.В.*

ПИСЬМА П.Г. БОГАТЫРЕВА Р.О. ЯКОБСОНУ

Возрастающий в последние годы интерес к истории славистики (см., напр.: [1–4]) привел к целому ряду публикаций эпистолярного наследия ученых (напр.: [5–7]). Привлекла к себе внимание и переписка крупного фольклориста, члена Пражского лингвистического кружка П.Г. Богатырева: недавно были опубликованы его письма М.К. Азадовскому [8] и Д.К. Зеленину [9–10], а в журнале "Славяноведение" представлен солидный корпус его переписки с Р.О. Якобсоном (за 1956–1970 гг.) [11]. Последняя публикация, сделанная на основе материалов, извлеченных из фонда Богатырева в Архиве РАН, включает восемнадцать писем и телеграмм Якобсона, семь ответных писем Богатырева, а также копию письма Якобсона, адресованного известному лингвисту Н.Ф. Яковлеву. Письма П.Г. Богатырева печатаются по сохранившимся в архиве РАН копиям. Однако, феномен "разрозненных архивов", с которым часто сталкиваются исследователи русской культуры XX столетия, проявился и в данном случае. По той простой причине, что Богатырев, далеко не всегда пользовавшийся пишущей машинкой, часто не оставлял себе копию отправленного текста, значительная часть его писем Якобсону оказалась вне поля зрения публикаторов (М.Ю. Досталь и М.А. Робинсона). Отсутствующие материалы были обнаружены нами в фонде Р.О. Якобсона, хранящемся в Массачусетском технологическом институте¹. Включение их в единый ряд с уже опубликованными текстами пополнит новыми сведениями историю славистики конца 1950-х–начала 1970-х годов, а также обогатит наши представления о научных и дружеских отношениях между разлученными на долгие годы Якобсоном и Богатыревым².

В марте-апреле 1939 г., после входа немецких войск на территорию Чехословакии, Якобсону и его жене Сватаве, числившимся в списках гестапо, удастся выехать в Данию. В сентябре они перебираются в Норвегию, а в апреле 1940 г., после нацистского вторжения, находят убежище в Швеции. Оттуда в июне 1941 г. они окончательно переезжают в США, где Якобсон становится видным деятелем нью-йоркской научной и художественной эмиграции. Начинается новый этап его творческой биографии. Первое время он преподает в основанной беженцами-учеными из Европы – *École Libre des Hautes Études* (1942–1946), потом в Колумбийском университете (1943–1949), где сначала он был профессором лингвистики, а потом стал

* Баран Хенрик – профессор, университет штата Нью-Йорк, г. Олбани.

Душечкина Елена Владимировна – д-р филол. наук, профессор филологического факультета СПбГУ.

¹ Manuscript Collection (MC) 72. Box 40. Folder 21. Документы 1–21, а также некоторые другие процитированные ниже тексты печатаются с разрешения архива (Institute Archives and Special Collections) Massachusetts Institute of Technology и Фонда Якобсона (The Roman Jakobson and Krystyna Pomorska Jakobson Foundation). Письмо № 22 печатается с разрешения Е.А. Суриц.

² О научном сотрудничестве Богатырева и Якобсона см. [12].

во главе новосозданного чехословацкого отдела на славянской кафедре. В 1949 г. он принял приглашение Гарвардского университета занять должность профессора славянских языков и литератур (Samuel Hazard Cross Professor of Slavic Languages and Literatures), а с 1957 г. его преподавательская и научная деятельность протекает также и в стенах Массачусетского Технологического института, где ему присваивают высшее профессорское звание (Institute Professor). После ухода на пенсию во второй половине 60-х годов Якобсон продолжает читать лекции и доклады в разных университетах мира, активнейшим образом участвует в международной научной жизни и создает множество новых научных трудов.

Совершенно иначе сложилась судьба Богатырева. Еще в начале 1930-х годов его жена Тамара с маленьким сыном Костей уехали из Чехословакии (где Богатыревы жили с 1921 г.) в СССР. Сам Богатырев, упомянутый в "деле славистов" как один из руководителей "заграничного русского фашистского центра" [3], вернулся в Москву лишь в конце 1939 г. На первых порах он был сотрудником Литературного музея, потом заведующим кафедрой и профессором МИФЛИ, а с 1942 по 1952 г. заведовал кафедрой фольклора МГУ. С 1943 по 1948 г. он параллельно руководил сектором фольклора в Институте этнографии. В 1947 г., когда развертывается кампания против фольклористов (после доклада А.А. Фадеева на XI пленуме Правления Союза писателей), положение Богатырева сильно осложняется. "Литературная газета" публикует статью с резкой критикой составленной им вузовской программы по курсу русского фольклора [13]. В феврале 1948 г. Богатырев и В.Я. Пропп были подвергнуты публичному разгрому на открытых заседаниях в Институте этнографии [14–15]. Богатырев обвиняется в том, что "в теоретическом плане его взгляды" "соприкасаются со взглядами наиболее реакционной, наиболее активной из современных зарубежных буржуазных школ" [15. С. 162] – функциональной школой Б. Малиновского. Несмотря на поддержку некоторых сотрудников (прежде всего, Э.В. Померанцевой) ученого выгоняют из Института, а несколько позже и из МГУ. Он остается без работы. К счастью, Воронежский университет предоставляет ему возможность преподавать чешский язык и ряд других предметов. Там он работает до 1959 г., параллельно читая лекции в Литературном институте (с 1952 до 1954 г.) и постоянно путешествуя по маршруту Москва–Воронеж. Некоторая нормализация быта и научной работы начинается только с конца 1950-х годов. В 1958 г. Богатырева принимают в Институт мировой литературы на должность старшего научного сотрудника, откуда однако он был уволен в 1963 г. И только в 1964 г., благодаря содействию Н.К. Гудзия, он вновь становится профессором МГУ.

Но самым тяжелым переживанием этих лет был арест сына. К.П. Богатырев, после демобилизации поступивший в Московский университет, в начале 1951 г. был арестован по обвинению в терроризме и приговорен к высшей мере наказания. Полтора месяца он проводит в камере смертников пока вынесенный приговор не был заменен двадцатипятилетним сроком. Он вернулся из лагеря в марте 1956 г.³

Немаловажным (и пока малоизученным) аспектом послевоенной деятельности Якобсона являются его попытки восстановить прерванные связи, помочь друзьям и коллегам в Чехословакии и в других странах Европы. Разумеется, в эти годы какие-либо контакты с советскими учеными были невозможны. О трудном положении Богатырева он мог судить лишь по материалам советской прессы и несомненно понимал, во что могли вылиться обвинения в следовании методу "империалиста" Б. Малиновского⁴.

³ О жизни и творчестве К.П. Богатырева см. вышедший после его гибели в 1976 г. сборник [16].

⁴ Отрезанным от Богатырева оказался и его старший брат Дмитрий, от которого Якобсон в начале 1948 г. получил следующее письмо:

«Многоуважаемый Роман Осипович!

Узнал сегодня от проф. Горелка (так! – *Х.Б., Е.Д.*) Ваш адрес и решил Вам написать. В декабре 1945 г. я покинул Подкарпатскую Русь со всей семьей. Теперь я устроился в магазине "Советская книга". Заведую детальным (так! – *Х.Б., Е.Д.*) магазином. Предприятие это чешское, Советы продали свой магазин чешской

Вскоре после смерти Сталина, в изменившейся международной обстановке, между Востоком и Западом начинается восстановление научных и культурных отношений, в том числе и в области славистики. В ноябре 1954 г. в восточном Берлине встречаются слависты обеих Германий и ряда других стран. В первых числах сентября 1955 г. проводится конференция в Риме (Colloque d'études slaves), организованная Commission internationale de études slaves (председатель – А. Мазон), а с 15 по 21 сентября в Белграде работает Международная конференция славистов [17]. Белградской научной встрече придается особый статус, так как она рассматривалась как своего рода продолжение (или замена) несостоявшегося в сентябре 1939 г. в том же Белграде Третьего Международного съезда славистов. Важной частью этой конференции стали доклады, посвященные развитию славистики в разных странах после 1945 г. [18]. Там же был учрежден Международный комитет славистов, который принял на себя обязанности по организации будущих съездов, составлению международной библиографии по славистике, обмену изданиями и т.п. Следующий Международный съезд славистов было решено провести в 1958 г. в Москве (где первоначально он и планировался, сначала на 1947 г., а потом на 1948 г.).

На белградской конференции Якобсон и профессор Калифорнийского университета в Беркли В. Ледницкий входят в Международный комитет славистов как представители от США.

В апреле 1956 г. Якобсон получает приглашение приехать в Москву на организационное заседание Комитета славистов. Это событие, первое в истории российской эмиграции в послевоенные годы, представителем советского посольства в США было истолковано как шаг к нормализации отношений с другими государствами, к культурному сближению [19–20]. Но среди близких и коллег ученого оно вызывает далеко неоднозначную реакцию. Младший брат Якобсона Сергей (историк, руководитель славянского отдела Библиотеки Конгресса) шлет ему крайне эмоциональное письмо:

19 апреля 1956 г.

Дорогой Роман:

Я в ярости! Только что прочел в газете "Вашингтон Пост" перепечатанную из "Нью-Йорк Геральд Трибьюн" заметку о якобы переданном тебе приглашении посетить Советский Союз с лекциями. Если это на самом деле так, то это один из

фирме. Бросил я все свое достояние и на старости лет оказался опять в Праге, так как в 1920 г. Но теперь устроился сравнительно хорошо. С Петром начал переписываться, когда Подк[арпатскую] Русь заняли русские войска. Писал мне, что живет хорошо, Костя был призван во время войны в войско и возвратился офицером. Теперь с ним не переписываюсь, не желаю ему делать неприятностей. Читал в "Литературной газете" критику на его программу по этнографии. Нашли, что плохо знаком с докладом Жданова. Не знаю, как он теперь себя чувствует после этой критики. У них там жить и работать тяжело. Нужно следить за тем, какое направление в верхах.

Если хотите, то могу Вас снабжать всей новейшей литературой, журналами и газетами. Вы взамен можете вместо денег посылать пакеты с провизией. Прилагаю Вам объявление одной фирмы в Нью-Йорке, которая посылает пакеты. Кроме советских изданий могу Вам выслать и старые пражские издания "Пламя" и другие. Также могу Вам выслать и все чешские издания. Если Вас интересует, то могу посылать Вам каталоги новинок советских и других книг, находящихся у меня на складе.

Жена у меня преподает русский язык в гимназии, один сын кончает строительное отделение, а младший на пятом семестре химического отделения. Буду очень рад получить от Вас известия, как Вы поживаете, тогда Вам напишу более подробное письмо о своем прежнем житье. Я думаю, что Вы с Петром тоже не переписываетесь.

Всего наилучшего

Уважающий Вас
Ваш Богатырев».

(МС 72. Box 40. Folder 21).

шагов, предпринимаемых ныне гангстерами из Москвы с целью разоружения свободного мира в политическом, военном и духовном плане.

Очень надеюсь, что ты не будешь столь слеп, чтобы серьезно обдумывать саму возможность принятия этого позорного приглашения, которое сделало бы тебя жертвой советской пропаганды. Ответ им резким отказом, которого они и заслуживают, и не позорь себя. Считаю своим долгом предупредить тебя против этого безумия.

Сергей⁵.

Но Якобсон все-таки летит в Москву. Вскоре после возвращения в Штаты он пишет Богатыреву: "Поездка меня глубоко взбудоражила. Потрясла преемственность, сила чувства, постоянство в людях. Никогда не ощущал себя до такой степени русским и московским уроженцем" [11. С. 72]. С этого визита и начинается новый этап отношений Якобсона как с Богатыревым, так и с другими учеными из Советского Союза.

Развитие этих отношений протекало в напряженной международной обстановке, вызванной советской интервенцией в Венгрии. Второе заседание Международного комитета славистов было намечено провести в Праге в январе 1957 г. Между тем, группа скандинавских славистов в знак протеста отказалась участвовать в нем; к ней присоединился ряд западноевропейских и американских ученых. В. Ледницкий в письме Якобсону от 11 января 1957 г. поставил вопрос о перенесении места проведения съезда из Москвы на более нейтральную территорию⁶, вскоре он, а за ним Г.П. Струве и другие члены кафедры славистики в Беркли заявляют о своем отказе участвовать в подготовительной работе к съезду.

Переписка зимы-весны 1957 г. свидетельствует об острой дискуссии, развернувшейся между западными учеными по поводу предстоящего съезда. Так например, ученик Якобсона В. Эрлих (в то время сотрудник кафедры славистики университета штата Вашингтон) заявляет о необходимости поддержать инициативу европейских славистов, возникшую "в традиционно нейтральной Швеции"⁷. В ответ на письмо Якобсона, пытавшегося склонить его к участию в съезде, Эрлих следующим образом формулирует свою позицию:

«Я глубоко убежден, что в Москве не будет *свободы обсуждения* (здесь и далее в подлиннике подчеркнуто. – Х.Б., Е.Д.) тех острых вопросов, которые связаны с современными славянскими литературами, критикой и литературоведением и которые меня интересуют прежде всего. Не верю, в частности, что включенный в список вопросов съезда пункт, "в чем состоят национальные особенности социалистического реализма славянских литератур" (this piece of intellectual obscenity) получит достойное обсуждение как до, так и во время съезда. В принципе, не вижу причин, препятствующих западному участнику откровенно высказывать свое мнение о таких понятиях как социалистический реализм, типичность и т.п. Но боюсь, что подобная честность со стороны конъюнктурщиков может спровоцировать только брань, а настоящих ученых поставит в крайне неловкое положение. Иными словами "культурное сотрудничество", в том виде, в каком оно может осуществиться в Москве, скорее зажмет рот западным участникам, нежели придаст смелости восточным»⁸.

Резкую позицию по вопросу о месте проведения съезда занял Г.П. Струве. В язвительном письме Якобсону он заявляет, что с самого начала считал проведение съезда в Москве большой ошибкой, а поддержку американским правительством политики "диалога" с советской общественностью выгодной только советской стороне:

«Неестественность каких бы то ни было отношений с учеными из-за железного занавеса, – пишет он, – иллюстрирует тот факт, что редакторы сборника статей

⁵ МС 72. Box 1. Folder 81. Подлинник по-английски.

⁶ МС 72. Box 4. Folder 69.

⁷ Письмо от 14 февраля 1957 г. МС 72. Box 4. Folder 69.

⁸ Письмо от 11 марта 1957 г. МС 72. Box 4. Folder 70. Подлинник по-английски.

в Вашу честь сочли разумным и целесообразным не включать в него мою работу – и вовсе не по научной причине, но из боязни скомпрометировать некоторых участников из стран советского блока (и не из-за моей фамилии, а из-за характера предложенной мною статьи). Возможно, что я сделал ошибку, когда уступил им и забрал статью, но мне никому не хотелось повредить [...]

Я согласен, что после смерти Сталина в советском литературоведении произошли некоторые изменения, однако суть их заключается лишь в восстановлении элементарной честности и приличия по отношению как к Западу, так и к прошлому советской литературы. Все это не более чем возвращение к 30-м годам после абсурдных эксцессов ждановщины [...] Но я бы не поехал в Москву ни в 1933, ни в 1934 гг. Кроме того, эти перемены есть только результат изменений в политике советского правительства и потому в любой момент могут быть аннулированы. Советские ученые уже не обязаны восхвалять Сталина, но тем не менее почти в каждой статье даже такого человека как Виноградов мы находим ссылку на "незыблемые принципы марксизма-ленинизма". Безоговорочно можно уважать только отдельных советских ученых. Я внимательно слежу за "Литературной газетой" и литературными журналами и считаю знаменательным, что в "Литературной газете" недавно появилась редакционная статья о партийности как ведущем принципе советской литературы [...] Смешна даже сама мысль о том, что на московском съезде возможна дискуссия по проблемам социалистического реализма [...]»⁹.

Особенно резкую реакцию участие Яковсона в подготовке съезда вызывает у В. Набокова, который отказывается от дальнейшего сотрудничества с ученым в работе над американским изданием "Слова о полку Игореве" и запрещает ему использовать в преподавании свой перевод этого памятника: "Откровенно говоря, – пишет он Яковсону 14 апреля 1957 г., – меня коробят Ваши заезды в тоталитарные страны, даже если они и вызваны чисто научными соображениями" [21. С. 216 – Подлинник по-английски].

И все же Яковсон, глубоко убежденный в том, что "международная наука должна быть свободна от любых политических Rücksichter"¹⁰, участвует в январском заседании Комитета и продолжает работу над формированием американской делегации. При этом, в письме, посланном группе американских коллег, он даже позволил себе сослаться на высказанное в частной беседе мнение сотрудника госдепартамента о необходимости участия в съезде американских ученых, что вызвало у его оппонентов удивление и даже насмешку.

Чем же определялась позиция Яковсона, толкавшая его на конфликт с некоторыми из своих коллег? Можно предположить, что определенную роль в этом вопросе сыграла тяга к России, желание продолжить недавно возобновленные дружеские и научные контакты. Однако, учитывая организационную деятельность Яковсона в сфере науки на протяжении десятилетий, начинаешь понимать, что вопрос о московском съезде был для него действительно принципиальным. Съезды славистов и другие международные встречи ученых рассматривались им как один из важнейших стимулов научного процесса в Восточной Европе¹¹. Такие встречи содействовали укреплению позиций структурной лингвистики, восстановлению стиховедения и поэтики, развитию структурно-семиотических исследований в литературоведении и в других дисциплинах гуманитарного цикла. Яковсон отказывается быть просто наблюдателем советской и восточноевропейской научной жизни – он стремится принять в ней активное участие и поддерживать друзей и коллег, судьбы которых его всегда глубоко волновали. "Обо всех моих любимейших друзьях и научных собратях непрерывно думаю..." – пишет он в 1978 г. Вяч.Вс. Иванову¹².

⁹ Письмо от 10 марта 1957 г. МС 72. Вох 4. Folder 70. Подлинник по-английски.

¹⁰ Письмо к М. Фасмеру, 2 марта 1957 г. МС 72. Вох 4. Folder 70.

¹¹ Заметим, что в 1930-е годы Пражский лингвистический кружок в борьбе за структурную фонологию использовал международные научные контакты аналогичным образом.

¹² Архив Вяч.Вс. Иванова.

Для настоящей публикации из материалов семьи Богатыревых в архиве Jakobson отобраны четырнадцать писем, две открытки и пять телеграмм, датированных летом 1956 г.—сентябрем 1971 г. Они представлены здесь в хронологическом порядке. Все эти тексты, кроме № 20 (телеграмма о смерти Богатырева) и № 21 (письмо Т.Ю. Богатыревой о его последних днях, смерти и похоронах) написаны самим ученым; ряд писем содержит приписки Т.Ю., К.П. и С.И. Богатыревых, которые также публикуются. Два текста печатаются с небольшими купюрами.

В публикацию М.А. Робинсона и М.Ю. Досталь вошло семь писем Богатырева [11, №№ 8, 14, 17, 20, 22, 25, 27], из которых одно [№ 8] мы повторяем полностью, поскольку наш текст содержит конец, несколько мелких исправлений и точную датировку, отсутствующие в предшествующей публикации. Приводятся не вошедшие в [11] некоторые приписки и ряд исправлений:

В конце письма от 28 января 1965 г. [11. № 14]: «P.S. По возможности сообщите точные данные о выходе (год, номер) в "Slovo a slovesnost" твоей статьи о песне "Дорота"»¹³.

В письме от 11 февраля 1966 г. [11. № 20]:

В предложении "У меня со статьями..." в опубликованной копии читаем "в сборнике", в оригинале исправлено — "в сборниках".

В предложении "Проф[ессора] Бэла Гунди не видел..." должно быть: "Гунда".

Предложение по копии "Жду с нетерпением том твоих сочинений" в оригинале исправлено — "Жду с нетерпением том фольклористических твоих сочинений".

В конце приписано: «12/II P.S. Только что получили "La poésie russe" [22]¹⁴. Большое, большое спасибо за прекрасный подарок! Все мы очень обрадовались. Тамара».

В письме [11. № 27] рукой Богатырева исправлена дата на 27 ноября 1970 г. и сделана приписка: "Дмитрий Сергеевич Лихачев избран академиком".

Текст письма Богатырева, датированного октябрем 1966 г. [11. № 25] в архиве Jakobson отсутствует. Отметим, что кроме представленных ниже материалов в архиве Jakobson хранятся также письма К.П. Богатырева, которого Jakobson знал еще ребенком и с которым у него были самые теплые отношения¹⁵.

Публикация завершается текстом письма Jakobson от 17 сентября 1971 г., в ответ на сообщение о смерти Богатырева. Письмо это было любезно предоставлено в наше распоряжение Е.А. Суриц, которой хотим выразить искреннюю благодарность¹⁶.

Тексты писем печатаются с сохранением некоторых особенностей орфографии; везде раскрываются сокращения; исправления мелких опечаток не оговариваются. Некоторые письма датируются по содержанию; предполагаемая дата помещена в квадратные скобки. Ссылки на труды Jakobson даются в тексте и примечаниях (в квадратных скобках) по новейшей библиографии его работ [23] и по "Selected Writings" [24]¹⁷; в отдельных случаях отмечено наличие данной работы в одном из русских сборников Jakobson. Работы Богатырева, а также упоминаемые во вступлении и документах книги и статьи других авторов, снабжены порядковым номером (в квадратных скобках), отсылающим к списку литературы. Необходимые научные и биографические сведения приводятся в примечаниях; общеизвестные имена не комментируются.

Подчеркнутые в письмах слова и выражения в публикации выделены курсивом.

¹³ Ошибка Богатырева; статья Jakobson была напечатана в пражской газете "Lidové noviny" [23. 1939i].

¹⁴ В этой двуязычной антологии русской поэзии опубликована статья Jakobson [23. 1965g; 24. V].

¹⁵ Откликом Jakobson на смерть К.П. Богатырева стала мемуарная заметка "С первых до последних дней" [16. С. 239–240; 23. 1982h].

¹⁶ За помощь, оказанную при подготовке этой публикации хотим также поблагодарить А.Ф. Белоусова, С.И. Богатыреву, Т. Гланца, Вяч.Вс. Иванова, О.М. Малевича, С.Ю. Неклюдова, С. Руди, Н.В. Самсонову, П. Серию, С.П. Сорокину.

¹⁷ Ниже упоминаются: [24. I] Phonological Studies. 1962 (первое издание), 1971 (второе, расширенное издание); [24. IV]. Slavic Epic Studies. 1966; [24. VII]. Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics and Philology. 1972–1982. 1985.

Дорогой Роман!

Твое письмо от 11 июля 1956 г. получили. "В порядке лирического отступления", как сказал Владимир Владимирович Маяковский Илье Зданевичу¹⁹, твоё письмо всех нас растрогало почти до слез. Твой приезд произвел на всех видевших тебя большое впечатление. Очарован тобой Дувакин, который присутствовал в секторе Маяковского Института Мировой Литературы и книгу которого "Маяковский в Росте" мы переслали²⁰. Разговоры продолжались о тебе и после твоего отъезда. Елизавета Николаевна Елеонская²¹ ругала меня последними словами (которые допустимы в дамском лексиконе) за то, что я не известил ее о твоём приезде. Она хотела послушать тебя хотя бы в Университете или в Академии, где ты делал доклады. Очень жалел, что не повидал тебя Виктор Максимович Жирмунский²². Ему рассказывали, что ты всех покорил. Из всех бывших на московском совещании ему больше всех хотелось бы повидать тебя. Викт[ор] Максим[ович] недавно ездил в Берлин на заседание сессии германистов Германской Академии Наук: он ведь избран членом-корреспондентом этой Академии. Мечтает о твоём приезде после второй (пражской) сессии Международного славистического съезда. Вскоре после получения твоего письма получил из Лейдена книгу *Fundamentals of Language* [23. 1956a; 24. I, II] с приложением "Moutoniana"²³ № 1, 1955. Затем пришла большая кипа книг и отписок, а именно: 1) *Slavic Languages* [23. 1949f; 24. I, II]; 2) *The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos* [23. 1951c; 24. IV]; 3) О стихотворных реликтах раннего средневековья [23. 1950a; 24. VI]; 4) *Studies in Comparative Slavic Metrics* [23. 1952f; 24. IV]; 5) Слово о полку Игореве в переводах к. XVIII в. [23. 1954a]; 6) *Ivan Fedorov's Primer* (2 экз[емпляра]) [23. 1955d]; 7) *A Bibliography of the Publications of R. Jakobson* [27]; 8) *St. Constantine's Prologue* [23. 1954c; 24. VI]; 9) *Češství Komenškého* [23. 1942a]; 10) *Reviews (of) New Slavic Etymological Dictionaries* (2 экз[емпляра]) [23. 1952d]; 11) Рецензии на Унбеггауна [23. 1953g; 24. II], Арциховского и Тихомирова [23. 1953g]; 12) *Vestiges of the Earliest Russian Vernacular* [23. 1952c; 24. II]; 13) *J. Besharov, Imagery of the Igor' Tale* [28]; 14) *Minor Native Sources for the Early History of the Slavic Church* [23. 1954d; 24. VI]; 15) *On Slavic diphthongs ending in a liquid*. [23. 1952a; 24. I]; 16) *The Kernel of Comparative Slavic Literature* [23. 1953f; 24. VI; 29. С. 23–79]; 17) *Introduction to Russian* [23. 1944e]; 18) Письмо В.В. Маяковского (2 экз[емпляра]) [23. 1955e]; 19) *Annuaire de l'institut de Philologie et d'Histoire orientales et slaves*²⁴,

¹⁸ Первые два текста в настоящей публикации – это те самые "оба увлекательных письма", которые упоминаются в письме Якобсона от 10 сентября 1956 г. [11. С. 74].

¹⁹ Возможно, что фраза (процитированная Богатыревым и в переписке с М.К. Азадовским [8. С. 147]) прозвучала при встрече поэта-заумника И.М. Зданевича (1894–1975) с Маяковским в Париже в ноябре 1922 г. [25. С. 236].

²⁰ В.Д. Дувакин (1900–1982) – литературовед, специалист по творчеству Маяковского, создатель отдела фотодокументов научной библиотеки МГУ. По-видимому, имеется в виду автореферат его кандидатской диссертации [26].

²¹ Сестра известной фольклористки Елены Николаевны Елеонской.

²² В.М. Жирмунский (1891–1971) был связан с Якобсоном разными научными интересами. Если в ранних работах (периода ОПОЯЗа) "Задачи поэтики" и «К вопросу о "формальном подходе"» Жирмунский ссылается на монографию Якобсона "Новейшая русская поэзия" (1921 г.), то в позднем исследовании "Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса" он использует труды Якобсона в области эпического творчества и сравнительного литературоведения.

²³ Написанная вместе с М. Халле монография "Fundamentals of Language" открыла новую серию книг по лингвистике (*Janua Linguarum*) голландской фирмы Mouton Publishers, в 1950–1970-х годах сыгравшей большую роль в издании исследований и материалов по славяноведению и лингвистике.

²⁴ Неясно, о каком выпуске нью-йоркского "Ежегодника", издававшегося во время и после войны Брюссельским Свободным университетом, идет речь. Якобсон тесно сотрудничал с его директором Анри Грегуаром и напечатал в ежегоднике ряд своих работ о "Слове о полку Игореве" и других памятниках.

20) Сватин²⁵ Slavic folklore [30] и Твоя Slavic mythology [23. 1950b; 24. VII] (2 экз[емпля]).

Очень и очень благодарен за все присланное. Свату благодарю за статью. Остается теперь все проштудировать. Некоторые вещи проштудирую спешно. Меня в первую очередь интересуют исследования об общности славянской метрики и замечания о Фоме и Ерёме.

Случайно в троллейбусе, уже после того, как получил оттиски, встретил Крученых²⁶ и рассказал, что для него имеются работы об Иване Федорове [23. 1955d] и Маяковском [23. 1955e]. Он обязательно обещал разыскать книги с Твоими стихами²⁷. Теперь он несколько раз звонил по телефону, но меня не было в Москве. Разговаривал он с Тamarой. Кажется, он книги для Тебя уже разыскал. Как только переедем с дачи в Москву, свяжусь с ним, передам предназначенные ему твои работы и получу от него сборники стихов.

Мы сейчас живем на даче по Ярославской жд. – ст. Болшево. На днях переезжаем обратно в Москву. Я хотя и занимался и занимаюсь на даче понемногу, но не устаю. Поддерживает воздух. Лето было очень дождливое, и все же было хорошо. Живем в лесу.

Очень, очень жалею, что не могли, как следует, поговорить о научных делах. А поговорить очень и очень хотелось бы. Придется ограничиться перепиской.

После твоего отъезда в Государственном литературном музее было заседание по такой программе.

Министр-советник Осолник²⁸ (словинец) – Культурные югославско-советские связи.

Академик Тихомиров²⁹. Русско-сербские связи в XV–XVI вв. В его докладе были интересные исторические данные. Последним был мой доклад о сравнительном изучении фольклора славянских народов, в частности эпосов славянских народов. Я указал на интересное исследование Ф. Миклошича³⁰, которое необходимо продолжить и углубить. Указал, что на основании материалов Миклошича можно установить, что все ветви славянских народов, в частности эпосы южных и восточных славян, имеют общие постоянные эпитеты. Полагаю, что постоянные эпитеты не только наиболее ярко и точно обозначают типические черты предмета, но выбирают-ся и по созвучию с определяемым предметом. При этом, ввиду близости консонантизма славянских слов, созвучие согласных остается во всех славянских языках неизменным: белый лабудь, белая лебедь, черный ворон, черный вран и т.д. Сейчас закончила диссертацию моя ученица "Синтаксические функции кратких и полных прилагательных в русской лирической песне". Она показывает, что постоянные эпитеты в русской лирической песне также созвучны определяемым или существительным. (Когда автореферат будет напечатан, пришлю тебе его)³¹.

²⁵ Сватава Пиркова-Якобсон (род. 1908) – фольклорист, вторая жена Якобсона.

²⁶ Программа А.Е. Крученых (1886–1968) как поэта-заумника во многом совпадала с радикальными художественными взглядами молодого Алягрова (псевд. Якобсона), который "познакомился с ним, как и с Хлебниковым, еще до поступления в университет, и с ним, как и с Хлебниковым, он часто общался и переписывался". Дружба с Крученых возобновилась в 1956 г., когда Якобсон начал приезжать в Москву [31. С. 130, 134].

²⁷ Имеется в виду совместный сборник Крученых и Алягрова "Заумная гнига" (М., 1916). О футуристических текстах Якобсона см. статьи С. Руди [32] и Д. Валье [33].

²⁸ По-видимому, Богдан Осолник (род. 1920), югославский дипломат, государственный деятель, публицист.

²⁹ М.Н. Тихомиров (1893–1965) – специалист по древнерусской истории и русско-южнославянским связям.

³⁰ Ф. Миклошич (1813–1891) – австрийский филолог-славист, основоположник школы сравнительно-исторического изучения грамматики славянских языков. Здесь, скорее всего, имеется в виду его доклад в Венской Академии наук (1890) "Об изобразительных средствах славянского эпоса" [34].

³¹ Речь идет о Е.Б. Артеменко, защитившей в 1958 г. в Воронеже диссертацию "Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне".

Далее в докладе я указал, что М. Мурко³², ученик гениальных русских фольклористов Ф.И. Буслаева и А.Н. Веселовского, в своей исследовательско-сборительской работе следовал достижениям русской фольклористики. Многие русские ученые Веселовский, Халанский³³, Аничков³⁴ и др. вплоть до Кравцова³⁵ внимательно изучали фольклор южных славян. В настоящее время наблюдается как бы возрождение [интереса] к проблемам сравнительного изучения славянского фольклора и выявления общности в фольклоре славянских народов. Здесь я указал на твои работы в области установления общих черт в метрике славянских эпосов [23. 1952f (24. IV); 1953f (24. VI)] и на доклад К.В. Квитка об общей славянской мелодии³⁶. Отметил, что большой интерес представляет работа сравнительного изучения формы славянских сказок.

Ну, я расписался. Хотелось бы еще о многом написать. Сделаю это в следующем письме. Итак, продолжение следует.

Передай от меня самый сердечный привет Осипу Абрамовичу и Анне Яковлевне³⁷. От Свати жду обещанных работ. Передай ей от меня сердечный привет. Очень бы хотел ее повидать.

Александр Владимирович³⁸ книги получил и подыскивает для тебя сборник "Старинная русская повесть" с его статьей "Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград" [37].

Целую крепко. Твой Петр.

Извиняюсь за опозданный ответ, но из письма Кости ты узнал, что твое письмо получено. Надя умерла вскоре после нашей встречи.

Привет и до скорого свидания! Тамара.

Дорогой Роман, около месяца тому назад послал тебе письмо.

Я сделал еще несколько переводов из Рильке, обязательно пошлю тебе, чтобы узнать твое мнение.

Целую Костя.

2.

28.VIII.56

Дорогой Роман!

Первое письмо не вместило всего, о чем хотелось написать, а потому продолжаю. Летом готовил 2-е издание учебного пособия "Русское народное поэтическое творчество" [38]. Второе издание выйдет сильно исправленное и дополненное. Надеюсь, что выйдет в свет второе издание месяца через два. Как только появится, обязательно пришлю тебе и Свате.

Государственное издательство в Казани собирается переиздать мой перевод "Швейка"³⁹. Мне пришлось еще раз провести корректуру всего романа.

³² М. Мурко (1861–1952) – словенский филолог, историк литературы, этнограф. С 1920 г. работал в Праге. Один из руководителей Славянского института; редактор журнала "Slavia".

³³ М.Г. Халанский (1857–1910) – филолог-фольклорист, научные интересы которого сложились под воздействием А.А. Потебни и А.Н. Веселовского; автор работ о былинах и южнославянских сказаниях.

³⁴ Е.В. Аничков (1866–1937) – литературовед, фольклорист, специалист по средневековой литературе и фольклору.

³⁵ Н.И. Кравцов (1906–1980) – специалист по славянским литературам и фольклору, а также их связям с мировым литературным процессом.

³⁶ К.В. Квитка (1880–1953) – украинский фольклорист и музыковед, один из основоположников советского этномузыковедения и сравнительного музыковедения. В 1971 г. под общей редакцией Богатырева вышел двухтомник его работ [35]. Упомянутый Богатыревым доклад Квитки был опубликован посмертно [36]. Русский перевод этого текста см. в [35. Т. 1. С. 191–212].

³⁷ Осип Абрамович и Анна Яковлева Якобсон (урожд. Вольперт) – родители Якобсона.

³⁸ А.В. Позднеев (1891–1975) – специалист по истории славянских литератур, фольклору, поэтике. Старший товарищ Богатырева и Якобсона по Московскому университету, который он закончил в 1915 г.

³⁹ В переводе Богатырева роман Я. Гашека впервые вышел в 1929 г. Здесь имеется в виду [39].

Одновременно делал заметки о художественных средствах в романе "Швейк". Собрал материал о художественных функциях иностранных языков (немецкого, польского, латинского, мадьярского) в этом романе.

Очень интересно использован Гашеком телефонный разговор. При этом Гашек приводит речь только одного говорящего по телефону. Этим сильнее выявляются характерные черты речи данного лица. Телефонная речь только одного лица – это частный случай речи только одного лица в диалоге. В "Швейке" встречаем не только телеф[онный] разговор. У Гашека приводится речь Отто Катца и подпоручика Дуба, но не приводятся ответы тех, с кем они говорят. Гашеку было важно выявить своеобразие речи данных персонажей, и ответы говоривших с ними только бы затемнили своеобразие речи Катца и Дуба⁴⁰.

Интересно, что М. Майерова использует речь только одного при диалоге в трагической сцене в "Navířské baladě". (Конец)⁴¹. Интересны и другие приемы Гашека. Ну, об этом потом.

Верейскую фольклорную коллекцию постараюсь отыскать⁴².

Очень хочется поскорее заняться повестью о Фоме и Ереме. Рукописные повести у меня под руками. Неопубликованных рукописных повестей всего три: из них одна хранится в рукописном отделе Ленинской библиотеки в Москве, одна в Киеве (у меня есть копия) и одна в Калинин (Тверской архив). Мне хочется показать, что в Фоме и Ереме синонимы используются как художественное средство. (Здесь интересно твоё замечание в "Fundamentals of Language"⁴³). При этом как синонимы используются и слова только *близкие* к синонимам, но подлинными синонимами не являющиеся, как *лук* и *чеснок*. "Фома ест лук; Ерема толчет чеснок". Синонимы подкрепляются синтаксическим параллелизмом. О синонимах в былинах вышла большая статья Евгеньевой в "Трудах отдела] древней литературы"⁴⁴.

Потратил довольно много времени на чтение и рецензию докторской диссертации Александра Владимировича Позднеева. Мне придется выступить официальным оппонентом. Он собрал громадный материал из рукописных песенников XVIII в. Материал приводит к ряду очень интересных выводов⁴⁵.

Но главное, что у меня берет время, это написание учебника по славянскому фольклору⁴⁶. По плану я должен подать как первую часть фольклор западных славян. Пока застрял только на чешском фольклоре. Для глав о чешской песне много полезного в книжке J. Hořáka⁴⁷ "Náše lidová péseň" [43]. Только не могу с ним согласиться, что уменьшительных слов в чешской песне не так много, как в украинской. С наслаждением перечитываю новое издание Č. Zíbrta⁴⁸ "Veselé chvíle lidu českého" [44]. Много интересного материала, наводящего на размышления и выводы. Вообще, работа над учебником оказалась необычайно трудоемкой, но интересной.

⁴⁰Работы о художественных средствах в "Швейке" Богатырев не написал.

⁴¹Мария Майерова (1882–1967) – чешская писательница, переводчица, журналистка. Здесь имеется в виду ее роман "Шахтерская баллада" (1938), написанный в сказовом стиле повествования от лица героя.

⁴²Речь идет о фольклорном и диалектологическом материале, собранном Богатыревым, Якобсоном и Н.Ф. Яковлевым во время их совместных экспедиций 1915–1916 гг. в Верейский уезд Московской губернии, результатом которых была "впоследствии исчезнувшая рукопись монографии, содержащая материал подмосковного фольклора всех жанров, входящих в активный репертуар..." [12. С. 11]. Методологическая новизна этой работы отмечена в статье [40. С. 10].

⁴³Имеется в виду замечание Якобсона об использовании оппозиции смежность / сходство в параллельных языковых конструкциях в "Сказке о Фоме и Ереме" [23. 1956а. С. 79–80; 24. II. 256–257].

⁴⁴А.П. Евгеньева (1899–1985) – лексикограф, фольклорист, литературовед, автор работ о языке произведений устного народного творчества. Здесь, видимо, речь идет о [41].

⁴⁵Диссертация А.В. Позднеева недавно была издана полностью [42].

⁴⁶Учебник не был завершен.

⁴⁷Иржи Горак (1884–1975) – чешский славист, историк литературы, фольклорист и библиограф; ученик Й. Поливки.

⁴⁸Ченек Зибрт (1864–1932) – историк чешской литературы, библиограф; с 1905 г. редактор "Часописа Чешского музея"; основатель и редактор этнографического журнала "Česky lid".

Сначала приходится писать исследование об отдельных жанрах, а потом из исследования делать главу для учебника. С польским фольклором еще труднее, чем с чешским.

Очень хочется написать работу об общих чертах в зачинах и концовках славянских сказок. Предварительный вывод такой, что языковая близость славянских народов позволяла создавать почти идентичные присказки и концовки. Например, идентичная сказочная концовка у чехов и поляков byl zvonec, pohádce je konec и т.п.

Алексей⁴⁹ пригласил меня и Тамару в гости. Был приглашен также Володя Нейштадт⁵⁰. Вспоминали тебя. На днях с "Интуристом" (приехал) приезжал Исаченко⁵¹. Я показал ему все твои работы, присланные мне. Облизывался. Вскоре должен появиться его 2-ой том Словацко-русского словаря [46].

У нас сегодня большое событие. Тамара звонила с дачи по телефону в Москву. Костя сообщил, что приехала Соня⁵². Он, Костя, сегодня (28 авг[уста]) с ней увидится в 12 часов. Завтра я буду в Москве и обязательно с ней увижусь. Больше никаких подробностей сообщить не могу: сам не знаю.

Как только увижусь с Соней, напишу о своих впечатлениях и разговорах. Расскажу ей о тебе все, что знаю. О твоих успехах здесь и проч.

Видел В.В. Иванова. Он твои работы получил.

Жду от тебя ответа на мои письма. Вкратце ответь о тех вопросах, которые я поднимаю в письме о худож[ественных] приемах в Швейке, о Фоме и Ереме, о чешском фольклоре.

Мои самые сердечные приветы Анне Яковлевне и Осипу Абрамовичу. Скажи, что все время вспоминаю о них. А теперь вспомним с Соней.

Как только что-нибудь появится интересного в печати, вышлю тебе.

Как продвигаются работы Свати? Рассказывал о ее работах Исаченке. Он заинтересовался.

Свате сердечный привет.

Целую крепко. Твой Петр.

28 августа 1956.

P.S. Исаченке рассказывал о твоих успехах в Москве, но он уже слышал о них от других.

Милый Роман!

Вчера вернулись с дачи. Сегодня увидимся с Соней. Безумно счастлива ее приезду. Костя провел с ней и дочкой⁵³ целый день. Говорит, что дочка красавица.

Привет жене твоей. Целую. Тамара.

30.VIII.56.

С Соней говорили по телефону. Петр. 30.VIII.56.

⁴⁹Имеется в виду А.А. Буслаев (1897–1965?) – товарищ Jakobсона и Богатырева по Московскому лингвистическому кружку, бывший, наряду с Jakobсоном и М.Н. Петерсоном, его председателем.

⁵⁰В.И. Нейштадт (1898–1959) – поэт-переводчик с немецкого, литературовед, историк и теоретик шахмат, учился одновременно с Богатыревым и Jakobсоном в Московском университете (1915–1919). В архиве Jakobсона сохранилась копия его недатированного письма к Нейштадту: "Дорогой Володя, второго июля я послал тебе разные свои работы. Присылай и ты. И не откладывай публикации твоих интересных наблюдений по истории открытия Слова о полку Игореве.

Я был невероятно рад, что довелось снова свидеться с тобой. То же передай от меня Алексею Буслаеву. Надеюсь, что скоро снова увидимся. Примерно, на московском международном съезде славистов. Обнимаю" [М.С. Вох 44. Folder 21]

⁵¹А.В. Исаченко (1910–1978) – лингвист, славист, ученик Н.С. Трубецкого, член Пражского лингвистического кружка (подробнее о нем см.: [45]).

⁵²С.Н. Гаасова (урожд. Фельдман) (1899–1982) – первая жена Jakobсона, с которой он до конца поддерживал дружеские отношения. Ее вторым мужем стал чешский композитор Павел Гаас, погибший в Освенциме в 1944 г. В фонде Jakobсона хранится целый ряд ее писем.

⁵³Имеется в виду Ольга Гаасова.

3.

[Телеграмма. Почтовый штемпель: 10 окт[ября] 1956]

Замечательного ученого, верного друга поздравляю [с] юбилеем, желаю здоровья, творческих сил на пользу науки. Профессор Богатырев.

4.

[Телеграмма. Почтовый штемпель: 10 окт[ября] 1956]

Дорогого Романа обнимаем, целуем, желаем здоровья, долгой жизни, успехов. Поздравляем родителей и Святю. Петр, Тамара, Костя.

5.

[Телеграмма. Почтовый штемпель: 1 янв[аря] 1957]

Новым годом, новым счастьем Романа, Святю, родителей. Целуем. Тамара, Петр, Костя.

6.

г. Эльва, Эстония.

17 июля 1957 г.

Дорогой Роман!

Прежде всего прости, что так долго не писал. Замотался с делами, других причин нет. Недавно получил reprint [из] "For Roman Jakobson"⁵⁴. Большое спасибо! Сборника, вышедшего в честь твоего шестидесятилетия, еще не видал [47]. Библиотека Академии наук в Москве его выписала, но еще не получила. Заказной бандеролью послал тебе программу 3 Всесоюзного совещания по древнерусской литературе, происходившего в Ленинграде 13–16 мая⁵⁵, и брошюру "Н.К. Гудзий" [50].

Кратко скажу о докладах на этом совещании. Я в своем выступлении коснулся почти всех докладов. Виноградов упрекал лингвистов, что они почти не занимаются языком древних памятников и что, как правило, этим занимаются литературоведы⁵⁶.

По докладу Гудзия [52] я сказал, что теперь своевременно говорить о мировом значении древнерусской литературы. Как один из признаков большого художественного значения таких памятников как "Слово" и других памятников является то, что крупнейшие поэты, не только русские, но и зарубежные как Эрбен и Р.М. Рильке переводили эти памятники и давали им высокую оценку⁵⁷.

Из всех докладов я особо выделил доклад Еремина⁵⁸ [53], который указал на специфику художественного метода творцов древнерусской литературы и назвал этот метод дореалистическим, не определяя его пока более точно. Как на специфические признаки древнерусской литературы Еремин указал на документальность ее художественных произведений, на стремление создавать не реалистические, а идеальные образы и др. Доклад Еремина большинство выступавших выделяли как необычайно ценный и оригинальный.

⁵⁴Неясно, о какой статье из сборника [47] идет речь; возможно, что Богатыреву был выслан оттиск работы У. Харкинса «The Mythic Element in the "Tale of Gore-Zlocastie"» [С. 201–206].

⁵⁵Отчеты о нем см. в [48–49].

⁵⁶Идеи доклада В.В. Виноградова ("Основные направления развития древнерусского литературного языка") были развиты в его выступлении на IV Международном съезде славистов [51].

⁵⁷Чешский филолог, историк и поэт Яромир Эрбен (1811–1870) перевел "Слово" в 1869 году. Райнер Мария Рильке (1875–1926) в 1902–1904 гг. работал над переложением "Слова" на немецкий язык, но так и не решился его напечатать. В полном виде перевод Рильке вышел только в 1949 г.

⁵⁸И.П. Еремин (1904–1963) – историк и теоретик древнерусской литературы.

Только сначала было два очень неудачных выступления по докладу Еремина. В этих двух выступлениях с горестью было отмечено, что они так любят древнее искусство... и вдруг оно нереалистическое. Я отметил, что высоким искусством может быть и нереалистическое искусство, а потому обижаться за древнерусское искусство и древнюю литературу этим двум выступавшим не следовало.

Очень интересен был доклад Мещерского⁵⁹ "Искусство перевода в Киевской Руси" [54]. Мещерский показал, что в Киевской Руси переводили не только с греческого, но и с сирийского и древнееврейского языков. Качество переводов было очень высоко. Переводчики хорошо владели тем языком, с которого переводили. Русские переводы были художественными. Переводчики использовали в своих переводах ассонансы и другие художественные средства.

Д.С. Лихачев в докладе "К вопросу о зарождении литературных направлений в древней Руси" [55] указывал, что деление древнерусской литературы на романский стиль, готику и ренессанс не может быть принято. У древнерусской литературы до XVII в. были особые пути развития, которые требуют и особого метода исследования. Лихачев полемизировал с Чижевским (по-моему, неудачно), что смена романского стиля готикой, готики ренессансом и т.д. у Чижевского напоминает движение маятника и исключает эволюцию⁶⁰. Когда я задал Лихачеву вопрос, можно ли понимать эволюцию так, что готика более высокий стиль, чем романский стиль, барокко более высокий, чем ренессанс, он как следует ответить не мог. В своем выступлении я подчеркнул большое достоинство доклада Лихачева в той части, где он указывает на специфические черты древнерусской литературы.

В докладе Адриановой-Перетц "Роль учительной литературы XIII–XIV вв. в развитии мастерства изображения внутреннего мира человека" были приведены очень яркие цитаты учительной литературы, характеризующие скупца, пьяницу и т.п. Адрианова-Перетц указала, что читатели древней Руси были знакомы не только с изречениями святых отцов, но также с изречениями философов древности Платона, Аристотеля и др.⁶¹ Я в своем выступлении сослался на статью Шахматова (племянника А.А. Шахматова⁶²), где были приведены изречения Платона, имевшие хождение в древней русской литературе [59]. Адрианова-Перетц ответила, что все изречения древнегреческих философов были собраны Перетцем и опубликованы им в малоизвестной статье, помещенной в одном русском классическом журнале [60]⁶³.

В.Д. Кузьмина⁶⁴ в докладе "Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков Девгениева деяния" [62] подробно использовала русские и заграничные статьи о Дигенисе.

Интересны были доклады Алпатова⁶⁵ о художественном языке древнерусской живописи и Воронина⁶⁶ – о взаимосвязи образов древнерусской литературы и зодчества. В последнем докладе много спорного.

Одновременно с третьим совещанием о древнерусской литературе в Публичной библиотеке отмечалось 900-летие Остромирова евангелия⁶⁷. Я там слышал два

⁵⁹Н.А. Мещерский (1906–1987) – специалист по истории русского литературного языка и древнерусской переводной литературе.

⁶⁰Д.С. Лихачев полемизирует с идеями филолога-слависта, философа, теоретика культуры Д.И. Чижевского (1894–1977), изложенными в [56]. Взгляды Лихачева по этому вопросу см. также в: [57. С. 178–179].

⁶¹Доклад В.П. Адриановой-Перетц (1888–1972), многие работы которой посвящены проблемам поэтики и художественной специфики древнерусских текстов, частично пересекается со статьей [58].

⁶²Мстислав Шахматов (1888–1943) – историк права, специалист по древнерусской литературе; с 1923 жил в Чехословакии.

⁶³Упомянутая работа не вошла в подготовленную В.П. Адриановой-Перетц библиографию трудов ее учителя и мужа В.Н. Перетца (1870–1935) [61].

⁶⁴В.Д. Кузьмина (1908–1968) – специалист по древнерусской литературе, а также по русскому театру и журналистике XVIII в.

⁶⁵М.В. Алпатов (1902–1986) – специалист в области западно-европейского и русского искусства.

⁶⁶Н.Н. Воронин (1904–1976) – археолог, историк архитектуры.

⁶⁷Материалы конференции см. в [63].

доклада: один по истории изучения Остромирова евангелия⁶⁸ [64], а другой – Мещерского – о месяцеслове Остромирова евангелия. Мещерский указал, что в месяцеслове Остромирова евангелия отмечаются праздники западных святых: Сильвестра, Калиника, Григория (вероятно Каппадокийского). Отмечен праздник Кирилла, но праздник Мефодия не отмечен. Все это, как мне кажется, указывает, что протограф Остромирова евангелия очень старый и может быть восходит к непосредственным ученикам Кирилла и Мефодия. Я заинтересовался, нет ли в языке Остромирова евангелия каких-нибудь черт западнославянских. Львов, который читал доклад в Ленинграде в Публичной библиотеке о лексике Остромирова евангелия (я доклада не слышал) сказал мне, что в Остромировом евангелии в лексике никаких западнославянских элементов нет⁶⁹.

В Ленинграде на совещании отметили 70-летний юбилей Н.К. Гудзия. Н.К. в своей речи сказал, что все, что он создал ценного, он создал благодаря своему учителю Перетцу. Отдел древнерусской литературы посвящает том 70-летнему юбилею Гудзия [67], а Московский университет издал брошюру, которую я тебе послал [50].

На совещании по древнерусской литературе были Мошин⁷⁰ из Югославии, Славомир Вольман⁷¹, из Польши Обрембска, издавшая "Слово" на польском языке⁷², а из Болгарии Вельчев⁷³ и Динеков⁷⁴.

Со Славомиром мы много встречались в Москве, он был несколько раз у нас дома, мы с ним много говорили о тебе, и он подробно рассказывал, как тебя тепло встречали в Чехословакии. Я рад за тебя (я тоже – Т[амара] Б[огатырева]).

Пишу тебе из маленького городка Эльва, Эстония, где мы с Тamarой и Катей проводим отпуск. Пробудем здесь один месяц, а 1 августа едем с Тamarой на Рижское взморье, куда приедет и Костя.

Ну, пока, всего хорошего.

Целую тебя крепко, также Святю. Твой Петр.

Сердечный привет родителям.

Дорогой Роман!

Хочу приписать пару слов. Очень хорошо отдыхаем здесь. Эльва в 30 километрах от Тарту (бывший) Юрьев). Неожиданно (час тому назад) получили телеграмму от Кости, что он выезжает к нам в Эльву.

Вчера были в Тарту. Петр отыскал в университете проф[ессора] Адамса⁷⁵, с которым мы бродили по городу, сидели в кафе. Он вспоминал тебя. Тарту мне очень понравился. В Эльве много ленинградцев: Берков⁷⁶, вдова Азадовского⁷⁷ и др. Где ты

⁶⁸ Имеется в виду доклад Н.Н. Розова (1912–1993), специалиста по древнерусской письменности, книговеда, палеографа.

⁶⁹ А.С. Львов (1905–1979) – специалист по лексике памятников старославянской письменности. Обсуждаемая в письме тема рассматривается в двух его работах [65–66].

⁷⁰ В.А. Мошин (1894–1987) – византолог, славист, специалист по русско-византийским и южнославянско-византийским связям и вспомогательным историческим дисциплинам. С 1921 г. жил в Белграде. См. о нем: [68].

⁷¹ С. Вольман (род. 1925) – чешский славист, автор монографии о "Слове о полку Игореве" и его переводчик (см. характеристику его перевода в работе Богатырева [69]). Сохранилось его письмо Якобсону из Ленинграда от 3 июня 1957 г. (МС 72. Вох. 47. Folder 8).

⁷² А. Обрембска-Яблоньска (1901–1994) – славист, лингвист, диалектолог, автор исследования о "Слове" и его переводчик. См. о ней [70].

⁷³ В.П. Вельчев (1907–1991) – специалист по истории болгарской и русской литератур, а также древнеболгарской письменности.

⁷⁴ П.Н. Динеков (1910–1992) – фольклорист, этнограф, историк литературы.

⁷⁵ В.Т. Адамс (1899–1993) – эстонский поэт, деятель культуры, литературовед, был знаком с Богатыревым и Якобсоном со времен Праги.

⁷⁶ П.Н. Берков (1896–1969) – специалист по русской литературе и журналистике XVIII в., книговед, библиограф.

⁷⁷ Л.В. Азадовская (урожд. Брун, 1904–1984) – жена фольклориста и литературоведа М.К. Азадовского, с которым Богатырев поддерживал дружеские и профессиональные связи; см. о ней [71].

отдыхаешь? Идут слухи, что ты осенью собираешься к нам⁷⁸. Это было бы замечательно! Мы ждем в сентябре Дмитрия из Братиславы⁷⁹.

У Петра все еще не решен вопрос, будет ли он работать в Москве, Ленинграде или Воронеже.

Костя сдал всю сессию и перешел на 4-й курс. Теперь есть надежда, что он закончит университет!

Целую тебя. Привет жене, также родителям. Как их здоровье?

Тамара.

Пиши по московскому адресу: Москва В-180 Б. Якиманка д. 22/2 кв. 87 П.Г. Богатыреву.

7.

7 сентября 1957 г.

Дорогой Роман!

Умер Борис Викторович⁸⁰. Не могу никак до сих пор опомниться. Номер "Литературной газеты", где был помещен некролог [72], я своевременно не читал и о смерти Бориса Викторовича узнал только после возвращения в Москву 29 августа.

Только теперь я осознал, как много он значил для меня. Виделись мы с ним не часто. Но одно сознание, что живет с тобой и работает так, как надо, по-настоящему твой друг – давало очень много.

Умер пушкинист, пожалуй, самый большой, а, главное, самый близкий нам из блестящей плеяды пушкинистов.

Обсуждение его 1-го тома Пушкина [73] было победой не только его книги, а и всей подлинной, неконъюнктурной науки⁸¹. Я счастлив, что присутствовал на обсуждении его книги в Москве в Литературном музее.

На днях получил письмо от жены Бориса Викторовича – Ирины Николаевны⁸². Умер Борис Викторович в Гурзуфе от разрыва сердца, купаясь в Черном море.

"Б[орис] В[икторович] умер, – пишет Ирина Николаевна, – от разрыва сердца, веселый в ясное светлое утро в любимых своих свободных волнах Черного моря. Могила его около меня и мне видно кладбище сейчас, когда я Вам пишу. Я не расстанусь с мессой Стравинского, которую нам прислал Якобсон. Письмо его к Б[орису] В[икторовичу] – было самой большой радостью последних дней".

Ирина Николаевна обязательно хочет написать тебе. Встречавшие Б[ориса] В[икторовича] в Гурзуфе рассказывают, что последнее время он был очень веселый и радостный.

Вот уже несколько лет у них дача в Гурзуфе, и там он проводил свободное время.

Б[орис] В[икторович] говорил, что в первую очередь он закончит книгу "Теория литературы"⁸³, а потом приступит к окончанию Пушкина. Я очень ждал его "Теории литературы".

Сейчас заканчиваю маленькую статейку для сборника, посвященного 70-летию

---

⁷⁸Из письма Якобсона к Вяч.Вс. Иванову от 30 июля 1957 г.: "Я думал опять побывать у Вас: много накопилось новых вопросов в нашей науке. Мне казалось и кажется наиболее продуктивными встречи и совещания с учеными-коллегами, хотелось их продолжить. Но имелись в виду сверх того лекции (несколько) в МГУ в октябре. С ними вышла задержка в Министерстве высшего образования, как сообщает мне телеграмма Виктора Владимировича. Не знаю, означает ли это отсрочку самой поездки. Жаль будет, если да" (МС 72. Вох 42. Folder 30).

⁷⁹Речь идет о Д.Г. Богатыреве.

⁸⁰Б.В. Томашевский (1890–1957).

⁸¹Второй том (совместно с Л.Б. Модзалевским) вышел посмертно [74].

⁸²И.Н. Медведева (1903–1973) – литературовед, специалист в области русской литературы начала XIX в.

⁸³Книга Томашевского "Теория литературы: Поэтика" вышла в 1925 г. и на протяжении шести лет выдержала пять переизданий. Перед смертью ученый работал над новой ее редакцией.

Франка Вольмана⁸⁴. Назвал статью "К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян" [75].

Как только закончу эту статью, начну готовить ответы на вопросы съезда, которые вместе с тобой подготовляли в Москве⁸⁵, и доклад "Некоторые вопросы о сравнительном изучении эпоса у славян"⁸⁶.

Твое письмо от 30 июля 57 г. получил. Большое спасибо. Завидую Свате. Сам охотно занялся бы собиранием обрядов в Шумадии и Македонии.

У нас много гостей. Вчера была Евгения Евгеньевна Карцевская с Игорем. Они едут через Москву в Ташкент к Светлане⁸⁷. Сегодня вечером идем встречать брата Митю с женой. Приезжают на 2 месяца.

Крепко целую. Твой Петр.

9 сентября [19]57

Вместе с письмом получил твой доклад "Typological Studies and Their Contribution to Historical Comparative Linguistics" [23. 1958a; 24. I.]. Спасибо. Говорил по телефону с В.В. Ивановым. Он рассказывал о твоём успешном выступлении в Осло и дискуссии после доклада⁸⁸. Радуюсь твоему успеху. При личной встрече с Ивановым постараюсь подробнее расспросить его о твоём выступлении и дискуссии.

Митю с женой встретили. Они уже были вчера в Малом театре на "Власти тьмы". Там замечательно играет Акима Игорь Ильинский (ученик Мейерхольда)⁸⁹.

В Чехословакии передай от меня привет всем друзьям.

Передай привет Свате. Мой самый сердечный привет Осипу Абрамовичу и Анне Яковлевне.

Тамара и Костя шлют привет.

Твой Петр.

Евгения Евгеньевна привезла урну с прахом Сергея Осиповича. Академия обещала похоронить урну в Москве.

Адрес: Москва В-180 Ул. Димитрова (б[ывшая] Б[ольшая] Якиманка) д. 22/2 кв. 87.

Привет! Тамара.

Костя женился на племяннице Сергея Игн[атьевича] Бернштейна⁹⁰.

8.

[осень 1957 г.]

Дорогой Роман!

Прости, что долго не отвечал. Замотался с писанием разных рецензий и статей. 16–17 ноября в Ленинграде в Пушкинском доме будет юбилейная сессия, посвященная

⁸⁴Франк Вольман (1888–1969) – чешский филолог-славист, компаративист.

⁸⁵Богатырев дал ответы на два вопроса: № 34 "Каковы особенности поэтического языка и изобразительных средств славянской народной поэзии в ее различных жанрах (общеславянские и национальные черты)" (совместно с А.П. Евгеньевой) и № 36 "Что может дать картографирование фольклора славянских народов для выяснения вопроса о возникновении, истории и современном бытовании произведений народного творчества" [76. С. 262–264, 272–281].

⁸⁶Доклад Богатырева вошел в сборник [77. С. 326–335], а развернутый вариант был напечатан отдельным изданием [78].

⁸⁷Е.Е. Карцевская, вдова лингвиста С.И. Карцевского (1884–1955), одного из основателей Пражского лингвистического кружка, приезжала в Москву с сыном Игорем для того, чтобы захоронить урну с прахом ученого в колумбарии Донского монастыря. Их дочь Светлана вернулась в СССР в 1955 г. с мужем.

⁸⁸Имеется в виду доклад Якобсона на восьмом Международном съезде лингвистов в Осло.

⁸⁹И.В. Ильинский (1901–1987) – актер, киноактер; с 1938 г. работал в Малом театре, где и сыграл одну из самых знаменитых своих ролей – Акима из "Власти тьмы" Л. Толстого.

⁹⁰Речь идет о С.И. Богатыревой.

70-летию Анны Михайловны Астаховой⁹¹. Мне предложили прочитать на сессии доклад. Я предложил сделать доклад "Задачи сравнительного изучения славянских эпосов". 1 задача: Сравнительное изучение формы эпосов (со ссылками на твои работы по общеславянской метрике [23. 1952f, 1953f; 24. IV, VI] и др. твои работы, на старую работу Миклошича [34] и т.п.). 2 задача – Сравнительное изучение закономерностей развития эпосов (законы Ольрика⁹² и наблюдения Мурки [80] и русских исследований по эпосу). 3 задача: Сравнительное изучение бытования славянских эпосов (по работе Matl'a⁹³ [81]). 4 задача – Использование всех достижений сравнительного изучения живых славянских (и неславянских) эпосов в решении Гомеровского вопроса (статья Schmaus'a⁹⁴ в последнем номере "Die Welt der Slaven" [83]).

Для разрешения этих задач необходимо сравнительное изучение достижений о живых славянских (и неславянских живых) эпосах в решении гомеровского вопроса. Необходимо сравнительное изучение достижений в изучении южных эпосов (работы Мурко [напр. 80], Milman Parry и Albert Lord⁹⁵ [напр. 85], Андрейчин⁹⁶ [86], Евгеньева [87]) и русского эпоса (обобщающая работа А.М. Астаховой [88]).

По-моему, об этом сказать и написать следует.

Хочется написать небольшую статейку об использовании тропов, например метонимии при гаданиях, как внеэстетического средства или средства одновременно исполняющего эстетическую и внеэстетическую функцию.

В конце ноября должно выйти 2-е издание учебного пособия "Русское народное поэтическое творчество". Как только выйдет, пришлю. С Соней часто встречался; была несколько раз она у нас, были несколько раз у ней, были вместе в театре. Много вспоминали тебя добром. Костя очень подружился с Соней и с Ольенькой⁹⁷.

Ну вот пока и все. Следующее письмо напишу подробнее.

Целую крепко. Сердечный привет родителям. Привет Свате. Ее статью еще не проштудировал.

Твой Петр

К сожалению, до сих пор не мог достать "Ученых записок Ленинградского педагогического института"⁹⁸. Просил прислать, но ответили, что распродано. Все же постараюсь раздобыть.

Дорогой Роман, на этот раз я виноват, что письмо так долго лежало не отправленным, но я зверски готовился к докладу и никуда не выходил из дому. Целую. Костя.

⁹¹ А.М. Астахова (1886–1971) – фольклорист, собиратель устного народного творчества. Отчет о юбилейной сессии в Пушкинском доме см. [79].

⁹² Имеются в виду сформулированные в 1908 г. датским ученым А. Ольриком особенности эпической композиции.

⁹³ Й. Матл (1897–1974) – австрийский славист, специалист по южнославянским литературам и славяно-немецким литературным связям.

⁹⁴ А. Шмаус (1901–1970) – немецкий славист и балканист, автор многих трудов по южнославянским литературам и балканистике; с 1951 г. профессор Мюнхенского университета. Его биографию и библиографию см.: [82].

⁹⁵ М. Пэрри (1903–1935) – американский филолог-классик, вместе со славистом А. Лордом (1912–1991) сформировавший новую теорию сложения и бытования эпического текста. См. о них статьи Б.Н. Путилова, А.И. Зайцева и Ю.А. Клейнера в книге [84].

⁹⁶ Л. Андрейчин (1910–1975) – болгарский лингвист, специалист по грамматике болгарского языка.

⁹⁷ См. письмо № 2.

⁹⁸ Видимо, имеются в виду [89], где Якобсона могли заинтересовать статьи Л.П. Якубинского и А.П. Евгеньевой.

Дорогой Роман!

Прости, что так долго не писал. Был очень занят в Воронежском университете и надо было спешно закончить ряд статей. Посылаю тебе два экземпляра моего доклада, который буду читать на Съезде славистов – "Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов" [78]. Передай, пожалуйста, один экземпляр профессору А.Б. Лорду, которого я неоднократно цитирую в своем докладе. Надеюсь, что ты получаешь все доклады, издаваемые московским Славянским комитетом⁹⁹. Мой доклад по теме совпадает с докладом В.М. Жирмунского [91], но, как увидишь, мы не повторяемся, хотя писали не согласуясь друг с другом и не деля свою тему. Я исходил из работ славистов и ограничил себя только славистическими исследованиями. Пафос работы – необходимость координации в работе всех славистов по славянскому фольклору. Жирмунский прислал мне письмо, в котором с похвалой отзывается о моем докладе. В этом письме он пишет, по-видимому, с большим удовлетворением и радостью, что ты похвалил его доклад¹⁰⁰. Устно он мне говорил, что твои работы о Всеславском эпосе [23. 1949h, 1951c; 24. IV] считает гениальными, хотя не в русском значении этого слова, а так, как употребляют это слово немцы, т.е. продуктивными, побуждающими к дальнейшим исследованиям. В ближайшее время должен выйти доклад покойного Бориса Викторовича Томашевского [92]. Ирина Николаевна Томашевская (жена покойного) просила узнать у тебя, будешь ли ты писать некролог о Борисе Викторовиче. Если да, то она тебе пришлет список его трудов¹⁰¹. Я свою статью "А.С. Пушкин у южных и западных славян", которая должна появиться в Славянском сборнике Воронежского университета [93], посвящаю памяти Бориса Викторовича.

Может быть, ты напишешь письмо Ирине Николаевне Томашевской?

В Москве, помимо докладов для Международного съезда, опубликованных в "Revue des études Slaves" [94], получены три доклада голландских ученых: 1) Битва при Хотине и ее отражение в славянской литературе ("Осман" Гундулича и Потоцкий), 2) "Рифма", т.е. повторение тождественных мест в одном и том же романе, у Достоевского, 3) Художественные средства в стихах А. Блока¹⁰².

Последний доклад исходит из работы О. Брика о повторах [96]. В Москве приготовления к съезду идут полным ходом. Вышли программы съезда, где помещены твой доклад [23. 1958b; 24. II] и доклад Свати [97]. Я читаю доклад в фольклорной подсекции в один день с Ю. Гораком¹⁰³. В ближайшее время должен выйти литературный сборник с ответами на вопросы [76], лингвистический выйдет позднее [98]. Я поместил в "ответах на вопросы" два ответа: о картографировании фольклорных фактов и о различных жанрах в фольклоре.

В сборник в честь Ф. Волмана я послал маленькую статью о сравнительном изучении одной и той же идеи, выраженной в словесном народном творчестве, в народном изобразительном искусстве и народном искусстве хореографическом [75]. Здесь я сравниваю идею благопожелания в народных болгарских колядках с выражением той же идеи в изображении обрядового хлеба в сочельник, а также с идеей благопожелания роста льна в хореографическом чешском и словацком искусстве. Подобное сравнение помогает выявить специфику различных видов народного искусства.

⁹⁹ Доклады участников московского съезда славистов первоначально издавались в виде отдельных брошюр. Статьи литературоведов собраны в [90].

¹⁰⁰ Из письма Якобсона Жирмунскому от 9 июня 1958 г.: "С увлечением прочел Ваш превосходный и исчерпывающий доклад об эпосе для Международного съезда" (МС 72. Box 39. Folder 24).

¹⁰¹ Некролог Якобсона о Томашевском [23. 1959h; 24. V] появился в первом номере нового международного журнала "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics", основанного Якобсоном.

¹⁰² Перечисленные доклады принадлежат соответственно Томасу Эйкману, Яну Мейеру и Т. Фохт-Стойновой; опубликованы в сборнике [95].

¹⁰³ Т.е., И. Гораком (см. сн. 43).

Сравнение одного и того же мотива в словесном искусстве и в изобразительном искусстве намереваюсь провести, сравнивая словесное изображение застежек в былинах о Дюке Степановиче с изображениями на подлинных застежках (молодец с молодой обнимаются; сходятся звери и рычат). Дальше думаю сравнить изображение Яношика в легенде и в картинках на стекле. В работе придется вспомнить рассуждение Лессинга о Лаокооне и твою статью "Пушкин о скульптуре"¹⁰⁴. Но это пока только намерение. В ближайшее время собираюсь написать статью на основании статьи Андрейчина [86] и одной из словацких статей [99] на тему "Художественные изобразительные средства в фольклоре и диалект" [100]. Очень бы хотелось с тобой обо всем этом поговорить.

Целую крепко. Твой Петр.

Привет Анне Яковлевне и Свате. Тамара и Костя кланяются.

Посылаю работы: 1. "Работы по филигранологии" [101]; 2. Рецензия на "Časopis pro slovenské jazyky" и т.п. [102]; 3. Доклад – 2 экз[емпляра].

10.

[Открытка]
10.X.59

Дорогой Роман!

Шлем привет из Ялты. Вчера были на могиле Бориса Викторовича в Гурзуфе. С нами отдыхает Витя¹⁰⁵. Поздравляем с академиком¹⁰⁶. Свате привет.

Петр. Тамара

11.

[Открытка, почтовый штампель отсутствует: 1960–1962]

С Новым Годом, с новым счастьем!

От всей души поздравляем дорогих Романа и Святю, желаем здоровья, счастья, творческих сил.

Тамара, Петр, Костя.

12.

Малеевка, 17 сент[ября] 1962

Дорогой Роман!

У меня к тебе большая просьба. Серьезно заболел мой ученик и друг, талантливый фольклорист¹⁰⁷. Очень прошу тебя достать ему лекарства.

На предмет твоей консультации с врачами сообщаю диагнозы, поставленные моему больному другу в больнице [...]

М.б., кроме названных есть какие-нибудь новые эффективные средства, в частности американские.

В Академии сообщили, что ты приедешь на московское совещание в начале октября¹⁰⁸. Буду тебе очень благодарен, если привезешь лекарства.

¹⁰⁴ Имеется в виду монография Якобсона "Socha v symbolice Puškinově" [23. 1937f; 24. V; 29. С. 145–180].

¹⁰⁵ Возможно, речь идет о В.Б. Шкловском (1893–1984).

¹⁰⁶ Якобсон был избран иностранным членом Польской Академии наук.

¹⁰⁷ Имеется в виду доцент Московского университета П.Д. Ухов (1914–1962), книгу которого, представляющую собой первую часть докторской диссертации, Богатырев подготовил к печати после его смерти (совместно с Ф.М. Селивановым и Л.С. Уховой) [103]. См. также [11. Сн. 27].

¹⁰⁸ Речь идет о заседаниях Международного комитета славистов (1–10 октября 1962 г.), на которых присутствовал и Якобсон.

Я два месяца лежал в больнице. Теперь с Тamarой живем в санатории под Москвой, около Рузы. Операция у меня прошла благополучно, и я поправляюсь. К сожалению, болезнь разрушила мои научные планы. Сейчас спешно пишу доклад для славистического съезда на тему язык песни: "Дополнительные гласные (postlaut) после согласных в народных песнях". Материал собрал значительный из расшифровок северных и южных песен [104]. Кроме того готовлю тезисы для совещания института славяноведения Акад[емии] наук о знаках¹⁰⁹. Мой доклад готовлю на тему "Выкрики разносчиков, торговцев и бродяжных ремесленников как песенные знаки и знаки сказового стиха" [105].

Обнимаю. Твой Петр.

Сердечный привет Свате от нас.

Получил французскую книгу о структуральной этнографии¹¹⁰. Большое впечатление произвело у нас появление "Русской грамматики, словаря и сб[орника] пословиц 1607 г."¹¹¹.

Наш новый адрес: Москва А-319, 2-я Аэропортовская д. 16, кв. 154.

Все шлют тебе привет.

13.

[начало 1963 г.]

Дорогой Роман!

Спасибо за все поздравления и за "The Dictionary of Folklore" [30]. Он мне очень пригодится. Передай мою большую благодарность Свате и Кристине¹¹².

Я, к сожалению, не знаю адреса Анны Яковлевны, перешли, пожалуйста, мое и Тамарино письмо ей по адресу.

Первый том собрания твоих научных статей по фонологии [24. I] получили.

Спасибо.

Твой Петр.

Спасибо за фотографии участников фонологического съезда в Праге¹¹³ и твою фотографию вместе с Нетте¹¹⁴.

14.

Переделкино, Дом творчества писателей.

28. XII. 63 г.

Дорогой Роман!

Поздравляем с Новым Годом и желаем счастья, творческих успехов и прочих благ.

Я по приезде из Софии¹¹⁵ попал в глазную больницу и больше месяца пролежал в больнице. Пока у меня со зрением неважно, врачи мне запретили временно читать. Писать я могу. Читает мне все Тамара, она стала моими глазами. Сейчас нахожусь в Переделкине. Здесь спокойнее и у Тамары больше свободного времени для меня.

¹⁰⁹ Прошедший в Москве в декабре 1962 г. симпозиум по знаковым системам явился начальной вехой деятельности московско-тартуской семиотической школы.

¹¹⁰ Речь, видимо, идет о книге К. Леви-Строса [106].

¹¹¹ Имеется в виду книга [107], вышедшая с предисловием Яковсона и Э. ван Схооневелд [23. 1961 г].

¹¹² К. Поморска (1928–1986) – специалист по русской литературе, третья жена Яковсона.

¹¹³ Имеется в виду международная фонологическая конференция в Праге, 18–21 декабря 1930 г.

¹¹⁴ О фотографии Яковсона и Т.И. Нетте (1896–1926), снятой в окрестностях Праги летом 1920 г. см. статью Яковсона [23. 1984с; 24. VII] и замечания К. Поморской [31. С. 129].

¹¹⁵ В сентябре 1963 г. в Софии проходил V Международный съезд славистов.

Я работаю сравнительно довольно много. Читаю лекции и работаю с дипломниками в Московском университете. Раз в неделю езжу в Москву.

Одновременно с письмом посылаю открытку Анне Яковлевне. У меня нет ее адреса.

Из-за болезни запоздал с рассылкой книг. Посылаю в твой адрес экземпляры моей книги [108] и моего доклада [104] Кристине и Свате.

Получил интересные письма о моем докладе "Добавочные гласные в песне". Подобные явления, отличающие язык песни от разговорного встречаются у различных народов. Напишу как-нибудь подробно.

Жду с нетерпением выхода твоей книги и буду *очень* рад, если она будет посвящена мне¹¹⁶.

Пиши. Ждем на конгресс антропологов и этнологов¹¹⁷.

Целуем. Петр. Тамара.

Дорогой Роман! Еще раз сердечно поздравляю с новым счастьем. Не сердись на книжные просьбы, они *не обязательны!* Костя.

По просьбе автора посылаю Тебе книгу об Уэллсе¹¹⁸.

С Новым Годом! Соня.

15.

[Телеграмма. Штемпель: 4 марта 1965]

Благодарим телеграмму¹¹⁹, сердечно поздравляю тебя, основателя лингвистического кружка, целую. Петр

16.

Москва, 26. VIII. 65 г.

Дорогой Роман, очень рад передать тебе привет с живым человеком, который Тебя увидит и которого я очень люблю¹²⁰.

У меня лето и мои каникулы оказались сверх всякой меры неудачными. Об отдыхе и речи не могло быть. Все лето проболела Тамара. Сначала – воспаление легких, лежала в больнице, поправилась от воспаления легких, а затем врачи стали требовать, чтобы она, не отдохнув, немедленно ложилась на операцию. Высказывали всякие опасения, пугали! Хирурги разрежали, оказалась диагностическая ошибка, мило извинились и поздравили, что в брюхе все в порядке. И за то спасибо! Слава Богу, что так кончилось. Тамара уже дома, слаба, но поправляется, ведет себя молодцом!

В эти тревожные и тяжелые дни я старался работать, но работал плохо, написал статью для сборника в честь М. Гавацци¹²¹ "Своеобразное бессмертие эпического героя" [111]. Статью для юбилейного сборника Беркова о Фоме и Ереме почти

¹¹⁶ Имеется в виду четвертый том "Selected Writings" Якобсона (1966), в котором были собраны многие его работы по фольклору и древнерусской письменности; посвящение Богатыреву см. [11. С. 75].

¹¹⁷ Имеется в виду VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (август, 1964 г.).

¹¹⁸ По-видимому, речь идет о [109].

¹¹⁹ См. телеграмму Якобсона от 3 марта 1965 г. [11. С. 81].

¹²⁰ Вяч.Вс. Иванов.

¹²¹ М. Гавацци (1895–1992) – хорватский этнограф, профессор Загребского университета, близкий друг Богатырева со времен экспедиций в Закарпатье (1920–1939), одну из которых они совершили вдвоем (см. его воспоминания [110]). В письме Якобсону от 8 июля 1953 г. Гавацци спрашивает о Богатыреве: «Как поживает Петр Григорьевич? Я мог с ним договориться (так! – Х.Б., Б.Д) здесь в 1946 г., когда он участвовал в поездке членов Академии наук СССР. Но с тех пор никаких ведомостей о нем нет – кроме печальных слов, которых (так! – Х.Б., Е.Д.) можно читать в "Сов[етской] этнографии"!» (МС 72. Вох 41. Folder 42).

подготовил, но не оформил. Вовремя подать не удастся, придется поместить в каком-нибудь журнале с посвящением, как это мы сделали с тобой Жирмунскому¹²².

В 1966 г. выходят избранные сочинения Я. Гашека. На днях надо будет пересмотреть мой перевод Швейка¹²³.

Много времени у меня отняла статья "Воспоминания Шкарвана о Толстом". Работа выйдет в "Литературном наследстве" [114].

Подробности о защите Зализняка расскажет Вячеслав Всеволодович (Кома)¹²⁴.

На днях вышлю тебе по почте книгу "О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве" (Уфа) с хорошей статьей моего ученика Л.Г. Барага¹²⁵ "О традиционной стилистической форме белорусских сказок и ее изменениях" [115].

В статье дается попытка определить художественную функцию присказок, зачинов и концовок в белорусской сказке. Я все время беспокоюсь, нужно ли мне отдельно посылать экземпляры по фольклору Свате или ты все работы по фольклору передаешь ей.

Как обстоит дело со сборником в честь Кржижановского¹²⁶?

Целую крепко тебя и Кристину.

Твой Петр.

Жалею, что ты так близко от нас и не смогу тебя повидать¹²⁷.

Дорогие Роман и Кристина!

Сегодня неделя, как я дома после операции. Все лето с начала июня провалялась в больницах. Причинила много тревог и волнений Петру, Косте. Петр совершенно изнервничался и выбился из колеи. Теперь постепенно поправляюсь и постараюсь в дальнейшем быть более благоразумной, меньше доверяться врачам. Ведь диагноз-то поставил известный хирург-профессор!

Обидно, что вы всего в нескольких часах езды от нас и не можем повидаться.

Целую вас крепко. Тамара.

17.

19. I. 1969.

Москва, А-319

Красноармейская ул. д. 25, кв. 48

Дорогой Роман!

Поздравляю Тебя и Кристину с Новым Годом, новым счастьем.

От души желаю Вам обоим в 1969 г. и далее здоровья, творческих сил и всяческих иных благ.

Я, к сожалению, последнее время тебе мало писал, а дел, вопросов и событий накопилось много.

¹²² Эта статья появилась в сборнике в честь Якобсона [112]. В.М. Жирмунскому посвящены статьи Богатырева [100] и Якобсона [23. 1962]; 24. IV], первоначально напечатанные в "Вопросах языкознания".

¹²³ Пятитомник Гашека [113] вышел под общей редакцией Богатырева; ему же принадлежит перевод "Швейка" и четырех рассказов.

¹²⁴ Защита кандидатской диссертации А.А. Зализняка, "Классификация и синтез именных парадигм современного русского языка", завершилась присуждением ему степени доктора филологических наук.

¹²⁵ Л.Г. Барага (род. 1912) – фольклорист, специалист по восточнославянскому, башкирскому, татарскому и таджикскому фольклору.

¹²⁶ Ю. Кржижановский (1892–1976) – польский историк литературы, компаративист, фольклорист, с которым Богатырев сотрудничал с пражских времен. В сборнике в его часть напечатаны статьи Богатырева [116] и Якобсона [23. 1965к].

¹²⁷ В конце лета 1965 г. Якобсон был в Европе (Копенгагене, Варшаве и Вене на собрании Международного комитета славистов); см.: [11. С. 82].

Из печальных событий – смерть Веры Дмитриевны Кузьминой. Она была моим искренним другом. Перед смертью писала рецензию на книгу Полины Левиной [117] (Кристина ее знает)¹²⁸.

Теперь к тебе вопросы: сохранился ли у тебя русский перевод статьи "Фольклор как особый вид творчества"¹²⁹? Если сохранился, то пришли или всю статью со своими замечаниями или отдельные замечания и исправления, копия перевода у меня имеется.

Есть ли у тебя сборник "Славянские литературы", изд[анный] Ак[адегией] наук СССР к VI съезду? Там мой доклад [119]. Если у тебя моего доклада нет, то я пришлю.

Очень жду II и III тт. сборника твоих работ¹³⁰, а также 2-й том Псковского разговорника 1607 г. [120]. О разговорнике, как только получу 2-й т[ом], напишу рецензию. Трехтомник, посвященный тебе [см. 112] и который Кристина давно послала на мое имя для Кости, до сих пор не получен.

Получил письмо от Чехословацкого комитета VI съезда славистов с просьбой прислать резюме моего выступления по твоему докладу [23. 1968h]. В своем резюме я упоминал работу Ивана Ивановича Толстого¹³¹, которая имеет некоторое касательство к твоему докладу. Одновременно с этим письмом посылаю тебе книги: 1) Песни собранные писателями. Из архива Киреевского [121]. 2) Воспоминания о Гудзии¹³².

Я для тебя купил: 1) И.И. Толстой, статьи о фольклоре [123]. Первая статья "Чудо у жертвенника Ахилла на Белом острове" имеет касательство к твоему докладу о русской и индоевропейской мифологии [23. 1968h]. 2) Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI–XIII вв. [124]. Книга небольшая, но очень полезная. Если у тебя нет этих книг – напиши, я пришлю. Вышло 2-е исправленное и дополненное издание Выготского¹³³ "Психология искусства" под ред[акцией] Комы [125], он обещал тебе книгу (2 издание) послать.

Я работаю над несколькими статьями: 1) семиотика при разгадывании виденных снов; 2) две семиотические близкие системы – театр живых актеров и театр кукол и ошибки при восприятии одной семиотической системы на фоне другой [126]; 3) маленькая статья о чертах во французских дьяволи и русских "халдеях" в Пещном действе.

Довольно много времени посвятил анализу сказового стиха. Все бы хорошо, но очень мешает болезнь глаз. Быстро утомляется зрение. Готовлю свои старые работы к переизданию на русском языке [127]. Тамара много помогает, но она занята хозяйством.

Сердечный привет Кристине.

Пиши. Жду ответа. Обнимаю тебя и Кристину.

Твой Петр

Дорогие Кристина и Роман!

Сердечный привет и запоздалые наилучшие новогодние поздравления! Часто вспоминаю наши последние встречи, совместные обеды, особенно последний обед в Доме писателей. Мы были там до 1 сентября, а затем были несколько дней у

---

¹²⁸ П. Левина – специалист по польско-русско-украинским литературным отношениям XVI–XVII вв., древнерусской литературе и литературе XVIII века; до отъезда в США преподавала в Варшавском и Ягеллонском (Краков) университетах. Рецензия В.Д. Кузьминой на ее книгу в печати не появилась.

¹²⁹ Совместная статья Якобсона и Богатырева "Фольклор как особый вид творчества" впервые вышла на немецком языке [118].

¹³⁰ Второй том "Selected Writings" Якобсона вышел в 1971 г., а третий лишь в 1981 г.

¹³¹ И.И. Толстой (1880–1954) – филолог-античник, привлекавший фольклорный материал в исследованиях древнегреческой литературы.

¹³² В сборник воспоминаний вошла заметка Богатырева [122].

¹³³ Л.С. Выготский (1896–1934) – психолог, специалист по общей, детской и генетической психологии, дефектологии и психопатологии.

племянника, повидались еще с Гавранками¹³⁴, а 8 сентября самолетом вернулись в Москву. [...] Внук у нас хороший¹³⁵; по воскресеньям бывает у нас, и на днях провел у нас целый день, читал Швейка и спросил деда, что такое проститутка. – В ближайшее время собираемся в Переделкино. – Из газет знаем, что у вас сильная эпидемия гриппа, надеюсь, что она вас обошла. – У нас все в порядке, здоровы и чувствуем себя хорошо. – Увидимся ли мы с вами, скоро ли?

Посылаю Кристине обещанную карточку.

Целую. Тамара.

P.S. У нас новый адрес, но старая квартира.

18.

Москва, 24.2.69

Дорогой Роман!

Недавно получил обратно статью "Фольклор как особый вид творчества", русский перевод которой одно из советских издательств предполагает напечатать¹³⁶.

Как я уже просил тебя, проверь, пожалуйста, перевод. Перевел статью Б.Л. Огибенин¹³⁷, который тоже просит тебя проверить перевод. У меня имеется копия рукописи. Укажи только на какой странице и какие фразы следует исправить.

В конце января я послал тебе "Песни Киреевского" и "Н.К. Гудзий. Воспоминания", а также письмо. Получил ли ты это все? – Я назвал несколько книг, которые мог бы тебе послать. Напиши!

Слышали, что у Кристины вышла книга [128]. Поздравляем ее! Обнимаем тебя и Кристину.

Твой Петр. Тамара.

19.

[1970]

Переделкино,

Дорогой Роман!

Недавно получил письмо от Гавацци. Сообщает, что ты на торжествах 300-летия Загребского университета получил доктора honoris causa¹³⁸. Все мы поздравляем тебя сердечно еще с одним почетным "доктором". Гавацци едет с женой в августе в Таллин на Международный угро-финский конгресс. Хочет на несколько дней захватить в Ленинград. В Москве не будет. Пишет, что сетуешь на то, что я мало пишу. Ты прав. Я давно собираюсь тебе написать.

Начну с вопросов.

Вышли ли в свет 2-й и 3-й тома сборника твоих работ? И когда, наконец, выйдет 2-й т[ом] "Русск[ого] разговорник[а]" (копенгагенск[ого]) [120]? Жду его с нетерпением. Что нового готовишь к печати?

Ты, конечно, получил последний том VII-го Съезда антропологов и этнологов (Москва, 1964 г.), там твоя статья по славянской мифологии [23. 1970j; 24. VII]. Если не получил, или тебе нужен еще один экземпляр – напиши, я пришлю. Обязательно напиши о своих новых работах, а если есть отгиски – пришли.

¹³⁴ Речь идет о встречах Богатыревых и Якобсонов в Чехословакии во время VI Международного съезда славистов (август 1968 г.) и в последующие дни. Гавранки – семья чешского слависта, члена Пражского лингвистического кружка Б. Гавранка (1893–1978).

¹³⁵ К.К. Богатырев (род. 1958) – славист, специалист по акцентологии.

¹³⁶ Статья появилась в сборнике работ Богатырева [127].

¹³⁷ Б.Л. Огибенин – лингвист, востоковед, в настоящее время – профессор Страсбургского университета.

¹³⁸ Упомянутое событие имело место в декабре 1969 г.

Сравнительно недавно я послал тебе книгу Ревзиной¹³⁹ [129] и книгу П.Д. Ухова [103]. Есть ли у тебя предпоследний VI-й том VII-го съезда антропологов и этнологов с моей статьей "Tradition and improvisation" [130]?

Мы слышали, что Кристина прихворнула. Что с ней было? Поправилась ли она? Кристина обещала прислать свою книгу, но мы ее до сих пор не получили. Как будто кто-то в Москве ее видел. Над чем она сейчас работает? Как твоё здоровье? Где вы сейчас? Я и Тамара живём в Переделкине. Будем здесь до 13 августа, затем (16-го) едем в Тарту-Кяэрику, где опять будет симпозиум¹⁴⁰.

Очень нас огорчила смерть Эльзы¹⁴¹. Был ли ты на похоронах? В l'Humanité твоего имени среди присутствующих не упомянуто. Знаешь ли ты о наших последних печальных событиях? Умер Петр Саввич Кузнецов¹⁴², умерла Вера Дм[итриевна] Кузьмина, умерла Любовь Михайловна Эренбург¹⁴³, она умерла в больнице от сердечного приступа. Умер Корней Иванович Чуковский, похоронен рядом с Пастернаком.

Теперь о себе. Я здоров, только очень плохо у меня с глазами. Это здорово мешает работе и сильно нагружает Тамару. Без нее я бы пропал. Последние два года помимо работы в университете много времени отняла подготовка к печати моих сборников: русского [127], чешского [132] и словацкого¹⁴⁴. Русский сборник почти совсем готов и сдан в типографию, но выйдет не раньше первой половины 1971 г. В этот сборник вошли в переводе на русский язык: "Народный чешский и словацкий театр", "Actes magiques...", статья о Фоме и Ереме, наша статья "Фольклор как особая форма творчества", "Художественные средства ярмарочного фольклора", "Функция кроя на Моравском Словенску" и др[угие]. Предстоит много возни с корректурой.

Более или менее подготовлены чешский и словацкий сборники. Словацкий сборник выходит под ред[акцией] Бакоша¹⁴⁵, а чешский под ред[акцией] Коллара¹⁴⁶. В русском переводе все работы будут без изменений. Кроме "Народного чешского и словацкого театра". Здесь я внес ряд дополнений, в частности по русскому народному театру. "Функция кроя..." на английском яз[ыке] у Mouton'a продвигается медленно, хотя перевод и вступительная статья (Б.Л. Огибенин) готовы и в план издательства книга включена [133]. – Сдал в печать в сборник по семиотике статью "О взаимосвязи двух близких семиотических систем" (Кукольный театр и театр живых актеров) [126].

На симпозиуме в Тарту собираюсь сделать доклад о семантике сельского этикета в селе Velká nad veličkou [134].

В голове и черновиках много заготовок на разные темы, но опять глаза мешают. Начал работать над народными масками у разных славянских народов; есть кое-какой материал о сказовом стихе; много работал над "Пещным действием"; пытаюсь разобраться в заумном языке Акима из "Власти тьмы" и др.¹⁴⁷

Вот пока все.

Наши семейные дела. [...] Маленький Костя часто бывает у нас, по воскресеньям, а прошлое лето я с Петром взяли его с собой на Рижское море. В этом году он живет с

¹³⁹ О.Г. Ревзина (род. 1939) – лингвист, семиотик, участник Летних школ по вторичным семиотическим системам.

¹⁴⁰ Очередная (4-я) Летняя школа по вторичным моделирующим системам проводилась не в Кяэрику, как первые три, а в Тарту с 17 по 24 августа 1970 г.

¹⁴¹ Эльза Триоле (1896–1970) – французская писательница, сестра Л.Ю. Брик. О ее близких отношениях с Якобсоном, откликнувшегося на ее смерть заметкой [23. 1970n], см. [131].

¹⁴² П.С. Кузнецов (1899–1968) – языковед, представитель Международной фонологической школы.

¹⁴³ Л.М. Козинцева-Эренбург (1899–1970) – художница, жена И.Г. Эренбурга.

¹⁴⁴ Замысел словацкого сборника не был осуществлен.

¹⁴⁵ М. Бакош (1914–1972) – словацкий литературовед, эстетик, переводчик русской классической литературы, основатель философского факультета в университетах Братиславы и Праги. Был связан с русскими формалистами.

¹⁴⁶ Д. Коллар (род. 1931) – чешский языковед, специалист по русскому и словенскому синтаксису и лексикографии.

¹⁴⁷ Большинство замыслов осталось неосуществленными.

Сонинными родителями в Эстонии около Кяэрику. Хотим его навестить, когда там будем.

Мне (Тамаре) на днях минуло только... 80 лет!

Хотелось бы еще раз с вами пообедать у "Пеликана"!

У нас были в гостях Ногáлек из Праги¹⁴⁸, Вакарельски из Софии¹⁴⁹, Леонтий Копецкий из Праги¹⁵⁰. Женился Томаш Гавранек¹⁵¹, прислал приглашение на свадьбу.

Надеемся, что осенью приедет Соня из Брна¹⁵².

Вот и все. Будем ждать теперь твоего письма.

Костя много и хорошо работает. Перевел роман Клауса Манна "Мефистофель" [135], под его редакцией вышел сборник пьес Дюренматта [136] и пьеса в его переводе; выходит сборник Рильке, где довольно много и Костиных стихов [137].

Целую вас обоих и помним

Петр Тамара

Костя просил передать от него приветы Кристине и тебе.

У нас новый адрес (дом-то тот же!), улица переименована:

Москва, А-319, Красноармейская ул. д. 25, кв. 48.

P.S. Посылаю отпечаток статьи "Заметки о народном театре" [138] одновременно с письмом.

20.

[Телеграмма: 18 августа 1971 г.]

Сегодня восемнадцатого умер Петр.

Тамара Костя Богатыревы¹⁵³

21.

Москва, 5.IX.71.

Дорогой Роман!

21-го августа мы похоронили Петра. Это страшно писать! Будто сон. Вот-вот проснусь.

Случилось все неожиданно. Мы очень хорошо отдыхали под Москвой в доме писателей. Вернулись в Москву 12-го июля. Никакого недомогания, никаких болей Петр не чувствовал. Работал до последнего дня. Собирались еще на месяц в Переделкино. В ночь с 5-го на 6-е августа он почувствовал боль в области сердца, а утром 6-го его увезли с обширнейшим инфарктом в больницу, откуда он домой уже не вернулся. Он умер при мне в больнице 18 августа, в 12 ч. дня. Хотя врачи с первого момента говорили мне, что инфаркт очень тяжелый, да еще возраст (ему в январе 1972 г. минуло бы 79 л.), но хотелось верить, что Петр пересилит болезнь. Мы с Костей и Катей дежурили у него круглосуточно. Он все время, даже в бреду говорил о своих работах, планах. Продиктовал Косте несколько фраз об этикете. Он в прошлом году в "Летней школе" у Лотмана сделал доклад о сельском этикете. Мне он говорил о ярмарочных песнях в комедиях Шекспира. В то утро перед самой смертью он мне сказал: "У меня столько планов, столько идей. Ты должна все записать". На мою просьбу не думать ни о чем, лежать совсем спокойно, он ответил: "Мне приятно что у меня еще есть идеи, значит я еще человек". В это утро за час до смерти он мне

¹⁴⁸ К. Горалек (1908–1992) – чешский филолог, специалист по сравнительной фольклористике и фольклористической терминологии, первый председатель Международной комиссии славянского фольклора (одной из комиссий при Международном комитете славистов).

¹⁴⁹ Х. Вакарельский (1896–1979) – известный болгарский этнограф и фольклорист.

¹⁵⁰ Л.В. Копецкий (1894–1976) – чешский русист, специалист по лексикологии и лексикографии.

¹⁵¹ Томаш Гавранек (1947–1991) – сын Б. Гавранка.

¹⁵² С.Н. Гаасова.

¹⁵³ Якобсон откликнулся на сообщение телеграммой: "Скорбим с вами об утрате великого ученого, замечательного человека, вернейшего друга. Роман." (черновик).

сказал: "Мы отпразднуем твой день рождения, а затем день рождения Романа и откупим бутылку сливовицы". Нам из Праги привезли сливовицы и мы действительно мечтали с Петром пригласить всех "структуралистов" и отметить твое 75-тилетие, как мы отметили твое 70-тилетие.

Он очень много работал над Псковским разговорником, ему была заказана статья о нем. Он был им очень увлечен, не отрывался от него. Я ему весь месяц в Доме творчества читала его. Там же написал для готовящегося сборника воспоминаний об Эренбурге свои воспоминания о нем¹⁵⁴. Трудно вообще перечислить все над чем он работал, сколько заготовок у него было. Он начал доклад о сказовом стихе для съезда в Варшаве¹⁵⁵, работал над масками, готовил статью о языке Акима (Власть тьмы).

Большим событием и счастьем был для него выход его книги "Вопросы теории" [127]. Он послал ее тебе. Получил ли ты ее? Он очень ждал твоего отклика¹⁵⁶. Незадолго до болезни он получил твой оттиск. Как обидно, что он не дожид до выхода чешского сборника [132], но он успел получить письмо от Колара из Праги, что в августе ему будет прислана корректура книги.

В день его смерти из Праги вернулась аспирантка Петра, которая мне сообщила, что она видела у Колара уже почти совсем готовую книгу. У Мутона должна также выйти скоро его книга "Функция края" [133]. Осенью Петр должен был поехать в Варшаву, он был приглашен Варшавским университетом для прочтения курса лекций в университете, а в ноябре он должен был поехать в Словакию.

Хоронил Петра университет совместно с Моск[овским] отделением Союза писателей. В университете была гражданская панихида, но перед этим было отпевание в церкви. Несмотря на каникулы, и в церкви, и в университете было очень много народу. В университете говорил Шкловский.

Я получила очень много телеграмм и писем: из Союза, очень много из Праги, Братиславы, Брна, все они проникнуты трогательной искренней любовью к Петру. Сейчас мы заняты библиотекой Петра и разборкой его архива. Небольшую часть библиотеки купил Институт этнографии. Воронежский университет хочет купить всю библиотеку¹⁵⁷.

Закончатся эти последние заботы о Петре и моя жизнь совершенно опустеет. Мы прожили с ним долгую хорошую, интересную жизнь. Я ему благодарна за все.

Знаешь ли ты, что умерла сестра Сони – Татьяна¹⁵⁸? 15 июня мы были на ее похоронах. Через день мы с Петром уехали, а через два месяца я хоронила Петра.

Мы были бы бесконечно рады, если бы вы написали нам
Целую тебя и Кристину крепко

Тамара

Костя хочет сам тебе написать.

22.

15 сент[ября] 1971 г.]

Дорогая, дорогая Тамара,

твоя горестная весть о кончине Петра пришла в моем отсутствии и пролежала несколько дней в университете, и потому я так поздно откликнулся телеграммой,

¹⁵⁴В сборник [139] воспоминания Богатырева не вошли.

¹⁵⁵Имеется в виду VII Международный съезд славистов.

¹⁵⁶Непосредственного отклика Якобсона на сборник не было, однако, через несколько лет, он посвятил Богатыреву отдельную статью "Petr Bogatyrev (29.I.93 – 18.VIII.71): Expert in Transfiguration" [23. 1976f; 24.VII]. Рецензии на книгу Богатырева появились уже после его смерти [140–143].

¹⁵⁷Вскоре после кончины Богатырева его воронежские ученики и коллеги решили приобрести для университета его книжное собрание, что и было частично осуществлено [144].

¹⁵⁸Т.е., сестра С.Н. Гаасовой.

накануне отъезда сперва в Варшаву, а оттуда сюда в Париж, на пленарное собрание международного комитета славистов.

С Петром для меня ушел самый дорогой и близкий мне друг, с которым я был душевно связан в течение пятидесяти семи лет, с нашей первой встречи, в день моей записи в студенты Моск[овского] университета. Мы делили с ним радости и горести, творческие помыслы и обыденные заботы. Как я радовался его письмам, полным новых исканий и научных проектов до самых последних лет. Я расскажу о Петре, его пытливых мыслях, планах и достижениях во франц[узском] антропологическом журнале "L'homme" и только что договорился об этом с редактором Леви-Строссом¹⁵⁹. Как я рад, что Петр еще видел свою чудесную русскую книгу, а ко мне с его сердечным посвящением она попала в руки только две недели т[ому] н[азад], и так обидно, что не мог уже ему отозваться – написать. Не думал, что наша последняя встреча окажется воистину последней с ним. На днях получил его англ[ийскую] книгу [101]; как жаль, что Петр ее не дождался. В душе моей осталась неизгладимая пустота одиночества, и мнится: очередь за мной. Знаю, как тяжело Тебе и Косте, но верю, что то, что Петр написал о Тебе в своей книге будет Тебе отрадой и напутствием. Ты была ему взаправду и женой, и великим, самоотверженным другом, и забота о его литературном наследии будет для Тебя и трудной, и светлой задачей. Обоих оба крепко обнимаем. Помни обо мне, если могу Тебе чем помочь. Пиши мне домой, дорогая. Вернусь туда в начале октября. До чего хотелось бы побеседовать с вами и с Тобой рука об руку погрустить.

Твой и Ваш Роман

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горьянов А.Н.* Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов: некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 78–89.
2. *Робинсон М.А., Сазонова Л.И.* О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В.Н. Перетца М.Н. Сперанскому // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 258–471.
3. *Робинсон М.А., Петровский Л.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубетцкой: проблема евразийства в контексте "дела славистов" (по материалам ОГПУ – НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 74; *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994. С. 80.
4. *Toman J.* The Magic of a Common Language. Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle. Cambridge; Mass., 1995.
5. Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles. 1912–1945. / Ed. by J. Toman. Ann Arbor, 1994.
6. Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана / Пред., сост. и подгот. текстов А.А. Жук. Публ. В.В. Прозорова // Russian Studies. СПб. 1995. Т. 1–2. С. 255–325.
7. Письма Р.О. Якобсона М.Н. Сперанскому и Л.В. Щербе / Публ. М.А. Робинсона и М.Ю. Досталь // Известия ОЛЯ. 1995. Т. 54. № 6. С. 63–71.
8. Письма П.Г. Богатырева к М.К. Азадовскому / Публ. подг. С.П. Сорокина // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж. Вып. 1. 1993. С. 138–149.
9. Письма П.Г. Богатырева к Д.К. Зеленину / Подгот. к публ., предисл. и комм. А.М. Решетова // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 126–132.
10. Письма П.Г. Богатырева Д.К. Зеленину / Публ. А.М. Решетова // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 330–346.
11. *Робинсон М.А., Досталь М.Ю.* Переписка Р.О. Якобсона и П.Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4. С. 69–91.

¹⁵⁹Статья Якобсона о Богатыреве появилась позже, в другом издании (см. сн. 156).

12. Толстой Н.И. Петр Григорьевич Богатырев и Роман Осипович Якобсон // Живая старина. 1994. № 1. С. 10–13.
13. Василенок С. Министерство высшего образования поощряет низкопоклонство // Литературная газета. 1947. 15 ноября. № 55. С. 3.
14. Соколова В.К. Дискуссии по вопросам фольклористики на заседаниях Сектора Фольклора Института этнографии // Советская этнография. 1948. № 3. С. 139–146.
15. Чичеров В. Обсуждение на заседаниях ученого совета Института этнографии основных недостатков и задач работы советских фольклористов // Советская этнография. 1948. № 3. С. 146–163.
16. Поэт-переводчик Константин Богатырев: Друг немецкой литературы // Arbeiten und Texte zur Slavistik. Т. 25. München, 1982.
17. Pamiętnik słowiański. 1955. Т. 5. S. 217–223.
18. Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15–21.IX.1955). Beograd, 1957.
19. Новое русское слово [Нью-Йорк]. 1956. 20 IV. № 15637. С. 1.
20. Higgins M. Emigre Professor in U.S. Invited to Visit Moscow // New York Herald Tribune. 1956. 19 IV. P. 1.
21. Nabokov V. Selected Letters: 1940–1977 / Ed. by D. Nabokov and M.J. Bruccoli. New York, 1989.
22. La poésie russe: anthologie. Reunie et publiee sous la direction de Elsa Triolet. Paris, 1965.
23. Roman Jakobson 1896–1982. A Complete Bibliography of his Writings / Comp. and ed. by Stephen Rudy. Berlin; New York, 1990.
24. Jakobson R. Selected Writings. Vols. I–VIII. The Hague; Paris; New York / Berlin; Amsterdam; New York, 1962–1988.
25. Катанян В. Маяковский: хроника жизни и деятельности. М., 1985.
26. Дувакин В.Д. "Окна РОСТА" В.В. Маяковского. М., 1954.
27. A Bibliography of the Publications of Roman Jakobson // For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956 / Comp. by M. Halle et al. The Hague, 1956. P. 1–12.
28. Besharov J. Imagery of the Igor' Tale in the Light of Byzantino-slavic Theory. Leiden, 1956.
29. Якобсон Р. Работы по поэтике / Вступ. статья Вяч.Вс. Иванова. / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М., 1987.
30. Pirkova-Jakobson S. Slavic Folklore // Funk and Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend / Ed. by Maria Leach. New York, 1950. Vol. 1–2. P. 1019–1025.
31. Якобсон Р., Поморска К. Беседы. Иерусалим, 1982.
32. Rudy S. Jakobson–Aljagrov and Futurism // Language, Poetry and Poetics: The Generation of the 1890s: Jakobson, Trubetzkoy, Majakovskij / Ed. K. Pomorska et al. Berlin; New York; Amsterdam, 1987. P. 277–290.
33. Vallier D. Intimations of a Linguist: Jakobson as Poet // Language, Poetry and Poetics... Berlin; New York; Amsterdam, 1987. P. 291–304.
34. Миклошич Ф. Изобразительные средства славянского эпоса / Пер. А.Е. Грузинского. М., 1895.
35. Квитка К. Избранные труды. В 2-х т. М., 1971.
36. Квитка К. Спільне в ритмиці та мелодиці болгарських і українських народних пісень // Народна творчість та етнографія. Київ, 1963, № 4. С. 56–64.
37. Позднеев А.В. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград // Старинная русская повесть. / Ред. Н.К. Гудзия. М., 1941. С. 135–196.
38. Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие. Изд. 2-е, доп., испр. / Под ред. П.Г. Богатырева. М., 1957.
39. Гашек Я. Похождения храброго солдата Швейка. Казань, 1956.
40. Иванов Вяч.Вс. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 5–22.
41. Евгеньева А.Л. Язык русской устной поэзии (Синонимия) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 168–212.
42. Позднеев А.В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв. Из истории песенной силлабической поэзии. М., 1996.

43. Horak J. *Náše lidová píseň*. Praha, 1946.
44. Zíbrt Č. *Veselé chvíle v životě lidu českého*. Praha, 1950.
45. Дюрович Л. Александр Васильевич Исаченко (1910–1978) // *Russian Linguistics*. 1979. Vol. 4. № 2. P. 117–127.
46. Исаченко А.В. *Словацко-русский переводной словарь*. В сопр. с Д. Коларом и Я. Комаровским. Братислава, 1958. Т. 2.
47. For Roman Jakobson: *Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956* / Comp. by M. Halle et al. The Hague, 1956.
48. Гусев В. Всесоюзное совещание по древней русской литературе // *Вопросы литературы*. 1957. № 5. С. 250–251;
49. III Всесоюзное совещание по древнерусской литературе // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 515–516.
50. Николай Каллининович Гудзий. К 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности. [М.], 1957.
51. Виноградов В.В. *Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка*. М., 1958.
52. Gudzi N.K. *The Artistic Heritage of Early Russian Literature* // *Oxford Slavonic Papers*. 1957. Vol. VII. P. 17–26.
53. Еремин И.П. О художественной специфике древнерусской литературы // *Русская литература*. 1958. № 1. С. 75–82.
54. Мецкерский Н.А. *Искусство перевода в Киевской Руси* // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 54–72.
55. Лихачев Д.С. К вопросу о зарождении литературных направлений в древней Руси // *Русская литература*. 1958. № 2. С. 3–13.
56. Čiževsky Dm. *Outline of Comparative Slavic Literatures*. Boston, 1952.
57. Лихачев Д.С. *Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили*. Л., 1973.
58. Адрианова-Перетц В.П. К вопросу изображения "внутреннего человека" в русской литературе XI–XIV веков // *Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков*. М.; Л., 1958. С. 15–24.
59. Шахматов М., Чижевский Д. *Платон в древней Руси* // *Записки Русского исторического общества*. Прага. 1931. Т. 2. С. 49–81.
60. Перетц В.Н. *Сведения об античном мире в древней Руси XI–XIV вв.* // *Гермес, иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира*. 1917. Т. 21. № 13–14. С. 205–210; № 15–16. С. 227–229; № 17–18. С. 243–247; № 19–20. С. 259–262; 1918. Т. 23. Август-декабрь [8–12]. С. 180–185.
61. *Список печатных трудов академика В.Н. Перетца* // *Перетц В.Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков*. М.; Л., 1962. С. 234–253.
62. Кузьмина В.Д. *Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков Девгениево деяния* // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 73–77.
63. *Труды Государственной публичной библиотеки*. 1958. Т. 5(8). С. 7–68.
64. Розов Н.Н. *Остромирово евангелие в Публичной библиотеке (150 лет хранения и изучения)* // *Труды Государственной публичной библиотеки*. Л., 1958. Т. 5(8). С. 9–32.
65. Львов А.С. *Особенности в лексиката на Остромировото евангелие* // *Български език*. София, 1958. Т. VIII. Кн. 3. С. 209–233.
66. Львов А.С. *О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности*. // *Сборник статей к 70-летию В.В. Виноградова*. М., 1965. С. 199–203.
67. *ТОДРЛ*. Л., 1962. Т. 18.
68. Загребин В.М. *Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987)* // *ТОДРЛ*. Л., 1989. Т. 42. С. 452–455.
69. Богатырев П.Г. *Обзор переводов "Слова о полку Игореве", вышедших в Чехословакии после второй мировой войны* // *ТОДРЛ*. 1954. Т. 10. С. 255–259.
70. Rieger J. *Antonina Obreńska-Jabłońska* // *Slavia Orientalis*. 1995. Т. 44. № 2. С. 181–186.
71. Яновский Н.Л. *В. Азадовская* // *Сибирь*. 1985. № 2. С. 94–102.

72. Б.В. Томашевский. Некролог // Литературная газета. 1957. № 103.
73. *Томашевский Б.* Пушкин. (1813–1824). М.; Л., 1956. Кн. 1.
74. *Томашевский Б.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2: Материалы к монографии (1824–1837).
75. *Богатырев П.К.* К вопросу о сравнительном изучении народного словесного, изобразительного и хореографического искусства у славян // F. Wollmanovi k sedmdesatinám. Praha. 1958. S. 373–382.
76. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. М., 1958.
77. Основные проблемы эпоса восточных славян. М. 1958.
78. *Богатырев П.Г.* Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. М., 1958.
79. *Алексеева О.Б., Емельянов Л.И.* Научная сессия, посвященная 70-летию А.М. Астаховой // Русский фольклор. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 326–331.
80. *Murko M.* Nynější stav jihoslovanské národní epiky // Národopisný věstník československý. Praha, 1929. Ročn. XII.
81. *Mait J.* Die Entwicklungsbedingungen der epischer Volksdichtung bei den Slaven // Jahrbucher fur Kultur und Geschichte der Slaven. N.F. B.V, H.I, Breslau, № 6–7.
82. Serta Slavica in Memoriam Aloisii Schmaus. Gedenkschrift für Alois Schmaus. Heraus. W. Gesemann et al. München, 1971.
83. *Schmaus A.* Eine erpenkundliches Experiment // Die Welt der Slaven. Jahrg. 1, Heft 3, 1956. S. 322–333.
84. *Лорд А.Б.* Сказитель. / Пер. и комм. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М., 1994.
85. Srpskohrvatske junačke pjesme. Skupio Milman Parry / Uredio Albert Bates Lord. Serbocroatian Heroic Songs collected by M. Parry / Ed. by A.B. Lord. Beograd and Cambridge, 1953–1954. Кн. 1–2.
86. *Андрейчин Л.* Основни черти в езика и стила на народната песен // Българско народно творчество. Сборник статии под редакцията на Генчо Керкмидчиев. София. 1950. С. 236–251.
87. *Евгеньева А.П.* О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII–XIX вв. (Постоянный эпитет) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 7. С. 154–189.
88. *Астахова А.М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск. 1948.
89. Учен. зап. Ленинградского педагогического ин-та. Л., 1956. Т. 15. Факультет языка и литературы. Вып. 4.
90. Доклады советской делегации. IV Международный съезд славистов (Москва, сентябрь 1958). М., 1958.
91. *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958.
92. *Томашевский Б.В.* Стих и язык. М., 1958.
93. *Богатырев П.Г.* Пушкин у западных и южных славян // Славянский сборник. Воронеж, 1958. Т. 2. С. 5–31.
94. Revue des études slaves. 1957. Tome 34, fascicules 1–4.
95. Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958. 'S-Gravenhage, 1958.
96. *Брик О.М.* Звуковые повторы // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1917. Вып. 2. С. 24–62.
97. *Pirkova-Jakobson S.* Some Symbols in Slavic Ritual Folklore: The Whitsun Ride of Kings // American Contributions to the 4th International Congress of Slavists, Moscow, September 1958. The Hague, 1958. P. 279–300.
98. Сборник ответов на вопросы по языкознанию. IV Международный съезд славистов. М., 1958.
99. *Oravec J.* Reč ľudových piesní a nárečová norma // Jazykovedné štúdie, II – Dialektológia. Bratislava, 1957.
100. *Богатырев П.Г.* О языке славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75–86.

101. *Богатырев П.Г.* Новые работы по филигранологии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 660–667.
102. *Богатырев П.Г.* Časopis pro slovanské jazyky, literaturu a dějiny SSSR. Vydává Č-sovět. Institut ČSAV. № 1–2, 3–4. 1956 [рецензия] // Известия ОЛЯ. 1957. Т. 16. С. 548–555.
103. *Ухов П.Д.* Атрибуции русских былин. М., 1970.
104. *Богатырев П.Г.* Добавочные гласные в народной песне и их функции (О языке славянских народных песен и его отношение к разговорной речи) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963). М., 1963. С. 349–398.
105. *Богатырев П.Г.* Выкрики разносчиков и бродячих ремесленников – знаки рекламы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. М., 1962. С. 37–49.
106. *Lévi-Strauss C.* Anthropologie structurale. Paris, 1958.
107. *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian – Pskov 1607 / Ed. by L.L. Hammerich, R. Jakobson, E. van Schooneveld, T. Starck, and Ad. Stender-Petersen.* Copenhagen, 1961. Vol. 1.
108. *Богатырев П.Г.* Словацкие эпические рассказы и лироэпические песни ("Збойницкий цикл"). М., 1963.
109. *Кагарлицкий Ю.И.* Герберт Уэллс. М., 1963.
110. Воспоминания Милована Гавацци // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 321–323.
111. *Богатырев П.Г.* Своеобразное бессмертие эпического героя // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 15. Budapest. 1966. P. 223–232.
112. *Богатырев П.Г.* Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказок и песен о Ереме и Фоме // To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday, 11 October 1966. 3 vols. The Hague; Paris. 1967. Vol. 1. P. 318–334.
113. *Гашек Я.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1966.
114. Глазами словацкого друга. Дневник и воспоминания Альберта Шкарвана / Публикация и перевод П.Г. Богатырева // Толстой и зарубежный мир. М., 1965. Кн. 2. С. 121–166. (Литературное наследство. Т. 75).
115. *Бараг Л.Г.* О традиционной стилистической форме белорусских сказок и ее изменениях // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1964. Вып. 1. С. 201–232. (Учен. зап. Башкирского гос. ун-в., Вып. 17. Серия филологических наук. № 7(11)).
116. *Богатырев П.Г.* Функции лейтмотивов в русской былине // Literatura – komparatystyka – folklor. Księga poświęcona Julianowi Krzyżanowskiemu. Warszawa. 1968. S. 693–709.
117. *Lewin P.* Intermedia wschodniosłowiańskie XVI–XVIII wieku. Wrocław, 1967.
118. *Bogatyrev P., Jakobson R.* Die Folklore als eine besondere Form der Schaffens // Verzaameling van Opstellen door Oudleerlingen en Bevriende Vakgenooten. Donum Natalicium Schrijnen 3. Mei. 1929, Nijmegen–Utrecht. 1929. S. 900–913.
119. *Богатырев П.Г.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 294–336.
120. *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian – Pskov 1607 / Ed. by L. Hammerich and R. Jakobson.* Copenhagen, 1970. Vol. 2.
121. Песни, собранные писателями. Из архива П.В. Киреевского. М., 1968 (Литературное наследство. Т. 79).
122. *Богатырев П.Г.* Друг фольклористов // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 114–118.
123. *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966.
124. *Адрианова-Перетц В.П.* "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI–XIII вв. Л., 1968.
125. *Выготский Л.С.* Психология искусства. Изд. 2-е, испр., доп. М., 1968.

126. *Богатырев П.Г.* О взаимосвязи двух близких семиотических систем. (Кукольный театр и театр живых актеров) // Труды по знаковым системам. Тарту. 1973. VI. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 308). С. 306–329.
127. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М. 1971.
128. *Potorska K.* Russian Formalist Theory and its Poetic Ambiance. The Hague – Paris, 1968.
129. *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.
130. *Bogatyrev P.* Tradition and Improvisation in Folk Art // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва. 3–10 августа. М., 1969. Т. 6. С. 228–233.
131. Якобсон-будетлянин: Сборник материалов. / Сост., подгот. текста, предисл. и комм. Б. Янгфельдта. Стокгольм, 1992.
132. *Bogatyrev P.* Souvislosti tvorby. Cesty k strukturé lidové kultury a divadla / Red. J. Kolar. Praha, 1971.
133. *Bogatyrev P.* The Functions of Folk Costume in Moravian Slovakia. Trans. by Richard G. Crum. The Hague–Paris, 1971.
134. *Богатырев П.Г.* Семантика и функция сельского этикета // Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. 17–24 августа 1970 г. Тарту, 1970. С. 67–71.
135. *Манн К.* Мефистофель. М., 1970.
136. *Дюрренматт Ф.* Комедии. М., 1969.
137. *Рильке Р.М.* Ворпсведе. М., 1971.
138. *Богатырев А.Г.* Le théâtre populaire tchèqe et slovaque // Interscena – 69. 1969. I–III. S. 1–23.
139. Воспоминания об Илье Эренбурге / Сост. Г. Белой и Л. Лазаревой. М., 1975.
140. *Чистов К.В.* П.Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства [Рецензия] // Советская этнография. 1971. № 6. С. 175–178.
141. *Померанцева Э.В.* Вопросы теории народного искусства [Рецензия] // Вопросы литературы. 1972. № 5. С. 232–239.
142. *Померанцева Э.* "Вопросы теории народного искусства" [Рецензия] // Декоративное искусство. 1972. № 5(174). С. 49–50.
143. *Лихачев Д.С.* П.Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства [Рецензия] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. Вып. 1. С. 76–79.
144. *Федосова Н.М.* Мемориальный фонд П.Г. Богатырева в научной библиотеке ВГУ // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 156–158.

© 1997 г. ЗАДОРЖНИК Э.Г.

"ПОДЛИННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ЭТО РЕВОЛЮЦИЯ РЕФОРМИСТСКАЯ"

(ИЗ КНИГИ Т.Г. МАСАРИКА "РОССИЯ И ЕВРОПА")

Имя Томаша Гаррига Масарика (1850–1937) вновь зазвучало в полную мощь в Чехословакии, а вслед за этим в регионе Центральной Европы, а затем в России с конца 1989 г. До этого времени работы о Масарике выходили лишь на Западе, но силовое притяжение его идей, его личности, его политического авторитета, конечно же, ощущалось. Разумеется, чешские и словацкие историки могли готовить о нем монографии и в те времена, но контуры этой фигуры вписывались скорее в историю прошлого, чем в контекст настоящего.

События конца 80-х годов в странах Центральной Европы в корне изменили ситуацию. "Малые народы" – конечно же, ни один из них не согласится с этим в свое время громким, креативным и обоснованным определением Т.Г. Масарика, данным им в ходе первой мировой войны, – вступили как самостоятельная сила на историческую арену, отказались от регламентированных извне (в рамках Варшавского договора) и изнутри (обязательность коммунистической идеологии) рамок политической активности, вышли на улицы и создали свои властные структуры.

Изменилось все – но все ли изменилось? Эта парадоксальная постановка вопроса вызвана тем, что современный период истории стран Центральной Европы надо соотносить с историей их становления в XX в. И здесь фигура Масарика становится ключевой.

Т.Г. Масарик, 60-летие со дня смерти которого будет отмечаться 14 сентября 1997 г., – фигура первого ряда в политической жизни Центральной Европы первой трети XX в. Пожалуй, это был наиболее компетентный, смелый и честный политик – если таковые возможны вообще. Один из главных источников его компетентности – глубокое знание славянского вопроса, и, в частности, России, во всеевропейском контексте. Свидетельством чему является вышедшая на немецком языке к 300-летию дома Романовых двухтомная монография "Россия и Европа" [1]. Как рассказывал сам Масарик, в 1909 г. к нему обратился немецкий издатель Дидерихс с просьбой написать книгу о России. Личный архивист Масарика А. Гашпарикова-Горакова писала в 1931 г., что Дидерихс мотивировал свою просьбу "растущим немецким интересом к славянскому востоку" [2].

Задорожник Элла Григорьевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

* Русский перевод дан впервые по: T.G. Masaryk. *Rusko a Evropa. Studie o duchovních proudech v Rusku. Díl II. Část 2. až 5. a díl III. Část 1. Ústav T.G. Masaryka. Praha, 1996. Sv. 2. s. 405–431.*

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 96-03-04428.

Что касается отечественного читателя, то книга Т.Г. Масарика была запрещена к ввозу даже на немецком языке до 1917 г. за антиправительственную направленность, а после – за антиреволюционную. При благоприятном стечении обстоятельств она может прийти к русскоязычному читателю лишь к 85-летию ее выпуска на немецком языке или 80-летию образования Чехословацкого государства. Что, конечно же, удручает, ибо данная работа является основополагающей по проблеме соотносительности России и Европы.

Восстановленный в 1990 г. Институт Т.Г. Масарика в Праге выпустил в 1995–1996 гг. наиболее полное, пересмотренное (во многих частях) и доработанное издание книги на чешском языке [3]. Оно включает и третий том, изданный в Лондоне в 1967 г. при активном участии дочери Т.Г. Масарика Алисы. Отрывки из этого тома опубликованы в журнале "Rossica" [4]. В предисловии к ним чешский славист Фр. Каутман отмечает: «Произведение "Россия и Европа", написанное первоначально по-немецки, издаваемое, однако, одновременно в чешском авторизованном переводе, сделало Масарика общепризнанным европейским и даже мировым авторитетом среди знатоков России. Первая мировая война доказала, сколь серьезной проблемой является Россия для Европы и мира и как от решения вопроса взаимоотношения России и Европы зависит дальнейшие судьбы человечества» [5].

С опорой на это издание впервые предлагается перевод заключительной главы второго тома (параграфы 203–215), в котором рассматривается ключевая для Масарика проблема – и как социального мыслителя, и как теоретика славянского вопроса, и как политического деятеля: демократия против теократии.

Предлагая отечественному читателю настоящий фрагмент, мы надеемся не только воспроизвести мысли одного из ведущих славянских мыслителей и политиков о России, славянстве и Западной Европе, но и помочь разобраться в современных проблемах идентификации многих явлений социально-политического, этнопсихологического и историко-культурного характера.

Славянские народы, считал Масарик, шагнули вперед в своем социальном развитии в направлении демократизма – вслед за Западом, в России же укреплялся теократический принцип. В этом – трагедия настоящего. Трагедией же грядущего является неизбежность насильственной революции, которую Масарик предвидел в заключительных разделах книги.

Столкновение принципов *теократии* (системы аристократизма во главе с самодержцем в политической сфере и "православного католицизма" в области идеологии) и *демократии* (верховенства права, парламентаризма, народного самоуправления в политике и свободомыслия в области идеологии) не может не проявиться как революция (в основном анархическая и нигилистическая, в условиях России). Отсюда новые опасности для Европы того времени, включая славянские народы, как имевшие государственность, так и нет.

Год спустя после выхода книги разразилась война, которая была инициирована как раз западноевропейскими государствами. А год спустя после смерти Масарика Чехословацкое государство было разрушено – тоже под напором Запада (агрессия ближней Германии, не сдержанная дальними Францией и Англией). Эти два события надо иметь в виду при рассмотрении заключительных положений книги Масарика. Особенно интересно соотносить его оценки и прогнозы с современным состоянием вещей, которое характеризуется чрезмерной устремленностью ряда центрально-европейских стран к Западу.

В свое время дипломат А.М. Горчаков (1798–1883) ввел метафору "европейский концерт", который обозначал внешнеполитическое равновесие в этой части света. Время от времени в этом концерте могут звучать доминирующие, а то и всезаглушающие ноты. Иногда голоса малых государств не звучат, а иногда слишком поспешно подстраиваются под другие тона. И чтобы разобраться в этом многоголосии, нужно еще и еще раз внимательно перечитать книгу Т.Г. Масарика на фоне происходящих событий.

Т.Г. Масарик более 100 лет тому назад (работа "Чешский вопрос", 1895) призывал славянские народы, проживавшие в центре Европы, проводить самостоятельную политику, без оглядки на мощную (но абсолютистскую) Россию и демократический (но агрессивный в лице Германии) Запад. В книге "Россия и Европа" эта позиция усилилась. Четкое осознание статуса и потенциала Чехословакии Масариком-политиком можно вывести из его глубоких исследований срединного положения этого государства в Европе. Именно в данном контексте книга Т.Г. Масарика "Россия и Европа", прежде всего заключительные ее части, интересна и сегодня.

ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

203. Это исследование вполне могло бы быть озаглавлено "Русская революция", ибо со времен Петра Великого Россия постоянно находилась в состоянии хронической революции, а проблема революции была одним из ведущих предметов обсуждения для всех философов истории и политиков. Со всей определенностью можно было бы сказать, что проблема революции – это русская проблема. [...]

Понятие революции достаточно верно определяется текущей терминологией; как правило, различаются "путч", "переворот", "бунт", "мятеж", проводится различие между "восстанием" и "революцией", ибо последняя рассматривается как полное переустройство сверху донизу. Именно в таком смысле говорят и о революции "окончательной".

Опять-таки от революции отличается "гражданская война". Мы также разделяем "революцию сверху" от "революции снизу": "реакция" также является революцией, поскольку таковая представляет собой контрреволюцию.

В большинстве случаев понятие "революция" соотносится с кровопролитием, хотя, конечно, идея революции допускает свое осуществление и без кровопролития, даже если и предполагает применение силы, в том числе и вооруженной.

Вся приведенная выше терминология представляет собой условно правильную классификацию либо же хотя бы обзор различных типов революции, и мы можем ограничиться простым перечислением разнообразных обозначений, не претендуя на попытку дать более точные определения.

Что касается России, здесь особенно важно осмыслить различие между массовой революцией и индивидуальными революционными действиями – терроризмом, о чем в предшествующих разделах, касавшихся истории русской революции и учения о революции, было более чем достаточно сказано.

При обычном употреблении понятия "революция" – без дальнейших уточнений – имеется в виду политическая революция. Но в то же время можно указать на революции неполитические: религиозную, нравственную и церковную, философскую и научную, литературную и художественную революции. Очень много говорится об экономической и социальной революции капитализма.

Различение между вышеперечисленными вариантами революции в первую очередь коренится в разнице причин и мотивации ее возникновения. Существует большое различие в том, как возникает революция: в одних случаях она может возникнуть в результате временных либо же достаточно длительное время продолжающихся неудовольствий; ее целью в таком случае становится просто отставка одного-двух неугодных лиц, принятие отдельных мер или появление новых установлений. И совсем другое дело, если должно быть достигнуто в соответствии с определенным планом улучшение политического и общественного строя в целом.[...]

204. [...] Все революции, включая также и коренные преобразования в умственной сфере, должны быть оценены по этическим канонам. И философский или литературный критик, и каждый сознательный и честный рабочий не должны избегать ответа на поставленный перед собой же вопрос: как будут восприняты их слова и дела. Безусловно, мыслитель не может ответить за все интерпретации, которые будут выводиться из его идей; но честно мыслящий человек все же обращает внимание на окружение, в которое он помещает свою работу, он принимает к сведению

умственные способности тех, кому будут предназначены его идеи. Мысль – социальна, мы размышляем с другими и все вместе.[...]

Со времен Белинского и Герцена для русских мыслителей этическая проблема революции начала сопрягаться с вопросом, позволено ли для ее целей преступление и убийство. Ропшин осознал, что, будучи революционером, он не просто должен жертвовать своей жизнью, но и побуждать себя казнить других, и он спросил себя: А имею ли я право убивать? Ответ может быть лишь один: нет! Человек не может брать на себя роль Бога по отношению к своему ближнему. В соответствии с этикой гуманизма, священна любая человеческая жизнь – без всяких различий. Ни один человек не имеет права лишить жизни своего ближнего. Этот гуманистический закон применим для всех людей – без исключения. Он применим также и к властителям.[...]

Дальнейшее установление гуманистической этики заключается в том, что человек может и даже должен выступить против угроз физической и духовной жизни. И это справедливо при всех обстоятельствах – от кого бы ни исходила та или иная угроза. Каждый должен бороться против применения силы и насилия. Учение Толстого о непротивлении злу неверно – справедливо лишь то, что защищающийся имеет право лишь обороняться. Насилие противника не дает ему права прибегать к насилию![...]

Я утверждаю: революция может быть правомочным способом установления демократии. Лишь может, ибо есть революции реакционные, недемократические, непрогрессивные. Революции бывают также и бесполезными.

Собственно характер революции зависит от ее мотивации и цели. Поэтому в понятийном плане мы и отличаем эфемерные путчи и им подобные от продуманной, сознательной, ориентированной на реформы революции. В то же время и восстания, возникающие под давлением отчаяния, беды, голода, нам следует оценивать этически более взвешенно; Гете, великий аристократ, обвинял власть в возникновении революции, народ якобы невиновен в этом никогда.[...]

Подлинная революция – это революция реформистская, вследствие чего ее защитники и проповедники всегда подчеркивали важность духовной подготовки – лишь тогда продуманная и планомерно проведенная революция будет иметь ожидаемый успех.

Можно без всяких колебаний признать, что не все революционеры обладают необходимой терпимостью. Но ныне это можно сказать и по отношению ко всем остальным, так как люди неоправданно часто прибегают к насилию. Это видно из примера войн, которые, как и революции, могут быть признаны справедливыми, но чаще служат лишь насильственным целям, для порабощения. Говоря в целом, люди все еще постоянно и повсеместно растрачивают свои жизненные силы и прямо или косвенно создают царство смерти. Не убий! – эта заповедь имеет всеобщее значение – для каждого случая. Она означает, что каждый сознательный человек должен из всех сил беречь жизненные силы, как свои, так и своего ближнего.

С этической точки зрения имеют весьма серьезные недостатки нынешние государственные институты и администрация, и именно по этой причине можно оправдать кровавую революцию. Пока государство, в первую очередь "богоданная" монархия, полагаются не только в своих внешних, но и внутренних делах по существу только на свою армию, пока существуют войны, пока допускается смертная казнь, до тех пор многие недовольные будут прибегать именно к тем средствам, с которыми их познакомилло государство, восстание, бунт и так далее – это зачастую проявление недовольных, не имеющих планов; при такой же бесплановости государственного управления вступают в действие такие просто эндемические проявления недовольства, когда *ex post* придумываются планы реформ, и реформы осуществляются. Оксенштерна (Аксель Оксенштерна, 1583–1654, граф, шведский государственный деятель – Э.З.) был прав, утверждая, что каждое правительство имеет революцию, которую заслуживает: теократический абсолютизм, прибегая к насилию, является причиной революционного антинасилия.[...]

207. [...] Для более полного понимания русского революционаризма мы должны снова вернуться к тому, что уже было сказано относительно демократии католических и протестантских наций, в частности вспомнить, что в политических вопросах католические нации куда более склонны к радикализму и революционности, чем протестантские. Это явно установленный исторический факт и его можно объяснить образовательным эффектом, вызываемым той или иной церковью. Неслучайно для меня возможным образцом демократического революционера представляется именно Пейн – англичанин и квакер. Со своей стороны французы создали свой тип революционера, лучшим образцом которого является Бланки, – и в данном отношении русские более близки к французам, чем к протестантам: англичанам, американцам, скандинавам и немцам. Француз Бланки предельно близок русскому Бакунину.[...]

[Бакунин] взял свои идеи от немцев, но французы оказались его учителями в практических делах. Его анархизм является русским: но это анархизм православный и его можно понять лишь как революцию против русского православия. Этот русский анархизм тесно связан с французским социализмом тех дней; французский же социализм имеет сильную анархистскую струю, и вплоть до нашего дня подобная струя просматривается как особо характерная для католических народов. Со своей стороны немецкий, особенно марксистский, социализм развивается по преимуществу в протестантских странах. Среди протестантов анархизм как философская система и как умонастроение не развит до той степени, как среди романских католических народов, немцев (в Австрии и Южной Германии) и славян. Поэтому не в полной мере корректно говорить об анархизме как национальном русском явлении – при этом мы должны проводить четкую дифференциацию между анархизмом и революционаризмом. Умственный застой русской теократии, недостаток духовной жизни и активности, инерция абсолютизма подталкивали просвещенную аристократию к анархизму: в варианте Бакунина таковой представляет проявление гнева и раздражения аристократа, обреченного к бездействию и воспитываемых в нем. К концу своей жизни Бакунин сильно увлекся Шопенгауэром, философом горечи – и в психологическом плане это совершенно характерный и органичный аспект анархизма русского мыслителя.

Герцен в этом плане мог бы быть в большей степени просвещен своим учителем Гегелем. Он достаточно четко охарактеризовал природу революционного анархизма Бакунина и отбросил его учение, он видел также недостатки французской демократии своих дней, но и ему трудно было уяснить суть происходящего.[...]

СВЯТАЯ РУСЬ: РУССКИЙ МОНАХ И ФЕЙЕРБАХ

208. Если бы я взял на себя смелость завершить данное собрание разработок и очерков общей формулой, выражающей общий сдвиг русской мысли, то такая формула могла бы выглядеть следующим образом: протестантизм (немецкий) разлагает русское православие.

Но для этого надо уяснить понятия "православие" и "протестантизм" не просто как теологические, но и характеризующие церковную культуру, типы лидерства и социальной организации в соответствующих обществах. При этом церковность в конечном счете рассматривается в смысле, который придавал Кант философии протестантизма, который имелся в виду славянофилами, рассматривающими немецкую философию в целом как философию протестантскую.[...]

То, что я представил здесь как возможность, по сути и становилось реальностью в России; со времен Петра Первого немецкая культура, немецкая наука и немецкая философия постоянно вторгались в Россию, причем не только на уровне абстракции – мы должны вспомнить и личное воздействие немецких, шведских и финских протестантов, высших и низших чинов при дворе, в бюрократической системе управления, в армии и на флоте. Поначалу иноземными учителями русских были французы, но во время царствования Александра Первого, а еще больше при Николае Первом немецкое влияние становилось все более мощным.

Немецкое влияние действует непосредственно, прямо, русские совершенно неожиданно пробудились от своих православных мифов и мистицизма. Россия и русская церковь представляли собой духовную атмосферу третьего века: и представим себе наяву, как русские люди, воспитанные на чувстве пассивного ожидания Воскресения Христа, неожиданно столкнулись с результатами прогрессивной европейской мысли! До этого русский человек жил в полной мере объективистически, веря в авторитет церкви и государства, признавая власть теократии. И в один прекрасный миг ему приходится опираться на себя и на свои природные умственные силы. Кант и его последователи отсылают его к собственным духовным силам и говорят ему, что вовсе не божественное откровение дает рождение науке, философии и религии, а его собственный разум; что не Бог является создателем социальной жизни во всей ее полноте, а человек! [...]

213. [...] Влияние Европы на Россию огромно, это бесспорно; но несмотря на это влияние Россия сама развивается независимо, как и западные нации, — и мы не должны забывать об этой спонтанности. Рассматривая историю России с древнейших времен, мы не можем с достаточной степенью точности установить, до какой степени в политическом и культурном плане русские принимали идеи, обычаи и институты, произрастающие из общего индоевропейского корня, как свои, равно как не можем узнать, откуда все это произошло. Распространение христианства заложило аналогичные или во многом похожие основания для России и западного мира, на которых в России могли развиваться аналогичные или во многом похожие идеи и институты, существовавшие в Византии и на Западе. Подобного рода рассуждения применимы и в новейшее время для анализа европеизации, западных влияний и их результатов. [...]

Я не верю, что критические русские умы удовлетворяются сегодня теми ответами, которые им дают русские философы истории. Например, когда Хомяков говорил о железных дорогах и многих других вещах, подчеркивая, что русским надо всего лишь собирать зрелые плоды чужого труда — то хотя это достаточно справедливо с чисто технологической точки зрения, вряд ли следует ограничиваться лишь такой позицией, она чревата опасностью. Опасность эта проявляется в том, что собственные мысль и энергия тех, кто попадает во все большую зависимость от других, легко ослабевают. Если же Хомяков утешает себя тем, что именно русскому не понадобилось расточать свои силы на экспериментальные работы и изнурять себя тяжким трудом — то именно это и представляется опасным. Равным образом мы должны отказаться от мысли Чаадаева и других, что отсталость России является-де условием ее спасения.

Белинский в одном месте подчеркивает, что в России надо зачастую за пять лет сделать то, на что запад затрачивал пятьдесят. Это сомнительное утверждение, но если бы оно было верным, то просто указывало бы на недостаток настойчивости и трудолюбия. Славянофилы слишком часто и с чрезмерной настоятельностью обращали внимание на половинчатость западничества и либерализма, на его "цивилизацию хозяйствования" (И. Аксаков). Но ведь именно в России формируется опасная половинчатость, тенденция чрезмерных упований на результаты работы мысли, осуществляемой в Европе. Детальный анализ мог бы показать различные варианты такой устремленности. В своей биографии Грановского востоковед В.В. Григорьев охарактеризовал один из таких вариантов, говоря, что это была тенденция к "схватыванию вершков". [...]

214. [...] Человек ко всему привыкает, даже к виселице — эта пословица применима и к русским, и к европейцам. Поэтому наши суждения относительно Европы и России должны опираться скорее на социологические — историко-философские основания.

В Европе все еще существует средневековый католицизм и папство, чьи философские основания давно уже подорваны; здесь можно отыскать оцерковленный протестантизм, хотя и он философски отвергнут; в Европе все еще находится место для

абсолютистской монархии, которая после революции сумела сделать своим орудием конституционализм и парламентаризм (царизм также придерживается подобного курса!); в Европе господствует монархический милитаризм, правит капитализм – одним словом, в Европе демократия все еще не защищена, а теократия достаточно сильна политически. Конечно, в принципе европейская теократия больше не имеет достаточных философских оснований для своего существования, в политическом же плане она столь ослаблена, что просто вынуждена идти на компромисс с демократией. В целом же, Европа – земля компромиссов, половинчатости, но половинчатости такой, которая характеризует переход. В этом плане с историко-философской точки зрения демократию можно рассматривать как достижимую цель и в то же время как наследницу теократии.

Многим русским недостает такого убеждения относительно России, и в этом кроется опасность.[...]

215. [...] Однако великая европейская литература о России доказывает также, что Европа в философском плане проявляет интерес к России и ее развитию. Этот интерес стал столь сильным, что уже сейчас можно говорить о европеизации России не в меньшей степени, чем о русификации Европы. Не только в плане постоянно увеличивающегося с восемнадцатого века политического влияния России на Европу, но и в отношении заинтересованного восприятия Европой русской литературы, которая способствовала вовлечению читающих во внутренние проблемы этой страны. Мы помним, как прославляли Россию Вольтер и Гердер; сегодня к ним можно причислить Ницше, Метерлинка, а также многих других, тех, кто воспринял русские идеи и идеалы.

Да, социолог и философ истории многому может научиться в России.

Весьма выигрышным является сравнение Европы с Россией с методологической точки зрения. Европейские ученые признают, что решение их проблем видится куда четче при обращении к российским аналогам.

Столь же плодотворными являются и более детальные подходы к России и происходящему здесь развитию. Громадные размеры страны делают ее неким уменьшенным подобием всего мира; изучение европеизации России, которое выливается, как я уже отмечал, в изучение взаимных культурных потоков, выявляет очень много интересных вопросов. Изучение России даст социологу возможность более четко рассмотреть проблему культурных взаимосвязей и культурной унификации, столь значимую для понимания истории человечества.

Философ истории, вовлеченный в изучение России, должен волей-неволей проникнуться ясным пониманием характера мировоззрения средних веков и прежних времен, вследствие этого ему легче будет осуществлять и более точный анализ самой сути современной эпохи.

Что же касается лично меня, то я прямо признаю, что изучение России и русской литературы не только помогло мне выработать более четкие представления относительно Гегеля и Фейербаха, но более того – именно через русскую философию и литературу я смог осознать всемирно-историческое значение Юма и Канта.

А сколь поучительно изучение русской революции! Интерес Европы к данной революции весьма велик, русская революция (имеется в виду революция 1905 г. – Э.З.) получила здесь сочувственный отклик. Например, в Австрии одним из результатов воздействия русской революции явилось введение всеобщего избирательного права. Конечно, победа реакции в России вызвала положительный отклик европейской реакции, но все же нельзя сказать, что радость по этому поводу была столь уж большой.

Но интерес к русской революции не носит лишь чисто политического характера. Философ истории видит ведь в революции большую религиозную и этическую проблему нашего времени, и в этом плане у России можно многому поучиться.[...]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Russland und Europa. Studien über geistigen Strömungen in Russland. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. Jena, 1913. Bd. I, flg. 1–2.
2. *Gašparíková-Hordáková A.* U Masarykovcov. Spomienky osobnej archivárky T.G. Masaryka. Bratislava. 1995. S. 97.
3. The Spirit of Russia. London, New York, 1967; Rusko a Evropa. Studie o duchovních proudech v Rusku. Sv. 1–3. Praha, 1996.
4. *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. 3-й том (фрагменты) // *Rossica.* Praha, 1996. № 1–2.
5. *Каутман Ф.* По поводу третьего тома сочинения Т.Г. Масарика "Россия и Европа" // *Rossica.* Praha, 1996. № 1. S. 74–75.

© 1997 г. КРАВЕЦКИЙ А.Г.

Опыт словаря литургических символов

сосѹдъ

1: См. СТАМНА¹: Бѣ двѣрь бжїа цркви, сѣ гора свѣтаа, сѣ жѣзлъ и сосѹдъ златъ, сѣ источникъ запечатленъ, сѣ рай свѣтый новомѹ адамѹ, сѣ мѣн бжїа пречѣла, застѣпница всѣмъ поюцимъ тѹ (22 авг. Успение, сед. по 2 стихослов.).

2: Вместилище чего — либо. Прославляемый святой может упо — добляться сосуду, наполненному миром и елеем (символы бла — годати), а грешник подобен сосуду греха, страстей и т.д.: Чистый и нетлѣнный сеѣтъ хота крестити, сосѹдъ чистѣйшїи показалса єси, ѡвѣнне: боай бо всѣхъ ѡ негѹ предїзералса єси, пррочествованнаго бо сподобилса єси видѣти (7 янв., К., п. 5). Ѧхааовымъ поревновала єси сквернамъ, дѹше моа, оѹвы мнѣ! была єси плотскїхъ сквернъ пребыванице, и сосѹдъ срѣмленъ страстей: (ВК, ср. п. 7). Гогрѣшнїхъ досадивъ сосѹдѹ плѣти моеа, вѣмъ, щедре: но въ покаанїи ма прїими (ВК, чт. п. 4). ...тѣмъ блгогодилъ єси егѹ, достѣннъ сосѹдъ чѹдесъ, и по кончинѣ явилса єси притекаюцимъ къ рацѣ моцїи твоїхъ, ѡмрекъ ... (Сл. юродивымъ, сед. по 2 каф).

СТАДО — Наименование паствы: Твоїхъ слезъ источникїи безстрастїа воздѣлалъ єси, преподѣне, рай непорочнѹ, и мно гоовїленъ плодъ иносїиши, питал добродѣтелями бжтвенное стадо (7 апр. К., п. 9). Днесь играетъ и ликѹетъ вѣрныхъ

Окончание. Начало см. Славяноведение 1995 № 3

¹ Греч. στάμνος может переводиться как сосѹдъ, а может оставаться без перевода

множество, монаховъ стада, сщеникивъ собори ... (7 апр. К., п. 9).
Стадо хрѣтово, прѣене, наставляла къ свѣту бѣгоудѣла, безбожла
тмѣ ѿгнала еси. (Сл. священномученику, К., п. 4). Правило
вѣры, и образъ кротости, воздержанла оучителя ави тла стаду
твоemu, таже вещей истина... (Тропарь святителю).

СТАМНА — находившийся в Ковчеге Завета золотой сосуд с
манной — небесным хлебом (Исх. 16.15;33). Богородица названа
стамной, потому что она родила Христа, давшего людям манну
жизни: Скиню тла и трапезу, бжественный кивутъ, и стамну,
вмѣстившую манну жизни, и сладкую горю именемъ, дво мре,
присну благословеннаа (22 авг., К., п. 8). Безсмертла манну хрѣта
носаци, стамно словеснаа, горести душиетленныхъ страстей избеви
ла всептаа дво: такъ да вѣрою тла славословлю блгочестну (О.,
гл. 3, вт., К. Николаю, п. 2). Златоконнаа стамно, изъ неже
истече миро животворное вѣрнымъ, ѿми души моеа и тѣла
недугъ, и прегрѣшенй скверну, заступленми твоими, чѣла
бѣгородительнице (О., гл. 8, пнд., повеч., К., п. 7).

СТЕНА

1: Эпитет, относящийся к надежному защитнику: Чисто житие
твое совершила еси, и чтыла двы служитель авилса еси, ентухие,
иерархъ бжй истиннѣйшй, столпъ православіа, твердь вѣры, стена
людей избранныхъ, бѣобжненне (6 апр., К., п. 9).

2: **СТѢНА НЕУБОРИМАА** (нерушимая) — одно из наименований
Богородицы: инагу державнагу прибѣжица, и крѣпости, столпа и
стѣны неуборимаа, воистину не стажомса, развѣ тебе, пре-
чистаа. (6 апр., на ГВ слава). Буди ми предстательница, и стѣна
нерушимая, ѿ мрскихъ соблазновъ избевающая, едина бѣроди-
тельнице ... (ЦТ., 4 нед. по П., ср., утр., К., п. 6). Стѣна непо-
римаа намъ хрѣтианумъ еси вѣе дво: къ тебѣ во прибѣгающе
невредими пребываемъ, и пакн согрѣшающе ймамы тла молит-
венницѣ (ЦТ., 5 нед. по П., пн., утр., богор.).

СТОЛПЪ

1: Твердое основание: Чисто житие твое совершила еси, и чтыла
двы служитель авилса еси, ентухие, иерархъ бжй истиннѣйшй,
столпъ православіа, твердь вѣры, стена людей избранныхъ, бѣ-
обжненне (6 апр., К., п. 9). Мчникъ сщепенъ, и ститель блгопрѣ-
тенъ, и пастырь истиненъ, столпъ непревратенъ, блгочестла сте-

пѣнь, забрало цркви, стїтелей доброта, источникъ чддєсь, антѣпо, выль єси. (11 апр., стихир. на ГВ). Твѣрдаго адаманта, и столпа непоколебима вражїими прилоги, бгоноснаго, ймрекъ, пѣсьми почитїмъ: ... (Сл. юродивым, стихир. на Бог Господь).

2: СТОЛПЪ ОГНЕННЫЙ — восходящее к Исх. 13.21 наименование Богоматери. Подобно тому, как огненный столб вел иудеев через Аравийскую пустыню, так Богоматерь ведет верующих (Новый Израиль) через пустыню земной жизни к Земле Обетованной: Станемъ блгоговѣишъ въ домъ бга нашегъ, и возопїимъ: радѣиса, мїрѣ влцце, радѣиса мріе, гпїже всѣхъ насъ. радѣиса, єдина непорочнаа въ женахъ и добраа. радѣиса, столпѣ Огненный, вводѣиїи въ вышнюю жизнь челоѣчество (П. Триодь, суб. акафиста, К., п. 9). Столпъ и облакъ свѣта тл ѡбрѣтше, дѣо, мтїи свѣтодавца, йже по пѣстыни лѣстнѣи ходѣиїи ѡ лѣтъ и збѣгдѣемъ (О., гл. 5, чт. повеч., К., п. 5).

ТАЛАНТЪ — вес металла, денежная единица, пер. Божий дар. В соответствии с Мт. 25. 14—30 праведник должен преумножить данный ему от Бога талант: Добрїи рабїи, блзи и вѣрнїи, добрїи дѣлателїе вїнограда хртѣва, йже и тлготѣ дневнѣю понѣсїи, и данный вамъ талантъ возрастїишїи, и по васъ пришѣдшїмъ не завїдѣвшїи: тѣмже и врата вамъ небеснаа ѡверзѣшася (Сл. Святителям многим, стихир. на ГВ). Премѣдрости талантъ оумноживъ пребогдѣте, радости сподѣбиса єси гда твоегѡ... (Сл. исповеднику, стихира на ГВ).

ТРАПЕЗА — находившийся в Скинии стол с хлебами предложения (Исх. 13.23—30). Христианская традиция видит в трепезе прообраз Богородицы, носившей в Себе Хлеб—Христа. С этим связано обращение к Богородице на Литургии послѣ предложения Св. Даров (изрѣднѣ ѡ престѣи...): Скинїю тл и трапѣзѣ, ежѣственный кївѣтъ, и стамнѣ, вмѣстїишѣю маннѣ жизни, и свлѣтѣю горѣ именуемъ, дѣо мріе, прїснѣ благословѣннаа (22 авг., К., п. 8). Клѣсъ прозѣбшаа ежѣственный, їакъ нїва неврѣннаа їавѣ, радѣиса, ѡдѣшевлѣннаа трапѣзо, хлѣбѣ живѣтнїи вмѣщшаа: радѣиса, живѣтнїиа воды источннче неистоцѣаемїи, влцце (КАПБ, К., п. 3). їакъ трапѣза хлѣбѣ вмѣщѣешїи тѣиїи, ѡ негѣже їадше не ктомѣ алчемъ, всепѣтала, вѣдѣиїи тл хртѣа всѣхъ бга родїтельнїцѣ, и питѣтельнїцѣ їакъ воїстиннѣ (О., гл. 2, Вт.,

Утр., К., п. 6). Бысть чрево твоє стѣла трапѣза, имѣшал нѣный хлѣбъ: ѿ негѣже всѣкъ ѣдѣи не оумираетъ, ꙗкоже рече всѣхъ, бѣгородительнице питатель (ЦТ., 4 нед. по П., ср., утр., К., п. 5).

трѡсть — орудие письма. Пс. 44,2 (Ѡрыгнѣ сердце мое слово благо, глаголю азъ дѣла моя црѣви: ѡзыкъ мой трѡсть книжника скорописца) дает гимнографам повод сравнивать с тростью проповедников слова Божия: Оукрасовѣла еси, всеблженне, доброту словесъ твоихъ, стѣгнѣ во дха явилася еси трѡсть, написѣла вѣрнымъ блгочестивнѣмъ разумъ вѣственный, превозносѣ хрѣта во вѣки (Сл. исповеднику К. п. 8). ѡзыкъ твой ꙗкѣ трѡсть скорописца книжника воистиннѣ бысть, исповѣдал разумъ всечестенъ, въ скрижалѣхъ сердець начертѣла, Ѡтче ѿмрекъ, закона дхѡвнагѣ (Сл. исповеднику, К., п. 6). ѡзыкъ твой дхѡмъ извѣщенъ разумнѣ, ꙗкѣ трѡсть скорописца, написѣла въ сердца блгочестивыхъ слово блгодѣтное, всещѣенне Ѡтче, вѣимъ мановѣнемъ (Сл. святителю, К., п. 6). Рыбарская трѡсть любовдрыхъ шатѣнѣ, и витѣйскѣа стрѣи пречертѣ, бѣмѣдрал оученѣа извѣраженѣи догмѣ-ты: и таннѣмъ благихъ ꙗснѣмъ изложивше егѣлѣе... (Сл. апостолам двум, стихир. на ГВ)

фараѡнъ -

1: Символ зла, побеждаемого Богом. При исходе евреев из Египта преследующее их войско фараона утонуло в море (Исх. 5—14): Кровей твоихъ стрѣлами мысленнаго фараѡна оудавивъ съ вѣи егѣ, славне, къ землѣ прешѣлъ еси, идѣже крѡтцыи живѣтъ, и мѣченицы всѣ, нетлѣнѣа вѣнець прѣемъ, досточѣдне. (22 авг., утр. сед.). радѣисѣ, морѣ, потопившее фараѡна мысленнаго (АЛБ, икос 6). Поимъ всѣ люде, ѿ горкѣа работѣ фараѡни ѿла измѣншемъ, и во глубинѣ морстѣи ногами немѡкрыми настѣвльшемъ, пѣснь побѣднѣю (ЦТ., Фом. нед., К., п. 1). Поразиный егѣп-та, и фараѡна мѣчитѣла погрѣзивый въ морѣ, люди спасѣлъ еси изъ работѣ, мѣисейски поющыа пѣснь побѣднѣю: ꙗкѣ прослависѣ (ЦТ., 4 нед. по П., Вс., Утр., К., п. 1).

2: С жестокостью фараона кающийся грешник может сравнѣвать свою может сравниваться жестокосердие: ꙗкѣ тѣжкѣи нравѡмъ фараѡнѣ горькомъ быхъ (подобен), вѣко (ВК., ср., п. 5).

фарѣсей — символ гордыни См. мытарь

фѣнеесъ см. Ѡфнѣ.

Фініѣзь Вслед за *Пс. 91.13* благоденствие праведника срав­нивается с процветанием финика: **Праведникъ ѿкѡ фінїѣзь процвѣтѣтъ, ѿкѡ кѣдръ, ѿже въ лїванѣ, оумножитсѧ** (*Сл. мученику, стихир. на стих.*). **Процвѣлї єстє, ѿкѡ фінїѣзь дѣдски, ѡтци, ѡнїтели ѧвїстєсѧ дѡхѧ престѡгѡ, ѿ слѡвни вселѣннѣй показѡвшєсѧ, ѡ насъ непрестѡннѡ молїте, почитѡюцихъ вѣрою пречестнѡю пѡмѡть вѡшѡ, прїпїнї** (*Сл. преподобнымъ многимъ, светилен*).

храмъ см. жилище

чертогъ

1: Место пребывания Царя Одно из наименований Богородицы (*Ср. палѡта*):... **радѡйсѧ ... чертоже всєсвѣтлїи ...** (*КПБ, п. 5*). **Чертоже слѡва несквѣрнїи: вина всѣхъ ѡвоженїѧ, радѡйсѧ пречѡтаѧ ...** (*КПБ, п. 5*). **Стѣна єсї дѣвамъ, вѣе дѡо ... радѡйсѧ, чертоже вєзсѣмнѡгѡ оумєвѣщенїѧ ...** (*КПБ, ик.*).

2: Брачный чертог может упоминаться при отсылках к евангельской притче о десяти девах *Лк. 25.1–13*: **Нѡгъ єсмь чертога, нѡгъ єсмь ѿ брака, кѡпнѡ ѿ вѣчернї, свѣтїльнїкъ оутѡсє, ѿкѡ вєзелєйнїи, чертогъ заключїсѧ мнѣ спѡцѡ, вѣчерѡ снѣдєсѧ, ѡзъ же по рѡкѡ ѿ нѡгѡ свѡзанъ, вѡнъ нїзвѣрженъ єсмь.** (*ВК, ср. п. 4*).

їюница — не бывшая под ярмом телка приводилась в иудей­ский храм как жертва за грехи народа (*Числ. 19.2–10*). Подобно юнице дева Мария была приведена родителями в храм как жертвоприношение: **їюница несквѣрнаѧ, юница вїдѡщи на дрєво вѡздвїжена вѡлею, рыдѡюци оумїльнѡ вопїѡше ...** (*О., гл. 8, Вт., Веч., стих на ГВ*). **їюнице, юнца рѡждшѧ непорѡчнаго, радѡйсѧ ...** (*КАПБ, п. 3*). **Да ѡвєорзутсѧ преддвѣрїѧ слѡвы бѡга нѡшегѡ, ѿ да прїємлютъ неискѡсѡбращнѡ бжїю мѣрь, ѿкоже трїлѣтствѡюцїю несквѣрнѡю юницѡ** (*Введение, 2 К., п. 5*).

Эта публикация завершает рубрику "Материалы к учебнику церковнославянского языка".

*Оригинал — макет материалов рубрики
подготовлен А.Г.Кравецким*

А.С. ПЕХТЕРЕВ, Й. КЛАПКА. Русская литературная эмиграция в Чехословакии (1918–1938). Прага; Брно, 1993. 157 С.

Эта небольшая книга имеет подзаголовок "В помощь учителю-русисту", однако она может быть интересна и другим читателям, поскольку ее тема пока вообще сравнительно мало разработана. О содержании книги позволяют судить названия двух составляющих ее частей: "Русские писатели в Праге" и "Писательские объединения, издательское дело и русская эмигрантская журналистика в Чехословакии 20–30-х годов". В каждую из частей входит по три главы: в первую – "На пути в Чехословакию", "Старшие", «Литературная молодежь русской эмиграции в Чехословакии (пражский "Скит поэтов")», во вторую – "Писательские объединения и издательское дело", "Молодежные журналы в Чехословакии в 20–30-е годы", «"Толстые" журналы в Чехословакии в 20–30-е годы».

Первая глава первой части книги посвящена беглой информации о пребывании российской эмиграции в Чехословакии, ее культурных организациях, учебных заведениях, научной деятельности эмигрантов и некоторых подготовленных ими изданиях.

Основное содержание второй главы первой части книги, помимо краткой обрисовки эмигрантского быта, составляют небольшие разной полноты справки об оказавшихся в Праге русских поэтах и прозаиках, в частности таких, как Д.М. Ратгауз, М.И. Цветаева, Вас.И. Немирович-Данченко, Е.Н. Чириков, А.Т. Аверченко, Н.А. Раевский, а также и писателях-эмигрантах, которые лишь иногда бывали в Праге или же сотрудничали с пражскими русскими издательствами и журналами (Бунин, Мережковский, Гиппиус, Баль-

монт, Ремизов, Ходасевич, Шмелев, Амфиотров, Зайцев, Набоков). Если сообщения о последних как-то можно объяснить, то не очень понятно, почему в той же главе к "русской литературной эмиграции" отнесены хотя и довольно известные, но не как писатели, эмигранты С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, В.Н. Челищев, А.В. Пешехонов, П.Н. Милюков и др., о которых сами же авторы пишут, что они не являлись "чистыми писателями или журналистами". О них говорится довольно много, а имена ряда "чистых" писателей (Д.Н. Крачковский, П.А. Кожевников, И.Ф. Каллиников, П.П. Потемкин и др.) лишь упомянуты и, как сказано в книге, остались "за пределами текста". Можно пожалеть и о том, что в главе "Старшие" даже не упомянуты имевшие непосредственное отношение к литературной жизни российских эмигрантов-пражан крупные ученые-литературоведы Е.А. Ляцкий и В.А. Францев и немало писавшие о русской литературе видные историки А.А. Кизеветтер, Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадский, С.В. Завадский и др.

Особое внимание привлекает третья глава первой части. Она знакомит читателя с молодыми литераторами-эмигрантами, начавшими писать лишь в Праге. Большая их часть входила в кружок "Скит поэтов", который организовал А.Л. Бем. К сожалению, сказав о нем как об организаторе литературного кружка, авторы не сообщают о его многочисленных трудах, посвященных Пушкину, Лермонтову, Грибоедову, Толстому, Тургеневу и особенно Достоевскому. Большую ценность представляют приводимые в главе образцы

стихов членов "Скита поэтов" (В. Лебедева, Н. Болеслица, С. Рафальского, А. Головиной и др.). Они теперь оказались рассыпаны в очень редких и мало доступных изданиях.

Во второй части книги освещается деятельность писательских организаций в Праге (Союз русских писателей и журналистов в ЧСР, объединение литераторов "Далиборка", литературные кружки в Ржевнице, в Черношице и др.), а также пражских эмигрантских издательств ("Пламя", "Славянское издательство", "Крестьянская Россия", "Воля России"). Значительное место уделено характеристике пражских журналов "Студенческие годы", "Своими путями", "Русская мысль", "Воля России", а также периодическому сборнику "На чужой стороне". Подробное освещение истории и направлений выходивших в Праге периодических изданий удачно сочетается с обстоятельным рассмотрением их содержания.

Отметим некоторые неточности и упущения издания. У М. Слонима нет работы "Художественная литература. Русская зарубежная книга", изданной в Праге в 1924 г. (С. 9), у него имеется лишь статья "Художественная литература" в книговедческом и библиографическом коллективном труде "Русская зарубежная книга" (Прага, 1924). Не точны авторы, относя к изгнанным из России в 1922 г. (С. 14) Н.П. Кондакова (выехал в 1917 г.), Г.В. Вернадского (находился в Праге с 1921 г.), А.Е. Ляцкого (выехал в 1917 г.). Не вполне соответствует действительности то, что Русский заграничный исторический архив был полностью вывезен в 1945 г. из Праги в Москву (С. 15). Это относится только к документальной его части, газеты, журналы и книги были переданы тогда Славянской библиотеке. Карел Гавличек-Боровский не служил у "профессора-славя-

нофила П.Н. Погодина" (С. 20) (кстати, инициалы Погодина – М.П.), он был воспитателем в семье критика и историка литературы С.П. Шевырева.

Нельзя не пожалеть о том, что внимание авторов к отдельным лицам и явлениям несколько субъективно избирательно. Так, например, уделив в книге место Р.О. Якобсону, они ни словом не обмолвились о П.Г. Богатыреве, бывшем таким же, как и он, участником литературной жизни россиян в Праге. Рассказу о П.Н. Милюкове, который собственно писателем не был и лишь иногда приезжал в Прагу из Франции, в книге отведено 2,5 страницы, а Е.Н. Чирикову, десять лет жившему в Праге, написавшему там целый ряд произведений, активному участнику многих литературных мероприятий – всего лишь неполная страница. В книге говорится, что летом 1925 г. Аверченко сделали "операцию по удалению глаза, после которой он так и не встал..." (С. 63). Но ведь он умер в марте того года. Не всегда точно воспроизведены в работе имена и фамилии: "С. Мыльников" (С. 5) – должно быть А. Мыльников; "Ломашкова" (С. 16) – должно быть Ломшакова; "Александр Васильевич Амфитеатров" (С. 57) – должно быть Александр Валентинович. Жаль, что в книге почти полностью отсутствуют какие-либо библиографические данные, которые могли существенно обогатить ее.

В заключение следует сказать, что несмотря на отмеченные недостатки работа А.С. Пехтерева и Й. Клапки несет в себе довольно значительный объем информации по избранной ими теме. В этом отношении они может быть полезны всем, кого занимает история литературной жизни не по своей воле попавших в 20-е годы в Чехословакию российских эмигрантов.

© 1997 г. Л.К.

"Путь романтический совершил...": Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 1996.

Сборник, посвященный памяти Бориса Федоровича Стахеева, впечатляет богатством и разнообразием содержания, большим количеством интересных работ, охватывающих проблематику польского средневековья, барокко, романтизма, просвещения, русско-польских культурных отношений, польской литературы XX в. В нем приняли участие многие видные ученые: литературоведы, историки, культурологи, лингвисты. Основу труда составляют работы сотрудников ИСБ. Горячо откликнулись на замысел создать книгу в честь Б.Ф. Стахеева и польские коллеги, а также полонисты МГУ и Гродненского университета.

Думаю, образ Бориса Федоровича Стахеева, чья биография воссоздана во вступительной статье В.В. Мочаловой, уровень его личности и профессионализма предопределили высокий уровень посвященного ему сборника, исключили возможность проникновения в него тусклых необязательных статей. Таких в этой книге нет. Но, разумеется, есть на то и иные причины: хорошо поработали организаторы издания (В.А. Хорев – ответственный редактор, члены редколлегии – О.П. Морозова, В.В. Мочалова, Д.С. Прокофьева), вложившие душу в этот труд. Он привлекает уже одним своим названием "Путь романтический совершил...", – строкой из стахеевского перевода поэмы Ю. Словацкого "Бенёвский".

Проблемно-тематическая основа сборника – значительный комплекс статей (более трети), посвященных польскому романтизму, его специфике, типологии, жанрам, мотивам, всемирно известным поэтам и явлениям более локальным, к которым не слишком часто обращается исследовательская мысль. Необходимо отметить, что польский материал многое проясняет в романтизме вообще, показывая, чем стал он для искусства, какие новые горизонты жизни и творчества открыл. И этот аспект присутствует в большинстве статей на темы романтизма. Их научная новизна определяется прежде всего либо новыми оригинальными решениями традиционных литературоведческих проблем (статья

Л.А. Софроновой о концепции поэта и поэзии: статья М. Янион о "мотиве Леноры"), либо новыми подходами и ракурсами в исследовании классических фигур и образов романтизма (статьи А.В. Липатова о З. Красиньском; И. Ярославской о "Дзядях"; Е.З. Цыбенко о литературной судьбе известного романтического героя), либо, наконец, анализом мало изученных или только что открытых материалов (статья Д.С. Прокофьевой об искусстве импровизации; С.С. Ланды – об одной неизвестной импровизации А. Мицкевича). Разумеется, эта классификация – весьма относительна и условна.

Л.А. Софронова на польском материале, включенном в синхронный и диахронный контекст, раскрывает специфику романтической концепции поэта и поэзии, особенности взаимоотношений в системе автор – произведение – читатель, более завуалированных и скрытых в романтизме, где произведение живет как бы самостоятельной жизнью, чем в искусстве барокко и классицизма с их дидактическими тенденциями ("О романтической концепции поэта и поэзии").

В диахронный контекст включено и рассмотрение искусства импровизации, трактуемое как одно из проявлений романтического раскрепощения личности, невозможного в искусстве нормативном (Д.С. Прокофьева. "О поэтической импровизации"). Импровизация таким образом выводится не только из сферы "маргиналий культурной жизни", но и из сферы маргиналий литературоведения, становясь одним из критериев определения степени нормативности искусства.

Закономерно, что многие авторы обращаются к личности и творчеству А. Мицкевича. С.С. Ланда воссоздает в подробностях исторические обстоятельства возникновения и открытия "Неизвестной импровизации Адама Мицкевича". М. Янион, анализируя особенности преломления бродячего "мотива Леноры" в "королеве баллад" Бюргера, в английской народной балладе, и в "Побеге" Мицкевича, делает вывод, существенный для понимания специфики польского (и шире – славянского)

романтизма: произведение Мицкевича "не только не несет в себе патологического упоения смертью", а это есть, к примеру, у Бюргера, "но в нем полностью отсутствует и дух морализаторства" (С. 78).

Необычно прочтение "Дзядов" Мицкевича в сопоставлении с их сценической трактовкой К. Свинарского. И. Ярославская рассматривает их сквозь призму "древнейшего аграрного мифа", раскрывая символы и смыслы, таящиеся в обрядовой еде. («От зернышка горчицы до Большой жратвы, или что может означать еда в "Дзядях" и "Освобождении" Конрада Свинарского»).

Активное обращение к романтической проблематике, обострение интереса к романтизму современных польских писателей констатирует Е.З. Цыбенко, проводя аналогии между эпохой Мицкевича и Словацкого, охваченной "романтической горячкой" (термин М. Янион) и 1970–1980-ми годами. Прослеживая жизненную и литературную судьбу романтического героя и его воскрешение в новую историко-литературную эпоху, автор показывает сложность и неизбежность взаимовлияний жизни и литературы, способность популярных героев выходить за рамки искусства и вновь возвращаться в них.

Колоритная фигура Б. Залесского, известного своим интересом к Украине ("русалочьему царству") и стремлением к польско-украинской общности – в центре внимания А. Витковской; творчество З. Красиньского – тема статьи А.В. Липатова "Зыгмунд Красиньский, или антиномии романтизма"; склонность Шопена к "визуализации", "фантазмам", снам нараву рассматривается в статье Р. Пишибальского "Просторы воображения" в контексте не только романтического мироощущения, но и размышлений о польском национальном характере.

Своеобразным композиционным водоразделом сборника, отделяющим статьи по проблематике польского романтизма от статей, анализирующих другие явления и эпохи, выступают работы В.А. Хорева ("О стереотипе и убеждении в литературе (на материале польской и русской литературы)") и И.К. Горского ("О двух подходах к изучению произведений историко-литературного жанра").

Статья В.А. Хорева отличается не только научной основательностью, но и актуальностью, поскольку в ней затрагивается проблема сложных отношений между Россией и Польшей, которые автор определяет как отношения "дружбы и

тяжбы". Обращаясь к такому жизненному сюжету как возникновение "национальных стереотипов в России и в Польше", автор анализирует их исторические и психологические предпосылки, высказывая мысль, способную многое объяснить в национальных конфликтах вообще: "Часто народы родственные и близкие менее способны понять друг друга, чем далекие и чужие... Чужим многое прощается, но близким часто ничего не хотят простить" (С. 152). Освобождая проблему польско-русских отношений от тех поверхностно-идилических интерпретаций, которые были приняты в советской науке, автор показывает вклад польского романтизма в сложное развитие этих отношений. С одной стороны, романтизм способствовал формированию негативного образа России, уже существовавшего в польском сознании и вошедшего в стереотипной форме в "историческую память следующих поколений" (С. 163), с другой – русско-польские культурные связи в эту эпоху становятся интенсивнее и глубже. Именно в России происходит "открытие" Мицкевича. "Русские открыли Мицкевича для себя, но также и для нас и для него самого", – писала А. Витковская.

Философский подтекст несет в себе и теоретическая статья И.К. Горского, определяющего особенности исторических романов, их отличие от произведений других жанров, обращающихся к фактам истории. Полемизируя с гегелевским тезисом о том, что история ничему не учит, автор указывает, что в кризисные моменты жизни народы обращаются к национальному прошлому (С. 185).

Статья второй половины сборника посвящена самому разным эпохам и проблемам. Б.Н. Флоря, избравший материалом исследования "Анналы" Я. Длугоша, прослеживает формирование в польском обществе представлений о "цивилизационной молодости". Это обусловило поиски путей преодоления "цивилизационной отсталости" и повлияло на развитие общественной мысли в Польше и других странах Восточной Европы («Польша как страна "молодой цивилизации" в памятниках общественной мысли XV в.»). В статье В.Н. Топорова анализ силлабической поэмы "Пентатеугум" А. Белобочко служит освещению процесса перенесения поэтики западноевропейского барокко на русскую почву, роли перевода в становлении русского литературного языка, сложности взаимодействий разных литературных традиций ("Андрей Бело-

боцкий – "Пентатеугум V. Сон жизни человека или суета").

Динамику польской культуры XVIII в. дает возможность ощутить эволюция паркового искусства, о которой рассказано в связи с деятельностью одного мало известного нашим читателям просвещенного аристократа (И.И. Свирида. "Принц де Линь и сады Речи Посполитой").

В ряде статей продолжена линия деидеализации русско-польских отношений, даны новые оценки сложных явлений, рассматривается редкий материал: примечательные эпизоды польско-русских литературных связей XX в. (О.Р. Медведева. – "Человек в пространстве: русские и Россия в прозе Тадеуша Мичиньского"), жизнь русских эмигрантов в Польше 20-х годов (Б. Бялокозович – "Юзеф Чапский и литературный триумвират: Дмитрий Мережковский – Зинаида Гиппиус – Дмитрий Философов"), жанровое своеобразие известного произведения Ю. Кадена-Бандровского о Польше времен независимости (С.Ф. Мусиенко. «"Генерал Барч" Ю. Кадена-Бандровского как политический роман»).

При всей конкретности авторских замыслов и точности в их реализации большинство статей, как это обычно бывает с хорошими, квалифицированными работами, выходит за свои тематические рамки, помогает решению ряда общих проблем, стоящих перед современной наукой, проникает в глубины историко-литературного процесса, межнациональных отношений, в психологию творчества.

Стилевое разнообразие сборника – некоторые статьи выдержаны в духе строгого академизма, другие в стиле эссе или беллетризованной биографии – вполне допустимо в такого рода изданиях. Можно сказать, что стилевые перепады от концентрированного научного текста до более

разреженных эссе облегчает читательское восприятие. Каждая статья несет на себе печать авторской индивидуальности, вызывая читательский интерес, позволяя узнать нечто новое как об объекте, так и о субъекте исследования.

Нельзя не отметить высокое качество переводов польских статей, выполненных О.П. Морозовой, О.Р. Медведевой, В.В. Мочаловой и Н.В. Шведовой.

К достоинствам сборника относится и его графическое оформление, удачно реализованная идея завершать каждый текст лаконичным черно-белым рисунком – визуальным символом статьи, своеобразной графической формулой ее содержания, либо знаком времени, которое она открывает. Так, статья "О романтической концепции поэта и поэзии" венчается силуэтом Пегаса, статья "О поэтической импровизации" – лирой, "Человек в пространстве" – компасом, "Борьба и согласие русского и польского языка" – изображением книг, положенных друг на друга и чернильницы с гусиным пером.

Сборник в целом несет на себе печать таланта. Таланта человека, которому он посвящен. Таланта людей, которые его создавали. Он свидетельствует о верности памяти ушедших, о тех нравственных и бескорыстных отношениях между людьми, дефицит которых ощущается в наше время все более остро.

Книга, задуманная к 70-летию Б.Ф. Стахеева еще при его жизни (он узнал об этом замысле буквально за несколько дней до кончины), стала волею судьбы книгой *in memoriam*. Этот "нерукотворный памятник" замечательному русскому ученому является одновременно и серьезным вкладом в современную славистику, с которой навечно связано имя Бориса Федоровича Стахеева.

© 1997 г. *Будагова Л.Н*

Akademie věd České republiky. Ústav pro jazyk český: Akademický slovník cizích slov / Kolektiv autorů pod vedením Věry Petrářkové a Jiřího Krause. Praha, 1995. T. I–II. 834 S.

Академия наук Чешской республики. Институт чешского языка: Академический словарь иностранных слов

"Академический словарь иностранных слов" (далее – АСИС) является плодом многолетних усилий сотрудников отдела лексикографии и терминологии Института чешского языка Чешской Академии наук. В работе над ним принимал участие большой авторский коллектив, включающий, помимо 16 основных составителей, 36 специальных консультантов. Руководство подготовкой словаря осуществляли В. Петрачкова и Й. Крауз. Возникновение словаря именно в стенах Института чешского языка является фактом вполне закономерным. Данный лингвистический центр мирового значения, отметивший в прошедшем году свое пятидесятилетие, имеет давние и плодотворные лексикографические традиции. Образованный в 1946 г. на базе Канцелярии Словаря чешского языка он располагает уникальными по своему значению и объему лексическими архивами как древнечешского языка (основан в 90-е годы XIX в. Я. Гебауером), так и языка новочешского. В основу рецензируемого словаря была положена богатейшая картотека архива новочешского языка, создававшаяся с 1911 г. усилиями многочисленных эксцерпторов. В настоящее время эта картотека насчитывает 13,5 млн эксцерпций из произведений беллетристики, публицистики, научно-популярной литературы. Именно эта ценнейшая лексическая коллекция использовалась при подготовке таких фундаментальных лексикографических трудов, вышедших из стен данного института, как девяти томный "Příruční slovník jazyka českého" (Praha, 1935–1957), четырех томный "Slovník spisovného jazyka českého" (Praha, 1960–1971), одно томный "Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost" (Praha, 1978), рецензируемый нами словарь, а также ряда других изданий. Нельзя не отметить с благодарностью, что Институт чешского языка щедро предоставляет свои архивы для исследовательских целей не только

отечественным, но и зарубежным богемистам.

АСИС достойно продолжает упоминавшиеся выше капитальные лексикографические труды. Это проявляется не только в использовании единой лексической базы, но и в сходстве общих принципов работы с языковым материалом. Преемственность наблюдается и в частичном совпадении авторского состава словарей (ср., к примеру, участие в АСИС таких представителей старшей лексикографической генерации, как Л. Кроупова, Я. Махач, Вл. Мейстршик, Б. Поштолкава, М. Хуравый, Вл. Червена).

Значимость АСИС следует, однако, оценивать не только в русле развития уже сложившихся лексикографических традиций. Он имеет самостоятельное значение, в немалой степени обусловленное его жанровой специфичностью. Дело в том, что рецензируемый словарь сочетает в себе – и, на наш взгляд, весьма удачно – свойства, с одной стороны, синхронного одноязычного словаря иностранных слов; с другой – словаря нормативного, толкового, со всей присущей последнему детальной проработкой корпуса языковых фактов. Осуществление подобного замысла потребовало совершенствования исходной теоретико-методологической концепции, сделало необходимым введение ряда методических новаций.

Рецензируемый словарь состоит из двух томов (первый том А–К; второй – Л–Ž), общим объемом 834 страницы. В нем зарегистрированы 100 тыс. значений (во вводной статье не содержится данных о количестве словарных статей), относящихся к 125 специальным областям знаний. Лексика отдельных сфер жизнедеятельности человека в АСИС отражена пропорционально, с учетом фреквенции и употребительности слов в рамках данного синхронного среза. Что касается отбора терминологических обозначений, то

основной акцент здесь делался на изучении текстов научно-популярной литературы, относящихся прежде всего к областям знаний, наиболее подверженным изменениям (техника, экономика, философия и пр.).

При выборе необходимого языкового материала составители АСИС принимали во внимание, помимо упоминавшегося выше новочешского лексикографического архива, также одноязычные толковые словари и словари иностранных слов, созданные чешскими и зарубежными лингвистами. Что касается последних, то по своему объему и, соответственно, по количеству словарных статей АСИС значительно превосходит известные нам чехословацкие словари иностранных слов.

В композиционном отношении АСИС, помимо основного лексического корпуса, включает также предисловие (от авторского коллектива), руководство для пользователя словаря, орфографический комментарий, уточняющий преэминентность АСИС по отношению к опубликованному в 1993 г. Институтом чешского языка "Правилам чешского правописания (издание для школ)" (руководитель авторского коллектива О. Мартинцова). Включение последнего представляется весьма важным, особенно если учесть отсутствие единообразия в чешском языке графической фиксации заимствований. В аппарате словаря имеется также список сокращений и условных обозначений, воспроизводимый для удобства читателя в начале обоих его томов. Наконец, второй том включает приложение "Краткий обзор языков мира", в котором в концентрированном виде приводятся характеристика типологической принадлежности отдельных языков и их семей, региона их распространения, сведения об истории и т.п. Энциклопедичность сообщаемой информации наглядно подтверждает текст словарных статей, приводимых нами выборочно: *lužická srbština* западнославянский язык на восток ФРГ, имеющий два литературных варианта – верхнелужицкий (около Будышина) и нижнелужицкий (около Котбуса); *koptština* афроазиатский язык, устная форма древнеегипетского языка (вымер в XVI в.) и т.п. (переводы текстов словарных статей здесь и далее наши. – Г.Н.). Не комментируя по существу этот справочный материал, не можем не отметить, что в большинстве своем он извлекался из соответствующих энциклопедических и толковых словарей.

В задачи составителей АСИС входило не только зафиксировать заимствованную лексику (отметим попутно, что учитывались как отдельные слова, так и словосочетания, к примеру, *grammar school; hard rock; hard top* и многие др.), но и сопроводить ее кратким, вместе с тем достаточно исчерпывающим комментарием, необходимым для понимания специфики функционирования ее в качестве коммуникативного средства. Конкретно имеется в виду включение данных об орфографии, орфоэпии, происхождении (источник заимствования), морфологических особенностях, фреквенции и стилистической маркировке соответствующей леммы, ее частеречной и семантической характеристике, сочетаемости с другими словами и т.п. Большое внимание уделяется и словообразовательной характеристике. Так, в состав словарной статьи, наряду с гнездовым словом, включаются и соответствующие однокоренные производные, например, дериваты со значением ж. лица (*Nomina mola*); адъективные производные с суф. *-ový, -ský, -(c)ký, -ní (-ační), -ný*; адъективные производные от названий животных; уменьшительные существительные и т.п. Не трудно убедиться, что в большинстве случаев речь идет о наиболее частотных словообразовательных категориях. Приведем для наглядности некоторые образцы словарных статей:

dezert, *-и м.р.* (франц.) блюдо, завершающее трапезу, особенно сладкие изделия из теста, фрукты, сыр, сладкое вообще: *platkovýd.*; **dezertní**, **dezertový** прил.: *d-ní talířek, příbor*, используемый для десерта; гастрон. *d-ní sýr* мягкий десертный сыр, имеющий своеобразный вкус; *d-ní víno* вино с добавлением алкоголя или же сахара.

dezertér, *-а м.р. (dezertérka, -у ж.р.)* (франц.) кто дезертировал, беглец; *d. od pluku*; **dezertérský** прил.: *d-é úmysly*; **dezertérství**, *-í ср.р.*

dramaturg, *-а м.р. (dramaturgyně, -ě, dramaturžka, -у ж.р.* (греч.) знаток драматургической или же музыкальной литературы, занимающийся отбором и составлением репертуара в театре, на радио, телевидении; лицо, в обязанности которого входит подготовка сценария кинофильма.

Важным представляется включение в словарь иноязычных аббревиатур, расшифровка которых для читателя, в том числе и для переводчиков, нередко бывает сопря-

жена с большими трудностями, так как предполагает знание соответствующих иноязычных многословных эквивалентов, а также соответствующих им реалий; ср.: ODECA (исп.: Organización de los Estados Centro-Americanos) полит. Организация центрально-американских государств; FAL (франц.: Fédération aéronautique internationale) Международная авиационная уния и т.п. Как мы видим в подобных случаях ценным дополнением является приобщение соответствующей иноязычной расшифровки аббревиатуры. В состав словаря включаются и такие достаточно распространенные ныне сложносокращенные обозначения, как **hi-fi**, **RH-factor**, **Rh negativní** и т.п.

Выше уже отмечалось, что АСИС является словарем синхронным, он отражает современный период в существовании чешского языка. Вместе с тем нельзя не отметить, что зафиксированная в нем лексика представлена не статично, а с учетом так называемой синхронной динамики, развертывающейся в рамках данного хронологического пласта. В этой связи составители АСИС уделяют большое внимание стилистической, а также частотной маркировке лексем, фиксируют характерную для них сферу употребления. В центре внимания при этом находятся прежде всего заимствованные слова повседневного употребления. Наряду с ними, воспроизводится и лексика сленговая, слова периферийного значения, диалектные, устаревающие и т.п. Тем самым регистрируемый словарный пласт "поворачивается" и под социолингвистическим ракурсом.

Важно подчеркнуть, что в чешском языке заимствованная лексика широко используется не только в литературном языке, в частности, в сфере профессиональной терминологии. В силу специфики исторических обстоятельств бытования чешского этноса заимствования (прежде всего германизмы), а также производная от них лексика широко отмечаются в разговорной речи, особенно в общедно-разговорном языке Праги и близлежащих регионов (так называемая *obecná čeština*), в сленге. Сказанное также достаточно последовательно регистрируется соответствующими словарными пометами, например, (*obec.*) в случае **fajnovka**, **fajnsmekr**, **fotr**, **frajer**, **flek**, **gábl**, **kšeft**, **ksicht** и множество других.

Оценка сферы употребления приводимых лексем в основном осуществляется на оси литературность – нелитератур-

ность. При этом литературной лексике противопоставляются лексемы разговорные (помета *hov.*), областные, или же региональные (помета *obl.* или же с конкретизацией типа *obl. mor.*, т.е. моравизмы и пр.), диалектные (помета *nář*), сленговые (помета *slang.*), жаргонные (помета *žarg.*). О маркировке лексем, функционирующих в феномене *obecná čeština*, мы уже говорили выше. Что касается детализации стилистической характеристики, то здесь идет речь о противопоставлении нейтральных лексем, не имеющих специальной маркировки, лексемам книжным и поэтическим, с одной стороны, и экспрессивным, с другой (в последнем случае маркируется пейоративность, аугментативность, вульгарность и пр.).

Оценивая значимость АСИС, нельзя не отметить, что его создание пришлось на достаточно сложный, динамичный и вместе с тем противоречивый период в жизни чешского этноса (сказанное в полной мере распространяется и на соседние славянские страны), когда, собственно говоря, произошло столкновение двух различных эпох, историческим рубежом между которыми явилась "бархатная революция" 1989 г. Достаточно напомнить в этой связи, что развертывание работы по составлению АСИС относится к началу 80-х годов, завершение рукописи приходится на 1991 г., а выход в свет – на 1995 г. Данное обстоятельство ставило составителей словаря в весьма сложное положение. Произошедшая смена социально-экономической формации, а, соответственно, и социально-культурных и политических ориентиров не могли не сказаться на развитии лексического состава чешского языка. В свою очередь это не могло не повлечь за собой необходимость дополнительного редактирования текста, внесения поправок, в частности, в семантическую интерпретацию некоторых лексем. Приведем в качестве примера интерпретацию семантики лексемы **kádrovák** (**kádrovačka**) "полит. сленг (в тоталитарном режиме) лицо, занимающееся по поручению партийных органов кадровой проверкой". Ср. для наглядности интерпретацию значения глагола **kádrovat** в упоминавшемся выше "Словаре литературного чешского языка" для школы и общественности ("Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost"): "проверять сотрудников с кадровой стороны", т.е. без фиксации соответствующих негативных коннотаций.

Что касается заимствованной лексики, то изменение экстралингвистических обстоятельств жизни общества и, в частности, расширение спектра культурно-экономических контактов проявилось, в частности, в возрастании притока заимствований, прежде всего англицизмов, что, весьма наглядно представлено и в рецензируемом словаре. Следует отметить, что, помимо многочисленных новых заимствований, АСИС фиксирует и факты переосмысления семантики уже известных слов; ср., например, семантическую интерпретацию лексемы *gorila*, у которой отмечаются два значения: 1. *зоол.* самая крупная человекообразная обезьяна из рода *Gorila*, живущая небольшими семьями в доисторических лесах средней и западной Африки. 2. *сленг* личный телохранитель некоторого высокопоставленного лица (политика и т.п.). Примечательно, что в разговорной речи встречается и дериват от *gorila* (во втором значении); ср. *gorilárna* "помещение, в котором живет охрана". Заметим, что в более ранних словарях, в том числе и в упоминавшемся нами выше словаре литературного чешского языка для школы и общестественности приводится лишь одно (первое) значение. Далее, у русизма *ochranka* АСИС также приводит два значения: 1. *ист.* тайная государственная полиция царской России в 1881–1917 гг. 2. *публ.*, *сленг* служба безопасности какого-нибудь лица. По нашим наблюдениям, данная лексема во втором своем значении довольно часто используется не только в прессе, но и в разговорной речи. Число подобных примеров может быть умножено.

Лексический корпус заимствований, представленных в АСИС, достаточно репрезентативен, хотя его и нельзя считать полностью исчерпывающим. Впрочем, последнее вряд ли можно ставить в вину составителям. Так или иначе, есть все основания утверждать, что АСИС займет важное и заслуженное место в лексикографическом наследии чешских языковедов. Выход данного словаря восполняет существенную лауну, остро ощущаемую как носителями языка, так и зарубежными учеными.

Отражая новый культурный слой в развитии лексики чешского языка, АСИС стал важным событием в жизни широкой общественности. Не случайно его появление было отмечено в 1996 г. престижной премией Чешского союза переводчиков.

Словарь ориентирован на весьма широ-

кую аудиторию, включающую лиц с самым различным уровнем образования. Он является ценным подспорьем для переводчиков, преподавателей, ученых, причем как отечественных, так и зарубежных, проявляющих интерес к изучению словарных богатств чешского языка, а также современной языковой ситуации.

Не можем не высказать, впрочем, некоторые замечания, не снижающие общей высокой оценки данного словаря. Так, на наш взгляд, составители словаря несколько расширительно трактуют понятие "заимствованное слово". Конкретно это проявляется в том, что здесь не проводится дифференциация между исконными заимствованиями и производными от заимствованных основ, не являющимися в строгом смысле заимствованиями. Уточняя нашу позицию, отметим, что, с нашей точки зрения, лексема, к примеру, *kraul*, является заимствованием, однако производные от нее *kraulář*, *kraulářka*, *kraulovat*, *kraulový* к числу таковых не принадлежат, что, очевидно, должно было быть как-то прокомментировано. Присоединение соответствующих деривационных морфем (вкуче со словоизменительными флексиями) повлекло за собой включение исконной заимствованной основы в русло словообразовательных закономерностей чешского языка. Невзирая на это, и те, и другие лексемы в словаре воспроизводятся практически на одном уровне. Так, наряду со *sport*, в качестве самостоятельных словарных статей приводятся *sportovat* и *sportovec* (*sportovkyně*), т.е., по сути, они также квалифицируются как заимствования. Ср. также *kompresorovna* и т.д. В отдельную статью выделены и некоторые деминутивы, например, *korunka*. Вместе с тем сам факт широкого включения дериватов, многие из которых фактически конкурируют друг с другом, в частности, у *Nomina mota* (при наличии соответствующей стилистической маркировки), позволяет получить более полное представление о словообразовательных тенденциях современного чешского языка; ср.: *chirurg* (*chirurgyně*, *chirurgžka*); *dramaturg* (*dramaturgyně*, *dramaturžka*); *hysterik* (*hysterička*, *hovor. hysterka*) и пр.

Словарь регистрирует немалое количество русизмов, в разное время заимствованных чешским языком. Приведем выборочно некоторые из них: *gruzovik*, *garmoska*, *gorbuše*, *gosudar*, *gorodky*, *gulag*, *chlestakovština*,

chozrasčot, chuligán (chuligánka), komsomolec (komsomolka), krasnoarmějec (krasnoarmějka), kopějka, kornilovština, kornilovec, komandýrovka, sputnik, šturmovik, šturmovština и др. Впрочем, в некоторых случаях имеются неточности. Так, лексема válenka воспроизводится в ж.р., хотя в русском языке это м.р. валенок, обычно во мн.ч. (валенки); при графической фикса-

ции таких лексем, как katuša, (kat'uša), samohonka предпочтение, на наш взгляд, должно быть отдано написанию kat'uša, samogonka.

В целом, как мы отмечали выше, создание АСИС является важным культурным достижением чешской лексикографической школы.

© 1997 г.

Нещименко Г.П.

Центр белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканистики РАН

Центр был организован в апреле 1994 г. для ведения комплексного страноведческого изучения Республики Беларусь, ее истории, культуры, литературы, религиозной жизни, внешней и внутренней политики, государственного устройства, взаимоотношений с Россией, а также координации работ в данной области в системе РАН. В настоящий момент центр проводит исследования по всем перечисленным проблемам, а также разрабатывает несколько тематических программ, связанных с изучением белорусской проблематики в региональном, европейском и мировом контексте. Особым направлением деятельности центра является создание компьютерных баз данных по определенным темам, являющихся надежной источниковой основой в проведении исследований и имеющих одновременно вполне самостоятельное справочное значение. С целью сбора разнообразных источниковых материалов центр проводит самостоятельные экспедиционные исследования в Республике Беларусь и сопредельных странах. Сотрудники центра постоянно оказывают экспертную и консультативную помощь органам законодательной и исполнительной власти России всех уровней. Много внимания центр уделяет развитию интереса к преподаванию белорусоведческих дисциплин в вузах России и популяризации итогов своих исследований в самой широкой социальной среде ряда стран, прежде всего России, Белоруссии, Польши, Украины, Литвы (выступления в печати, на радио, телевидении и т.д.).

Столь разнообразные и масштабные исследования центра, начатые в короткий

срок минимальными силами, во многом стали возможны благодаря успешному применению новейших информационных технологий и методов, постепенному переходу к электронным носителям, что уже сейчас позволяет задействовать практически весь спектр возможностей киберпространства, используя коммуникационные и информационные ресурсы глобальных компьютерных сетей, прежде всего Internet.

Наиболее крупными проектами, осуществляемыми центром, в настоящий момент являются: Международный исследовательский проект "Slavia Orthodoxa et Slavia Romana: Взаимодействие славянских миров: Духовная культура пограничья Центральной и Восточной Европы", реализуемый в содружестве с учеными и научными учреждениями Белоруссии, Польши и других стран; монографическое исследование "Православная литература Польши, 1918–1939"; создание интегральной компьютерной информационной системы открытого типа "Республика Беларусь: История и культура"; проведение исследований с помощью мониторинговой информационной системы "Республика Беларусь в мировом политическом контексте".

Деятельности центра существенно способствовала поддержка Российского гуманитарного научного фонда, гранты которого позволяли вести исследование по филологической и культурологической тематике, а также приобрести минимально необходимый набор компьютерной техники.

За время существования центра его сотрудниками было опубликовано в ряде стран (Россия, Белоруссия, Польша,

Украина, Болгария, США, ФРГ и др.) около 70 научных работ, в их числе десять книг и брошюр, и осуществлено несколько электронных публикаций в системе глобальных компьютерных сетей, включая Internet. Сотрудники центра участвовали в работе более чем 30 международных и республиканских научных симпозиумов в Белоруссии, Болгарии, Литве, Польше, России, Украине, а также в нескольких тематических компьютерных телеконференциях международного характера. Центр был организатором и принял участие в организации и проведении нескольких международных научных встреч в Белоруссии, России и Польше. Сотрудники центра являются членами редколлегий нескольких изданий, в том числе международных.

Успешная работа центра была бы невозможной без его широких международных связей и их постоянного развития. Центр сотрудничает со многими научными учреждениями и отдельными исследователями из стран Европы, Америки, Азии и Австралии. Центр имеет договоры о взаимном сотрудничестве с рядом ведущих научных учреждений и организаций Белоруссии и Польши. При центре работает Международная лаборатория по изучению духовной культуры белорусов Польши им. М.К. Бобровского, в деятельности которой принимают участие исследователи из Белоруссии, Польши, России.

С целью интенсификации исследований

на базе центра создано Общество белорусистов, насчитывающее около 20 ведущих ученых РАН, включая ее действительных членов.

Исследования центра уже получили положительную оценку, в том числе международную, о чем свидетельствуют рецензии и публикации об отдельных из них и о деятельности центра в целом, а также тот факт, что директор центра Ю.А. Лабынцев в 1995 г. был избран вице-президентом Международной ассоциации белорусистов.

Учитывая возросший общественно-политический и экономический интерес к состоянию и перспективам развития науки в странах СНГ, центр планирует начать, при наличии финансирования, работу по созданию информационной системы "Фундаментальная наука Республики Беларусь: Гуманитарные исследования", первоначальным звеном которой явится мониторинговый проект, охватывающий научные исследования, осуществляемые в белорусских высших учебных заведениях.

Помимо этого, при условии финансирования, центр намечает на 1997 г. разработку концепции историко-этнологического и культурологического проекта "Восточнославянские меньшинства современной Польши", а также формирование мониторинговой системы "Белорусы современной Польши".

© 1997 г. *Лабынцев Ю.А.*

Славяноведение, № 5

К 85-летию МИЛОША ДОКУЛИЛА

5 июля 1997 г. один из крупнейших представителей современной чешской лингвистики Милош Докулил отметил свое 85-летие. Многие годы беззаветного служения юбиляра науке были щедро вознаграждены. Говоря это, мы имеем в виду не только количество опубликованных трудов, но прежде всего их значимость для развития науки: вряд ли можно найти современного специалиста по словообразованию, морфологии, теории номинации, на формирование научной позиции которого не оказали бы основополагающее

влияние фундаментальные работы М. Докулила. Творческое наследие юбиляра стало достоянием не только богемистики, но и мировой языковедческой науки в самом широком понимании. Причина этого коренится в огромном интеллектуальном потенциале, в масштабах самой личности ученого, его высокой человеческой и научной ответственности. М. Докулил олицетворяет собой не только тип ученого мыслителя, теоретика, но и ученого-романтика, что в наши дни само по себе является редкостью.

Получив прекрасное лингвистическое образование (в университете Брно, а затем и в знаменитом лингвистическом центре Коленгагена), М. Докулил после ряда лет практической педагогической деятельности соединил свою судьбу (в 1948 г.) с Институтом чешского языка Академии наук, где прошел путь от научного сотрудника и заведующего сектором современного чешского языка до директора института. На протяжении ряда лет он возглавлял научную коллегия по языкознанию Чехословацкой Академии наук, руководил деятельностью новой Пражской лингвистической школы. М. Докулил принимал активное участие во многих международных научных форумах, в частности, в съездах славистов (уместно напомнить, что в 1957 г. он выступал с докладом на съезде славистов в Москве). В 1972 г. юбиляр был удостоен Президиумом Чехословацкой Академии наук почетной медали им. Й. Добровского за заслуги в развитии науки. И вместе с тем нельзя не отметить исключительную скромность юбиляра, всегда несколько сторонившегося "суеты мирской".

Несмотря на то, что в сфере интересов ученого прежде всего находится богемистика, тем не менее осмысление закономерностей строения и функционирования чешского языка в его работах, как правило, осуществляется в широком контексте общезыковых взаимосвязей, в ряду которых важное место занимают славянские, а также германские языки (М. Докулил по своему образованию еще и германист).

Обращает на себя внимание исключительная эрудированность и широта интересов ученого. Пожалуй, трудно назвать область языкознания, которая бы не привлекла его внимания, и где бы он не высказал множество оригинальных и глубоких идей. Плодотворно развивая основные концептуальные положения Пражского лингвистического кружка, М. Докулил уделяет большое внимание совершенствованию методики системно-функционального подхода, изучению как внутриуровневой, так и межуровневой языковой динамики. В его поле зрения находятся проблемы общего языкознания, в частности такие вопросы, как взаимоотношение языка и мышления, бинарные противопоставления, принципы образования номинаций. Наряду с этим его интересует и широкая проблематика, связанная с изучением литературного языка, языковой культуры. Вклад ученого в

разработку всех этих проблем исключительно велик. Важно также подчеркнуть, что при рассмотрении всех спорных вопросов он последовательно учитывает системные языковые закономерности.

Оценивая важность исследований М. Докулила для современной науки, мы хотели бы особо выделить его работы по словообразованию и номинации, заслуженно снискавшие ему мировую известность. В этой связи следует отметить, что ученому удалось не только создать строгую, логически не противоречивую научную концепцию словообразования (см. его труд: *Tvoření slov v češtině*. Praha, 1962. 1. *Teorie odvozování slov*), но и последовательно воплотить ее в языковом материале. Не случайно именно М. Докулил явился создателем чешской словообразовательной школы, к трудам которой обращаются дериватологи различных национальных лингвистических школ. Можно выразить лишь сожаление по поводу того, что столь успешно начатый цикл фундаментальных исследований по чешскому словообразованию (ср.: *Tvoření slov v češtině*. Praha, 1967. 2. *Odvozování jmen podstatných*) в силу обстоятельств до конца все еще не опубликован, хотя практически готов к печати третий том, посвященный глагольному словообразованию. Нельзя не отметить, что в 80-е годы М. Докулил сотрудничал с ИСБ РАН в работе над международным проектом по сопоставительному изучению славянского словообразования (см. его статью: Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксальной деривации в славянских языках) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987).

М. Докулил является активным участником ряда синтетических трудов и, в частности, Академической грамматики чешского языка (*Mluvnice češtiny*. Praha, 1986).

Несмотря на выраженный интерес М. Докулила к теоретическим проблемам языкознания, он уделяет большое внимание и практической деятельности по повышению языковой культуры, улучшению методики преподавания родного языка. Упомянем в этой связи, что он является соавтором большого количества учебников для средних школ, гимназий, а также для учителей. В 1995 г. вышел в свет учебник чешского языка для средних школ и вузов (*Čeština. Řeč a jazyk*), в котором им написан раздел по словообразованию. Ученый активно участвовал в популяризации норм культуры речи на Чехосло-

вацком радио, подготовке Правил чешского правописания 1957 г. Важное значение он придавал своей деятельности в редколлегиях ряда чешских лингвистических журналов (прежде всего "Slovo a slovesnost"), многократно выступал с лекциями за рубежом.

Нельзя с благодарностью не отметить теплое и внимательное отношения М. Докулила к русским учёным, его хорошее знание русского языка (заметим, что им в свое время был выполнен перевод

на чешский язык "Введения в языкознание" А.С. Чикобавы).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что М. Докулил – строгий, внимательный и чрезвычайно доброжелательный учитель. Для своих учеников он является образцом не только беззаветного служения науке, но и исключительной порядочности, скромности, великодушия. Это наставник в полном смысле этого слова. Огромное ему за это спасибо!

© 1997 г. *Нещименко Г.*

**Новые издания Института славяноведения
и балканистики РАН**

В 1994–1995 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.

Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.

Польско-советская война. 1919–1920. Ранее неопубликованные документы и материалы. М., 1994.

Михутина И.В. Польско-советская война, 1919–1920. М., 1994.

Улуян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878. М., 1994.

Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.

– **Фрейдзон В.И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX–нач. XX в. М., 1994.

**Костюшко И.И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.

Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.

Славянские съезды XIX–XX вв. Сб. статей. М., 1994.

НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.

Национализм и формирование наций. Теории–модели–концепции. М., 1994.

**Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий).* М., 1994.

**Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV–первая половина XVI в.). М., 1994.

**История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы.* М., 1994.

Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.

**Специфика литературных отношений.* М., 1994.

**Общекарпатский диалектологический атлас.* М., 1994. Вып. 2.

Миф и культура. Человек–не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.

**Кишкин Л.С.* Литература среди искусства и наук. М., 1994.

**Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства.* М., 1995.

Бывшие "хозяева" Восточной Европы. М., 1995.

**Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945.* М., 1995.

**Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема.* М., 1995.

**Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII–70-е годы XIX в.).* М., 1995.

**Исследования по славянской диалектологии 3. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах.* М., 1995.

**Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции.* М., 1995.

Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.

**Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов.* М., 1995.

Никифоров Н.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.

**Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения).* М., 1995.

**Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии.* М., 1995.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Zavalishina N.Yu.</i> (Moscow). Movement of the Youth in Yugoslavian grounds at the of the XXth Century	3
<i>Shatilov A.B.</i> (Moscow). The Russian Emigrants in Australia in 20–30 years	9
<i>Freidenberg M.M.</i> (Tel-Aviv). Venice, Dubrovnic, Split at the end of the XVI Century: rivalry of cities. (To the question on the role of the Jews in Balkanic trade)	15
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Lexicon with the meaning of the speech in Old-Slavic language. II. Words with roots -рек-, -глас-, -глагол-	22

PUBLICATIONS

<i>Khlebnikova V.B.</i> (Moscow). Russian diplomat K.A. Gubastov and his service slip "Chernogoria. Years 1860–1900."	35
<i>Robinson M.A., Dostal M.Yu.</i> (Moscow). Lecture of E.F. Shmurlo "Moscow – The Third Rome" ..	52
<i>Baran Kh., Dushechkina E.V.</i> (Olbany–St. Petersburg). P.G. Bogatyrev's Letters to P.O. Yakobson	67
<i>Zadorojnyuk E.G.</i> (Moscow). "Genuine revolution is the revolution of reforms". (From the book of T.G. Masarik "Russia and Europe")	100

MATERIALS FOR THE CHURCH-SLAVIC LANGUAGE TEXTBOOK

<i>Kravetski A.G.</i> (Moscow). The experience of compiling a liturgical symbols dictionary	108
---	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>L.K. A.S. Pehterev, Y. Klapka.</i> Russian literary emigration in Chechoslovakia (1918–1938)	113
<i>Budagova L.N.</i> "Way romantic has been made..." (B.F. Staheev in memoriam)	115
<i>Neshchimenko G.P.</i> Academie věd České republiky. Ústav pro jazyk český Akademický slovník cizích slov	118

SCIENTIFIC LIFE

<i>Labyntzev Yu.A.</i> Center for Belorussian Research at the Institute for Slavic and Balkanic Research RAS	123
<i>Neshchimenko G.P.</i> To the 85th Anniversary of Milosh Dokulil	124
The new Publications of the Institute for Slavic and Balkanic Research RAS	127

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.06.97	Подписано в печать 17.07.97	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отг. 6.8 тыс.
	Тираж 640 экз.	Уч.издл. 12,0
		Бум.л. 4,0
	Зак. 2022	

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ '97

российские и зарубежные
газеты, журналы, книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

АПР

Агентство Подписки и Розницы

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

АРПИ

Агентство по распространению
печати Издательства "Известия"

УГОДИЕ